А. Соболевский. Командир подземного гарнизона

...большевиков
...всем народам
...небольшой ...
...человек. Я кому-
...нет - ...
...ин Советского союза. Если
...умер, то чтоб ... помнят и ни-
...не забывали, брать,
...родине, что эта смерть
...борьбой до конца жизни, за
...и кровью. Война те-
...и еще не кончилась! А все-
Мы победим!
Смерть
Мы победим!
Мы
Отстоим
С...
Н...
Кр...
Ан...
Ро...

Да здравствует наша Родина!

Лучше смерть чем плен

Помните нас!

Прошу после моей смерти считать меня коммунистом

Смерть врагу,

здравствует Красная Армия!

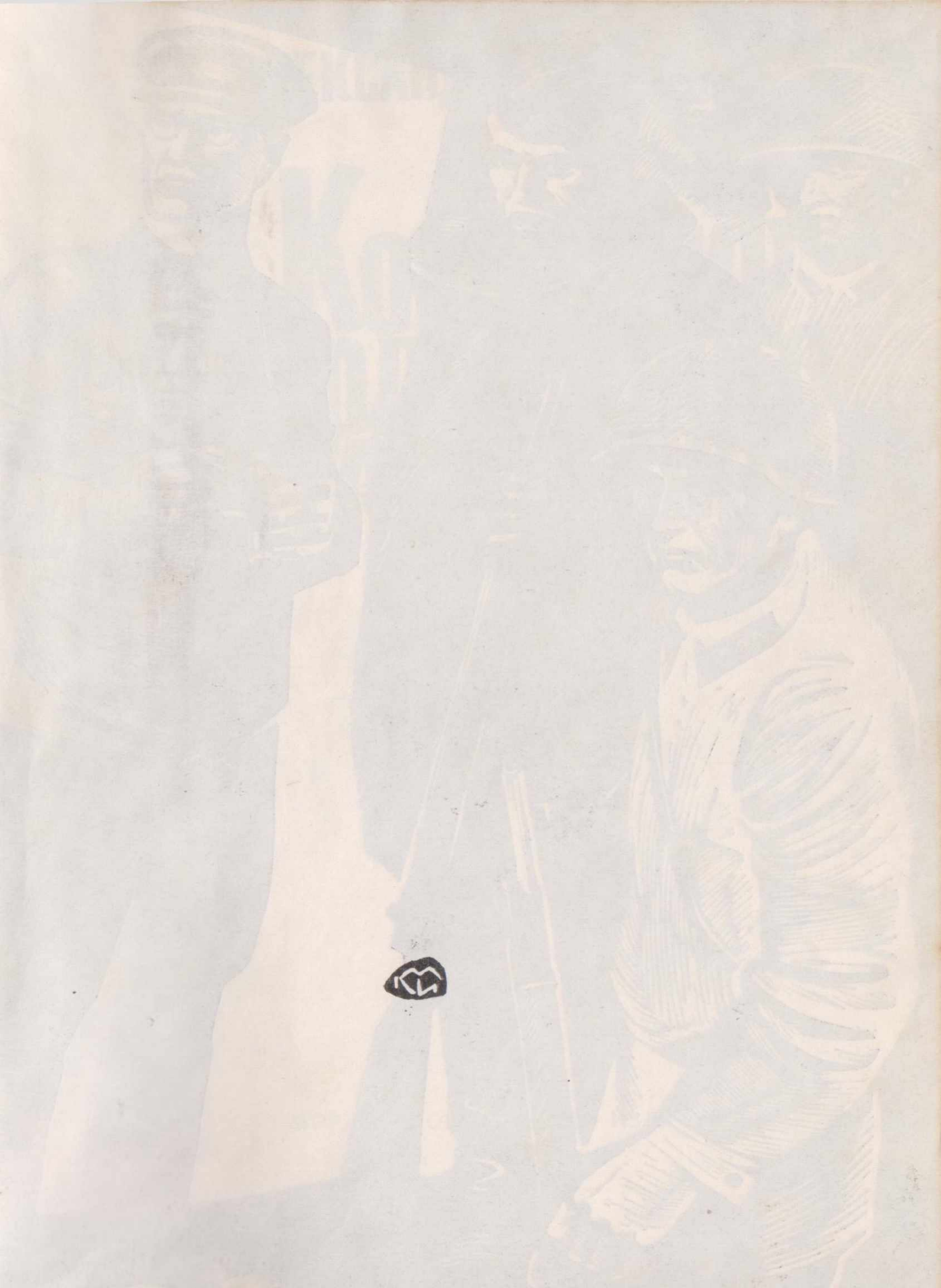
Прощайте!

Наше дело право, смерть фашистским гадам.

Умрем за Родину.

Смерть врагу

Да здравствует коммунизм

АЛЕКСАНДР СОБОЛЕВСКИЙ

КОМАНДИР ПОДЗЕМНОГО ГАРНИЗОНА

Повесть

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ДОПОЛНЕННОЕ
И ПЕРЕРАБОТАННОЕ

САРАНСК
МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

С $\frac{4702400000-060}{М\ 130(03)-83}$ 61—83

I

Каменистая степь за Керчью тонула в дыму. Дым стлался над древними курганами, сизой пеленой висел над морем у переправы на таманскую сторону, грязно-синими космами расползался у широких, сложенных из тяжелых плит серого ракушечника, стен старинной, построенной турками крепости Еникале. Время не разрушило крепких крепостных стен, возвышающихся у кромки берегового откоса, открытого соленым, как рассол, крепким морским ветрам.

В штормовую погоду соленые брызги и легкие клубки перламутровой пены долетали до замшелого основания стены, а

волны с ревом тяжело разбивались о мокрые сверкающие камни скалистого побережья и, обессиленные, откатывались назад. Новые и новые крутые валы неукротимо вздымались друг за другом, и в их тяжком стремлении заключалась непобедимая, неуемная мощь разбуженной вольной стихии. В бурную непогодь вода в проливе из голубой становилась зеленой и отливала бутылочным стеклом. Гребни волн снежно белели, дымились, обдавая водяной пылью крикливых чаек, дерзко реющих над кипящей глыбью на своих упругих стремительных крыльях.

В штиль с крепостной стены, с вершин круглых молчаливых башен виднелся-таял в голубой дымке противоположный обрывистый берег — таманская сторона, или, выражаясь языком русских летописцев,— Тмутаракань, по преданиям наших предков — край света, неведомая, полная всяких див страна, восстававшая из пепла и снова испепеляемая огнем завоевателей: греков и аланов, половцев и косогов, генуэзцев и турок. История Тамани и Керчи знала расцвет Боспорского царства, свист каленых скифских стрел, культуру эллинов, свободолюбивых рабов и смелого Савмака, топот и ржание степных коней диких кочевников, мор и запустение, строительство величественных храмов и варварские разрушения.

В ясные солнечные дни с керченской стороны, за тихой зыбью рыбьей чешуей блестевшего пролива, виднелся таманский берег, длинная, уходящая в море коса. Сейчас таманский берег лежал за мглистой наволочью густого черного дыма. Чадно дымили рыбные склады керченского побережья, горели цеха металлургического завода, разрушительные пожары полыхали в порту и на улицах Керчи.

Третий день шли ожесточенные бои за город. Врагу удалось ворваться в Керчь. Под натиском фашистов воинские подразделения Крымского фронта отходили к переправе через пролив. По дорогам к переправе у крепости Еникале день и ночь в спешке двигались войска: скрипели конные парные повозки, груженные армейской поклажей; натужно гудели зеленые трехтонки и полуторки, переваливаясь через ухабы, торопились санитарные машины с тяжелоранеными красноармейцами. По обочинам дорог, поднимая пыль, двигались танки. Части Красной Армии эвакуировались на Тамань. Фашистские войска стремились помешать переправе, отрезать от пролива соединения фронта, окружить их и наголову разгромить. Бои у переправы решали судьбу трех армий Крымфронта. Эвакуацию этих армий через пролив прикрывали морские пехотинцы и пограничники, политработники резерва фронта, отдельные подразделения стрелков, кавалеристов и других воинских частей.

Железное кольцо врага вокруг переправы сжималось с каждым часом. Над степью от Керчи до пролива стоял сплошной гул: рвались бомбы, снаряды, надсадно завывали мины, то утихала, то с новой яростью разгоралась винтовочная перестрелка. Немецкие бомбардировщики с черно-белыми крестами на крыльях бомбили скопления наших войск по всему пространству у побережья. Самолеты пикировали на толпы беженцев, покинувших Керчь, обстреливали из пулеметов санитарные повозки и автомобили. С таманской стороны навстречу немецким «юнкерсам» в синем майском небе показывались краснозвездные «ястребки», и над побережьем колесом кружилась смертельная воздушная карусель. Переправа не прекращалась, а взгляды бойцов невольно следили за исходом боя на высоте. И когда «юнкерсы», торопливо сбрасывая бомбы, поворачивали назад, напряженные лица бойцов смягчались.

Переправой командовал майор Волков. На небритом скуластом лице майора ходуном ходили желваки, цепкий взгляд из-под густых черных бровей успевал следить и за погрузкой людей на баржи, буксиры, рыболовные суда, и за приближением вражеских самолетов, и за всем тем, что творилось на переправе и что могло показаться со стороны совершенной неразберихой. Однако во всей этой неразберихе действовал свой скрытый, понятный одному Волкову порядок, и весь большой громоздкий организм переправы жил, подчиняясь этому порядку, как подчиняется огромный сводный оркестр опытному дирижеру, хорошо знающему, где, когда и какому музыканту надо вступить в игру.

На командном пункте переправы, расположенном под высокими сводчатыми воротами крепости, беспрестанно звонили полевые телефоны; то и дело подбегали связные, докладывали и, получив новые приказания, спешно покидали командный пункт.

Волков не спал третьи сутки, охрип от беспрестанных приказов и ругательств, устал от нервотрепки и суеты. Фуражку на голове майора продырявили осколки, но сам он чудом оставался жив и невредим. Во время налетов бомбардировщиков Волков, казалось, не обращал на них никакого внимания и только становился сосредоточеннее, отдавая команды. Зенитки на переправе и спаренные пулеметы при каждой команде — «воздух!» — открывали скоростную стрельбу до тех пор, пока не раздавался сигнал отбоя воздушной атаки.

Под стенами крепости с обеих сторон на земле рядами лежали раненые. К переправе раненых подвозили из Керченских каменоломен, расположенных на окраине города у поселка Аджимушкай. До наступления немцев на Керчь в каменоломнях

находилось командование Крымфронта, размещались армейские госпитали, склады, интендантские службы. По приказу командования раненых и больных эвакуировали в первую очередь. Но на переправе не хватало плавсредств. Погрузка на суда шла под непрерывным обстрелом вражеской артиллерии и непрекращающейся бомбежкой. Несколько самоходных барж и буксиров было потоплено прямым попаданием бомб и снарядов недалеко от берега. Взбаламученная взрывами вода пролива казалась кипящей, водяные смерчи взмывали вверх и рушились обратно, волны швыряли на берег обломки досок, пустые бочки, автомобильные покрышки, бревна. Один из бомбардировщиков, сбитый зенитчиками, факелом рухнул у самого берега, фюзеляж самолета торчал из мелководья.

Спокойнее на переправе не становилось и по ночам. Вражеская дальнобойная артиллерия не прекращала обстрела, осветительные ракеты белыми сполохами горели в ночном небе. То в одном, то в другом месте переправы неярко вспыхивали сигнальные фонарики, к пристани причаливали баржи, транспортные суда, своим чередом шла погрузка раненых, военной техники, воинских подразделений.

Волков с болью в душе понимал, что частям прикрытия все труднее сдерживать рвущиеся к переправе фашистские танки и превосходящие силы моторизованной пехоты. Все ожесточеннее разгоралась перестрелка возле каменоломен, где с врагом сражались воинские подразделения под командованием полковника Ягунова. Майор подносил к воспаленным от бессонницы глазам морской бинокль и пытался рассмотреть, что делается на Царском кургане, круглая, как шапка, вершина которого возвышалась слева. Волкову казалось, что на зеленой, одетой майской травой вершине кургана полощется на ветру красный флаг. Но майор ошибался. Уже несколько раз курган штурмовали немецкие бомбардировщики, и флаг был уничтожен прямым попаданием бомбы. Майор не знал, что курган два раза переходил из рук в руки и что теперь им вновь, отбив врага, овладели пехотинцы полковника Ягунова. Волков не знал, что вражеские танки обошли курган и движутся к переправе. Когда майору сообщил об этом дежурный связист, на переправу прибыл полковник Ягунов. Волков доложил обстановку.

— Про танки знаю,— недовольно поморщился полковник. Ему неприятно было слышать об этом.— Сделаем все возможное, чтобы уничтожить. К переправе не допустим.

На командном пункте у переправы Ягунов задержался недолго. На счету была каждая минута. Быстрым взглядом сквозь пенсне полковник окинул раненых, лежавших у крепостной стены, отрывисто спросил:

— Почему не эвакуировали?

— Не успел, товарищ полковник. Только что доставили из каменоломен. Жду баркасов с таманской стороны,— Волков посмотрел в бинокль.— Два на подходе. И еще баржа.

— Немедленно начните отправку раненых,— распорядился Ягунов.— Используйте все средства: лодки, плоты. Чтобы ни один раненый не остался здесь. Постарайтесь, майор... В нашем распоряжении два-три часа. Не более.

Волков взглянул на треснувший циферблат ручных часов. Ровно семь вечера. По дороге вниз к переправе шли четыре грузовика. Это были последние машины с тяжелоранеными бойцами, которым удалось проехать к старинной крепости из каменоломен.

— Выполняйте приказ, майор,—Ягунов пожал Волкову руку. Рукопожатие было крепким, из тех, что нравились Волкову. Он не любил, когда, здороваясь, начальство вяло протягивало руку, словно делало одолжение. Ладонь Ягунова была жесткой и цепкой, какие бывают у сильных, знающих физический труд людей. Строгость на мгновение пропала с лица полковника — и это заметил Волков, а Ягунов уже без всякой официальности тихо сказал:

— Знаю, нелегко... Сейчас всем нам нелегко. Кто знает, удастся ли нам встретиться еще. Я надеюсь на вас.

— Ясно, товарищ полковник,— Волков взял под козырек.— Все будет сделано, не беспокойтесь.

Над переправой начали очередной заход немецкие бомбардировщики. Заработали зенитки, горячие волны взрывов прокатывались над побережьем. Фугасные и осколочные бомбы взрывались в море, на каменистом спуске к причалу. Сквозь дымную пелену временами проглядывало заходящее солнце, освещая стены крепости, выщербленные осколками снарядов и бомб, неспокойное море, всхолмленную, дышащую гарью крымскую степь.

2

Сотни лет в окрестностях Керчи из-под земли добывали камень. Белый известняк требовался для строительства домов, храмов греческим богам Зевсу и Аполлону, Афине-Палладе, покровительнице мирного труда, научившей людей обуздывать коней и запрягать быков, делать колесницы и строить корабли под быстрыми парусами, богине мудрости, стоящей на страже законности и порядка.

Прочный и легкий камень, добытый в каменоломнях, шел на сооружение крепостей, городских стен, маяков, гробниц знат-

ных людей и другие нужды. После добычи камня под землей оставались пробитые в известняке пещеры и галереи, соединенные между собой проходами и коридорами.

Во времена Боспорского царства на месте Керчи стоял город Пантикапей, один из самых крупных греческих городов в северном Причерноморье, столица боспорских царей. Рабы при свете чадящих смоляных факелов добывали под землей для нужд города строительный камень. Труд рабов-каменотесов был изнурительно тяжелым.

Более двух тысячелетий велась добыча камня близ Керчи. На многие километры протянулись под землей темные каменные коридоры, подобно лабиринту царя Миноса. Последние штольни и коридоры были пробиты камнерезчиками в 1941 го-

ду, в самом начале войны. Часть заготовленного камня не успели вывезти, и он так и остался в каменоломнях.

Здесь, в Керчинских каменоломнях, и оказались отрезанные от переправы численно превосходящим противником разрозненные воинские подразделения Крымского фронта. Эти подразделения арьергарда прикрывали переправу и обеспечили выполнение приказа командования — удержали наступление врага, дали возможность частям Красной Армии эвакуироваться на кавказское побережье.

Полковник Ягунов, простившись с начальником переправы, в юрком газике спешил проскочить в каменоломни. Там держали оборону политработники резерва фронта, морские десантники, пехотинцы, кавалеристы. На полпути от переправы машина Ягунова попала в засаду. Фашистские солдаты залегли на возвышении. Им открывался обзор на пролив. Машина Ягунова на большой скорости выскочила на взгорок. Автоматная очередь хлестнула сбоку, пробила обшивку и боковое стекло. Ягунов, пригибаясь, увидел мельком немецких автоматчиков, и легковушка понеслась под уклон.

— Жми на всю железку! — крикнул шоферу полковник.

Водитель и сам понимал, что надо «жать». Легковушку бросало из стороны в сторону, дорога стремительно летела под колеса, шофер еле успевал лавировать, объезжая воронки и ухабы.

Стрельба вдогонку не прекращалась. Заднее стекло рассыпалось вдребезги. Шальная пуля задела плечо шофера, но он не выпустил баранки из рук. На повороте, скрывшись за холмом, машина вырвалась из-под обстрела. Левый рукав гимнастерки шофера потемнел от крови. Ягунов достал из полевой сумки перевязочный пакет.

— Останови машину, старшина. Теперь нас не достать. Давай перевяжу рану.

Водитель повернулся к Ягунову.

— Пустяки, Павел Максимыч... Чуть-чуть задело. Главное — владенье у руки есть. Могло быть хуже. Черти, затаились на бугре — поди разгляди. Можно считать, нам повезло. Живы будем — не помрем.

Ягунов наскоро перевязал ему плечо.

— Потерпи, Федор. Доберемся до каменоломен, там, считай, мы дома. Полежишь в госпитале, подлечишься. Верно я говорю?

— Верно-то, верно, Павел Максимыч. Только отлеживаться по госпиталям неудобно в такое время. Ладно бы ранение серьезное — тогда другое дело. Тридцать семь лет живу, а болеть еще ни разу не болел и в больницах у врачей бывать не приходилось. Как говорится, бог миловал.

Здоровой рукой Федор стащил со стриженой лобастой головы выгоревшую белесую пилотку, утер вспотевшее лицо.

— Взопрел, как в парной. Вечер, а духотища — дышать нечем. Теперь бы в море окунуться разок-другой — сразу бы как гора с плеч. А еще лучше — в нашей деревенской речке, она так и называется — Студенец. Вода в ней и летом в жарынь студеная, по всей речке со дна ключи родниковые бьют. Ладно, доживем до лучшей поры, а сейчас ехать надо.

Машина полковника Ягунова вновь набрала скорость. Впереди в дыму пожарищ лежала Керчь, опоясывая гору Митридат с востока, севера и юга. Солнце заходило за гору, красные краски заката пробивались сквозь разрывы пепельно-грязных туч, стоявших над городом. Слева от дороги виднелись беленые одноэтажные домики поселка Аджимушкай. Там не смолкала ожесточенная перестрелка, частили автоматные очереди, гулко ухали мины.

— Рвутся вплотную к каменоломням,— Ягунов не сводил взгляда с окраины поселка.— Пока мы были у переправы, успели, видать, перерезать дорогу и обойти каменоломни. Теперь еще светло, на машине к своим не проскочить.

— На машине здесь лучше не пытаться, товарищ полковник. Придется в объезд. На рожон не стоит лезть.

От города по дороге двигалась колонна фашистских танков. Ягунов насчитал тридцать. Шесть танков свернули с дороги и укрылись за церковью. Островерхая церковная колокольня белым перстом торчала на возвышении невдалеке от каменоломен. Остальные танки после короткой остановки двинулись прямо по дороге.

— Куда это они? — старался разгадать намерения танкистов старшина.— К переправе? Идут как на параде...— Подбирая выражения позадиристее, шофер отпускал по адресу фашистов такие словечки, что Ягунов, сам большой любитель пошутить и вставить в разговор острое словцо и народную прибаутку, слушая его, только улыбался и весело щурил близорукие глаза.

— Хочешь не хочешь, а придется уступить дорогу,— балагурил Федор, чтобы не думать о начавшей болеть ране.— Мы не гордые. Небось, попадись навстречу наши «тридцатьчетверки», не ту бы песню запели. Моментально бы забыли про свой «марширен гут». Марширен гут — куда ноги унесут.— Старшина свернул с шоссе на полоску пылью белеющего проселка.

За курганом, ближе к побережью, продолжал гореть металлургический завод; полуразрушенные кирпичные трубы аглофабрики сиротливо торчали на фоне искореженных обстрелами артиллерии и разрывами фугасок обгорелых цехов.

«Держатся ли там подразделения подполковника Бурмина?» — с тревогой подумал Ягунов. Утром он передал по рации приказ Бурмину: не дать противнику прорваться в районе завода и прилегающего к заводу морского побережья. Радист, передавший приказ, не получил подтверждения о приеме. Задача — сдерживать натиск гитлеровцев на подходах к заводу — была поставлена подразделениям Бурмина несколько дней назад, до начала эвакуации на кавказский берег. Однако обстановка у Бурмина складывалась тяжелая. Врагу за три дня непрерывных боев удалось вклиниться в лощину между Царским курганом и заводом, обойти заводские цеха. В любой момент здесь можно было ожидать прорыва немецких войск к переправе. Поэтому Ягунов и радировал подполковнику держаться до последнего патрона.

И бойцы Бурмина держались. Более трех суток самолеты врага беспрерывно бомбили заводские сооружения, вели ураганный обстрел цехов из пушек и пулеметов. О том, что подразделения Бурмина, неся тяжелые потери, отражают неприятельские атаки, можно было судить лишь по несмолкающему там орудийному грохоту, стрельбе противотанковых ружей, винтовочно-автоматной трескотне и разрывам гранат.

«Возможно, танки направляются на помощь гитлеровцам к заводу,— предположил Ягунов.— Хотят ударить с тыла заходом со стороны пролива. Если Бурмин жив, ему ночью следует отойти в каменоломни и отвести туда уцелевших бойцов. Как действовать дальше, подскажет обстановка. Может быть, удастся пробиться из окружения, форсировать пролив и выйти к своим на Тамань».

Прошлой зимой во время Керченско-Феодосийской операции полковник Ягунов во главе горно-стрелковой дивизии форсировал Керченский пролив с таманской стороны. Зимнее море сильно штормило, шквалистый ветер валил с ног, пенистые холодные волны раскачивали транспорт «Курск», тяжело ударяли в борта, выплескивались на палубу. Десантники, подняв воротники шинелей и бушлатов, коченели на палубе от пронзительного холода, с опаской глядели на темные водяные холмы, встающие за бортом.

В машинном отсеке натужно гудели двигатели, судно упорно преодолевало штормовой пролив. Из-за туч, низко плывших над морем, внезапно показались вражеские бомбардировщики. Резко заголосила сирена воздушной тревоги. Зенитчики заняли свои места у орудий. Павел Максимович Ягунов сам руководил их действиями, четко и спокойно отдавал приказы. Чувство самообладания не изменяло ему, когда вражеские бомбы, казалось, падали прямо на судно. «Юнкерсы» на бреющем полете

проносилось над транспортом, бомбы рвались в море совсем рядом с бортами. Корма судна то глубоко зарывалась в волны, то высоко вздымалась вверх.

С первого же захода эскадрилья немецких бомбардировщиков понесла потери. Один бомбардировщик удалось сбить огнем зенитной артиллерии. Объятый пламенем «юнкерс» взорвался в воздухе, обломки самолета разлетелись над водой, их бесследно поглотило штормовое море.

Через несколько минут воздушная атака возобновилась. Фашистские асы изменили тактику. Набрав высоту, самолеты пикировали на судно, бомбы одна за другой отделялись от люков. Десантники на палубе с тревогой глядели в хмурое, неприветливое небо. Надсадный гул работающих на пределе моторов леденил сердца. Зенитки раскалились от непрерывных залпов, огнем преграждая заход «юнкерсов» на цель. Нервы у немецких авиаторов явно сдавали: бомбы падали то впереди судна, то за кормой, пилоты никак не могли накрыть цель. Еще два бомбардировщика, дымясь, отвернули в сторону от корабля.

Ягунов командовал отражением воздушной атаки до конца, пока последний вражеский самолет не скрылся за сумрачными тучами.

«Надолго ли?» — думал про себя каждый боец-десантник. Зенитчики, прильнув к прицелам, не покидали своих мест у орудий, наблюдатели не сводили глаз с пасмурного хмурого неба. Видимость ухудшалась, над морем сгущался мрак, пошел дождь вперемешку с мокрым снегом. Снег леденел на ветру, застывал коркой на шинелях, на палубных надстройках, спасательных шлюпках.

Полковник Ягунов поднялся на капитанский мостик. Со всех сторон неслась белая снежная муть, свистел и завывал ветер, черные водяные валы, тяжело и круто переваливаясь, упрямо били в борта гулкими пушечными ударами. Транспорт, казалось, затерялся в бушующей мгле ненастной декабрьской ночи. Ни звезды в небе, лишь снежная круговерть неслась на крыльях ураганного ветра, залепляла глаза, мешала смотреть. Сколько кораблей, застигнутых в открытом море, погибало в такие бури. Десантникам не страшна была непогодь. В непроглядной темноте врагу не заметить судна под самым носом.

— Теперь нас сам черт не сыщет,— спокойно сказал Ягунов капитану.— Погоды лучше не надо, как по заказу.

В ходовой рубке мягко светились панели приборов управления судном, раздавались резкие звонки машинного телеграфа, худенький чернявый штурман, совсем мальчишка, склонившись над картой, вычерчивал курс. Полковник Ягунов снял пенсне, протер запотевшие стекла носовым платком, присел на

привинченный к полу стул, на минуту закрыл глаза. Режущая боль под веками стихла. После контузии у него стали часто болеть глаза, но полковник никому не говорил об этом. Может, все обойдется без лечения. Просто нужен покой, отдых. Съездить к себе на родину, в село Чеберчино, походить по родным, милым сердцу местам. Сколько лет он не был в родном селе... Больше двадцати. Восемнадцатилетним уехал в Ташкент, добровольцем вступил в Красную Армию. С тех пор только два раза доводилось побывать на родине, всего по нескольку дней. На продолжительное свидание с местами, где прошло детство, не хватало времени. Так, видно, бывает в жизни: дела и дела — и от них никуда не деться, не убежать. Этим делам приходится отдавать всего себя без остатка, а годы идут, и за плечами уже больше сорока лет. Если удастся дожить до победы, тогда...

Капитан отдал команду в мегафон:

— Объявить отбой!

Полковник открыл глаза. Транспорт, сбавив скорость, продолжал пересекать Керченский пролив. Невидный за непроглядной тьмою, крымский берег приближался, и десантники ждали сигнала высадки.

Потуже подтягивали ремни шинелей и бушлатов, поправляли готовые к бою винтовки, автоматы, ручные пулеметы. Вслушивались в короткие распоряжения командиров. Подбадривали друг друга. Знали, что ждет яростная схватка с врагом, что, возможно, не придется больше увидеться никогда.

Высадка десанта началась. Шторм не унимался. Ветер валил с ног. Волны били в борта. Бойцы, матросы прыгали в ледяную воду. На побережье вспыхнули прожекторы. Лучи света голубыми лезвиями резали ночную снежную мглу, скользили по неспокойному морю, низкому небу, скрещивались и расходились в поисках кораблей десанта. Береговые укрепления врага открыли ожесточенный огонь из артиллерийских орудий, минометов и пулеметов. Но никакая сила уже не могла помешать десантникам. По мелководью добирались до берега. Сраженные вражескими пулями падали в воду, холодные волны накрывали убитых и раненых.

Полковник Ягунов высадился вслед за ударной группой. Удачно преодолел мелководье. Пули несколько раз задевали каску. На береговой кромке пришлось залечь. Непрерывный обстрел прижал десантников к камням. Пулеметные и автоматные очереди не давали поднять головы. С кораблей по немецким батареям открыли огонь моряки. Снаряды рвались, уничтожая вражеские огневые точки.

Быстрота и натиск решали успех дела. Медлить — значило провалить операцию. Об этом знал каждый боец, каждый

командир. Пригибаясь, короткими перебежками, Ягунов бросился вперед:

— За мной!

Ночная тьма разрывалась светом прожекторов и ракет, свистели пули. Рвались мины. С визгом разлетались осколки. Артиллерийской канонаде глухо вторило штормовое море; волны катили вал за валом на берег, разбивались о камни. И так же, как волны, шли яростным валом десантники, отбивали у врага метр за метром обледеневшей береговой каменистой земли, поливали ее горячей кровью.

Полковник Ягунов добежал до разбитой каменной стены — остатков бывшего маяка, залег под ее прикрытием. Сменил израсходованный автоматный диск, поправил на голове каску. Здесь же под стеной лежали несколько бойцов его ударного отряда и вели обстрел из автоматов короткими очередями. Каким-то особым чутьем полковник чувствовал, что атака десантников не захлебнется, что нет у врага такой силы, которая могла бы остановить их натиск.

Узкая береговая кромка от моря до развалин маяка продолжала обстреливаться неприятелем, а бойцы уже закреплялись на ней, вгрызались в землю, штыками, ножами, лопатами, окапывались, устанавливали пушки. Ягунов знал: передовые подразделения десантников под его командованием во что бы то ни стало должны закрепиться на этой береговой кромке у Камыш-Буруна, обеспечить плацдарм для развития успешного наступления армии в этом районе. Если все пойдет так, как началось...

Высадка боевых частей десанта между тем продолжалась. Вслед за ударными группами на берег выкатывали пушки, рокоча, взбирались танки «Т-34». Выгружали зарядные ящики, продукты. К побережью сквозь штормовые волны на полном ходу подходили боевые катера.

* * *

Дорога петляла средь невысокой майской полыни. Ягунову не хотелось усложнять событий последних дней, но он привык смотреть правде в глаза. А правда была суровой. Кто хоть раз был в окружении, тот знает, что это такое. За себя Ягунов не беспокоился. Отдать жизнь за Родину — к этому он был внутренне готов. Его беспокоило другое. В каменоломнях окружены, отрезаны от своих тысячи людей. Сколько тысяч, он пока не знал. Он думал о большой ответственности за их судьбы.

До болотистой лощины с нешироким ручьем, где, по предположению Ягунова, должны были находиться морские пехо-

...инцы, оставалось с полкилометра. Кое-где по лощине темно-...леными купами выделялись заросли кустарника.

— Товарищ полковник, смотрите,— старшина притормозил ...ашину.— Вон за тем ивняком,— он показал в сторону,— танк!

— Разворачивай назад! — отрывисто приказал Ягунов.

Немецкие танкисты заметили автомобиль и открыли об-...трел из пулемета. Машина вовремя успела вырваться из зоны ...осягаемости.

— Издали заметил, Федор,— похвалил старшину Ягунов.— ...одкатили бы мы поближе — пиши пропало.

Шофер поправил съехавшую на затылок пилотку.

— Стреляного воробья на мякине не проведешь...

Автомашина Ягунова далеко отъехала от лощины, где стоял замаскированный фашистский танк, и пробиралась пыльным проселком обратно, в сторону шоссейной дороги.

— Вот какая петрушка получается,— водитель начал проявлять беспокойство.— Ума не приложу, как в каменоломни проскочить. Скорее смеркалось бы, что ли, чтобы глаза фрицам не мозолить. Мишень-то для врага очень подходящая.

— Проскочим! — приободрил старшину Ягунов.— Ты скажи, куда подевались из лощины морские пехотинцы? Неужели все погибли? Или отступили в каменоломни?.. Давай, Федя, выезжай на шоссе — и жми прямо к Аджимушкаю. На шоссе никого не видать. Не доезжая церкви, свернешь по дороге влево. Риск — дело благородное. В случае удачи — считай, мы в каменоломнях.

— Нет, я так думаю, товарищ полковник. Понапрасну рисковать не стоит. Заметят — из пушек начнут бить. Шума не оберешься. На тот свет мы еще успеем. Подождем сумерек вон в той лощинке, у кустов. Стемнеет — тогда и поедем.

Южная майская ночь быстро опускалась над степью. Багровые сполохи пожаров трепетали на горизонте. Слабое дыхание ветра доносило от моря свежесть и прохладу.

— С кавказской стороны ветерок, от наших,— Павел Максимович открыл дверцу, вышел из машины размять затекшие ноги. Вышел и шофер.

— Эх, теперь бы закурить, да махорка вся кончилась. Бывало, по кисету в день издымишь, теперь пришел край — хоть траву зыбай. Поневоле бросишь курить. Сколько раз зарекался от этого курева себя избавить! Вот отвоюемся, вернусь домой — и ни цигарки в рот, хватит. Брошу. Такой зарок себе дал, а фронтовой зарок — крепче железа.

— Что верно, то верно,— согласился Ягунов.— Я подростком начинал куревом баловаться, да быстро отстал от этого дела. Всерьез так и не привык. Не привилось. Доберемся до каменоломен — у меня, Федор, несколько пачек махорки для тебя найдется. Земляки прислали нашей, мордовской.

— Вы из Мордовии, Павел Максимович?

— Оттуда. До революции наше село к Симбирской губернии относилось, а после к Мордовии отошло. Село большое, знаменитое... Про фельдмаршала Румянцева-Задунайского слыхал?

— Слыхал,— подтвердил старшина.— По истории в школе проходили. Кажется, во времена Екатерины Второй войсками командовал в войнах с турками.

— Так вот,— продолжал Ягунов,— фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский из нашего Чеберчина. У его отца там вотчина была. Знаменитый русский полководец. Сам

Суворов учился в молодости полководческому искусству у прославленного фельдмаршала. При Кагуле Румянцев-Задунайский в 1768 году с семнадцатитысячным отрядом наголову разбил стопятидесятитысячную армию турок. В результате блестящих побед Румянцева над турецкими войсками Россия заключила с Турцией выгодный Кучук-Кайнарджийский мир. По этому миру к России отошла вся Азовская область, в Крыму — Керчь и крепость Еникале, а крымские татары были признаны независимыми от турецкого султана. Румянцев бил врага не числом, а умением. С двадцатипятитысячным войском в том же году он разгромил восьмидесятитысячаую турецкую армию и этой победой прославил русское оружие.

И пруссаков Петр Александрович бивал не раз в Семилетней войне. Тогда он был молодым генералом. Выделялся своей смелостью и решительностью. И в солдатах эти качества ценил. В сражении вблизи прусской деревушки Грос-Егерсдорф полки под его командованием выручили русскую армию и решили исход боя. Бригада Румянцева ударила неприятелю в тыл, там, где он этого не ожидал. Во вражеских шеренгах началась паника. Можно сказать, что благодаря бесстрашной штыковой атаке вверенных ему подразделений победа была вырвана из рук пруссаков. Русские разбили их наголову.

— Значит, еще в те времена доставалось пруссакам от русских,— заметил старшина.

— Доставалось, Федор, доставалось,— подтвердил полковник.— А хваленого прусского короля Фридриха II, чья слава гремела по всей Европе, российские войска разгромили на его территории у селения Кунерсдорф под Франкфуртом. И здесь отличилась дивизия, которой командовал генерал Румянцев. Он смело повел легкую конницу в атаку против кирасир неприятеля. Фридрих надеялся, что при столкновении с его кирасирами, закованными в металлические латы, русские кавалеристы разобьются об их тяжелые ряды, словно о скалу. Но этого не произошло. Кирасирам мешали металлические доспехи и ружья, делали конников неразворотливыми. На этом и построил свой расчет Румянцев. И этот расчет оправдался. Его легкая кавалерия оказалась куда подвижнее тяжелой прусской. Сабли русских конников настигали кирасир на всем поле боя. Сам Фридрих II едва не попал в плен к кавалеристам Румянцева. При спешном отступлении он потерял подзорную трубу и шляпу.

— Когда надо спасать голову — тут не до шляпы,— усмехнулся шофер.— Пожалуй, и про штаны забудешь. Мамай с Куликова поля, говорят, от Дмитрия Донского едва ноги унес, так драпал, что чуть портки не потерял. До самой Астрахани бежал.

— За находчивость и храбрость в сражении при Кунерсдорфе Румянцева удостоили ордена святого Александра Невского. Это был его первый орден за воинские заслуги перед нашим отечеством,— продолжал Ягунов.— Этими заслугами справедливо гордятся у нас в стране, помнят о них. В ходе Семилетней войны с Пруссией на счету Румянцева взятие крепости Кольберг. При осаде и штурме ее он командовал корпусом и проявил незаурядный воинский талант и организаторские способности. Вместе с донесением о взятии Кольберга Румянцев отправил в Петербург и ключи от этого города. Может, эти ключи и сейчас хранятся где-нибудь в музее.

— Может быть,— согласился шофер.— Я вот слушаю вас и дивуюсь. Хорошая у вас, товарищ полковник, память. И книг вы, видать, много прочитали. Особенно исторических. Я тоже исторические книги люблю. Жалко, читать мало пришлось. Иной раз задумаюсь... Богата наша русская земля талантливыми людьми. Взять хотя бы фельдмаршала Румянцева. Без таланта такие победы, какие он одерживал, не совершишь. Одной храбрости здесь мало.

— В этом ты прав,— одобрительно отозвался полковник.— Петр Александрович Румянцев-Задунайский был талантливым полководцем. Во второй половине XVIII века русское воинское искусство во многом обязано ему своим развитием. История, Федор, многому учит. Победы Румянцева, как и победы Суворова, Кутузова и других полководцев, обязывают и нас не посрамить воинской доблести нашего отечества.

— Не посрамим,— не задумываясь, решительно ответил старшина.— Придет наш час — выбьем немцев из Крыма, из страны погоним! — Он резко повернулся, забывшись, и сморщился от боли.

— Что, Федя, здорово болит? — полковник протянул старшине фляжку с водкой.— Глотни разок-другой — полегчает. Ты отдохни, я сам поведу машину.

Шофер приложился к фляжке:

— Вот это кстати. Немножко горло промочу, а то во рту пересохло. Насчет раны беспокоиться нечего... Приболелась — и не чую. Вести машину могу свободно. Некрасиво получится: вы за рулем, а я вроде у праздника. Так дело не пойдет.

Ягунов строго взглянул на старшину.

— За выдержку — хвалю. Но я сказал: машину поведу сам. И никаких разговоров. Пока я еще командир. В госпиталь ляжешь — тогда врачи станут командовать. Понятно?

Федор притворно вздохнул.

— Понятно-то понятно. Только в госпиталь я все равно не лягу. Пока жив — не лягу.

Ягунов не выдержал серьезного напускного тона и строгости:

— Значит, пока жив, подождешь... А когда убьют — тогда поздно станет. Имей в виду...

Старшина чутьем уловил, что полковник не сердится на него. Он знал характер своего командира, уважающего в подчиненных находчивость и смекалку, и шутливо увернулся от разговора о госпитале.

— На мою смерть фашистские вояки пускай не рассчитывают. Не дождутся! Я до Берлина хочу дойти, посмотреть на хваленое житье-бытье. Да на этого вражину Гитлера, ихнего фюрера. Очень взглянуть на него хочется. Посадил бы его в запертую железную клетку, как лютого зверя, да по всей Европе провез напоказ людям. Смотрите на этого завоевателя. Чтобы другим неповадно было. Ну а потом, мое дело шоферское, домой бы вас отвез на родину, в нашей фронтовой легковушке. Прямо от самого Берлина. Эх, как бы провез! С ветерком. Дороги у немца, сказывают,— автострады, ровнехонькие, катись сто километров в час. Нах хаус цюрюк гекоммен... Я вот думаю, Павел Максимович, чего это Гитлер на нашу страну войной пошел? Земли нашей захотел? И раньше многие до него выходили биты. Например, Наполеон. И Гитлеру этого не миновать. Видно, уроки истории фашистскому главарю не впрок. Сам заварил кашу — самому и расхлебывать придется.

— Что верно, то верно, Федор,— понравились Ягунову рассуждения шофера.— Не расхлебать ему этой каши. Гитлера обязательно разобьем. Наше дело правое. Советский народ защищает свою Родину от фашистских полчищ. Придет время и Красная Армия выкинет захватчиков с нашей священной земли. Другого быть не может. И добьет фашизм в его логове — Берлине. История — такая вещь, что ее забывать нельзя. Кому бы то ни было. И Гитлеру в том числе. Ему-то следовало бы помнить, что русские два раза брали Берлин.

— Стало быть, дорожки туда тореные, товарищ полковник?

— Еще нашими прадедами. В 1760 году русские войска в той же Семилетней войне под Шпандау в бою разгромили пруссаков. Гарнизон Берлина не смог противостоять стремительному удару нашей кавалерии. Столица прусского короля Фридриха II бесславно пала. Русские победоносно вступили в Берлин. Для России это вступление значило завершение кровопролитной тяжбы с Пруссией, конец изнурительной войне. При занятии Берлина потери русских солдат составили сто человек. Пруссаки потеряли более восьми тысяч.

— И в самом деле не числом, а уменьем врага били,— отметил шофер. Экскурс командира в историю ему нравился, и он слушал его с нескрываемым интересом.

— Ключи от Берлина,— продолжал Ягунов,— были доставлены в Петербург и торжественно переданы на вечное хранение в Казанский собор. Гитлер тщится снова завладеть ключами от своей столицы, блокировал Ленинград. Но сломить сопротивление города на Неве ему не удастся. Отбросили фашистов от Москвы. Отбросим и от Ленинграда. Мы не хотели войны. А если ее навязали нам — врагу не сдобровать.

Ты, Федор, в разговоре Наполеона упомянул. Чем кончилось для него нашествие на Россию, всем известно. Русский народ тогда в тяжких испытаниях отстоял честь и независимость своей Родины от иноземных поработителей и освободил народы западной Европы от наполеоновского владычества.

В 1813 году русская армия, возглавляемая победителем Наполеона — Михаилом Илларионовичем Кутузовым, город за городом освобождала от французов прусские города. Население повсюду с радостью встречало своих освободителей — русских солдат. Дождался своей участи и Берлин — столица прусского короля — союзника Бонапарта. Весной 1813 года войска Кутузова захватили Берлин.

— Были два раза в Берлине — будем и в третий раз,— с твердой уверенностью сказал шофер.

— Кстати, Кутузов тоже учился побеждать у фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского,— продолжал Ягунов. Михаилу Илларионовичу довелось воевать в армии Румянцева против турок. Молодому офицеру Генерального штаба Кутузову повезло с назначением к опытному военачальнику. Науку воинского искусства будущий победитель Наполеона постигал в нелегких сложных условиях маневренных действий, в огне ожесточенных сражений в урочище Рябая Могила на реке Ларге, у озера и реки Кагул. В одном из своих донесений в Петербург Румянцев писал о своих командирах, которые не боялись ни опасности, ни трудов и шли охотно ударить на неприятеля. Среди лучших офицеров он назвал и капитана Кутузова. И конечно, Федор, Кутузов в эти годы воспринял наступательную стратегию, тактику и новые методы воспитания и обучения войск. А впоследствии, служа в Крымской и Екатеринославской армиях у Суворова, Кутузов прошел у него замечательную школу воинской науки, той самой науки, которая зовется «наукой побеждать».

— Павел Максимыч,— обратился шофер к полковнику.— Оказывается, многое повидала крымская земля, где мы держим оборону против фашистов. Разговор с вами заставил меня задуматься. На этой земле сражались Суворов, Кутузов, Румянцев — прославленные русские полководцы. Какие имена! Здесь гремели русские пушки, шли в бой русские полки. Обильно по-

лита русской кровушкой эта земля. Нам ли ее отдавать Гитлеру! Позор тогда ляжет на наши головы. Нет, не отдадим. Мы за эту землю перед нашими предками в ответе. Они нас за нее спросят. Из тех далеких лет спросят, когда за нее в бой шли. И Румянцев, и Суворов, и Кутузов, и все те солдаты русские, кто в землю крымскую лег на веки вечные. И перед теми, кто после нас будет, останемся в ответе. Потому что связь наша с нашими предками и с нашими потомками ненарушима. Вечная эта связь.

— Выходит, Федор, Румянцев, Суворов и Кутузов с нами, своей славой нас осеняют?

— А разве не так, товарищ полковник? Я ведь понимаю, к чему вы разговор на историческую тему со мной затеяли.

Ягунов помолчал, глядя в сторону Керчи, затем ответил:

— Так, старшина, так. Примеров воинской доблести и верности отчизне народу нашему не занимать. Мы с тобой в Крыму прошлой зимой с десантом высаживались. Здесь, под Керчью. Не забыл, как в рукопашную моряки и пехотинцы шли? Смело, Федор, шли. Хотя и знали, что на смерть. Сколько тогда было таких смертельных атак, стремительных бросков на врага... Каждый метр каменистого побережья брали с боя. Плацдарм для десантников стоил дорого. И все, кто участвовал в десанте, проявили героизм. Но когда люди в бою проявляют героизм, они не думают о нем. Может быть, пройдет время и об этом героизме будут написаны книги, и он войдет в историю, и о нем будут говорить так же, как мы говорили с тобой о героической доблести русских полков Румянцева и Суворова, Потемкина и Кутузова здесь, в Крыму и на юге России, в боях за Еникале и Кагул, Алушту и Измаил.

— Интересная наука — история, Павел Максимович,— сказал шофер.— Память всего человечества в ней. Жалею, что многого я не знаю. Всего семь классов кончил... Больше не пришлось. Семья-то у отца была большая. Я с двенадцати лет наравне со взрослыми работать стал. И плотничал, и пахал, и стадо пас. К железкам у меня с детства влеченье было. Когда в нашем селе колхоз организовали — на курсы трактористов поступил. Первый тракторист был в своем колхозе. После курсов посадили меня в эмтээсе на новенький «Универсал». Я от радости земли под собой не чуял, прямым ходом в село. У околицы народ столпился, трактор встречать вышли. В диковинку всем. А трактор при въезде в село возьми да, как на грех, заглохни. Не заводится — хоть ты тут лопни. Я и так, и сяк... Растерялся. Мужики смотрели, смотрели — да на себе мой трактор до колхозного правления прикатили. Я рулем управляю, а они своей силой его прут. Кто за колесо, кто за что. Позор мне,

про себя думаю, готов сквозь землю провалиться. Теперь хоть из колхоза беги. Возле правления трактор ни с того ни с сего завелся. Тут я духом воспрял. А мужики, бабы меня на радостях качать. Вот какая оказия со мной тогда приключилась... Всю жизнь не забудешь.

В небе кое-где проглянули звезды. Перестрелка в той стороне, где находились каменоломни, поутихла. Реже раздавалась пулеметная трескотня. Грохот боя продолжал долетать лишь от металлургического завода, темную сторону небосклона там прорезали осветительные ракеты. Словно огромные светляки, они взлетали вверх, распускались в ослепительно белые шары и медленно гасли, опускаясь вниз. В ложбине, где стояла машина, было совсем тихо. В траве мирно застрекотал кузнечик.

— Ишь ты, свою музыку пробует!— Старшина нагнулся к земле, пытаясь рассмотреть веселого прыгуна.—Не боится, брат, войны...

Примолкнувший было кузнечик снова бойко зачастил.

— Молодец какой!— вырвалось у шофера.— Жив-живехонек! И в ус не дует, что кругом немчура шастает. Что ему...

Здоровой рукой он сорвал горсть травы, понюхал, крякнул от удовольствия.

— Дух-то какой, Павел Максимыч! Так в нос и шибает — до чего сильно этот чебрец пахнет. Эх, ты, степь моя, степь! Широко ты, степь, пораскинулась, к морю Черному понадвинулась...— Помолчав, старшина положил сорванную траву в карман брюк, одернул вылезшую из-под ремня гимнастерку:

— Пора ехать, товарищ полковник.

Ягунов молчал, погруженный в свои думы. В который раз он задавал себе один и тот же вопрос: как могло случиться такое? Три наших армии, обеспечившие себе хороший плацдарм, готовили новое наступление. И он, начальник отдела боевой подготовки Крымфронта, всеми силами готовил это наступление. Видимо, врагу удалось разгадать замысел командования и опередить удар Красной Армии. Была ли это просто случайность, или все получилось в результате каких-то просчетов руководства фронтом? Так или иначе, положение в Крыму осложнилось. Гитлеровское командование собиралось наверстать потерянное в зимних боях сорок первого — сорок второго. В Крыму еще держался блокированный со всех сторон Севастополь. Но сколько он мог продержаться без серьезной помощи? Горький осадок тягостно лежал на душе Ягунова.

— Поехали, Павел Максимович,— еще раз напомнил старшина. Он успел проверить мотор, заглянуть под капот, обошел машину кругом, пнул сапогом колеса.

— Да, да... едем,— Ягунов пошел к машине, на ходу потирая ломившие виски горячими ладонями, подумал: «Пусть враг не обольщается временным успехом. Бой за Керчь еще не кончился. Надо обратить каменоломни в Аджимушкае в крепость, подземную крепость. Окруженные части Красной Армии гвоздем будут сидеть в спине у немецкой армии генерала Манштейна. Все разрозненные силы, попавшие в окружение, следует соединить в одну сплоченную боевую единицу, в грозный стальной кулак, и этим кулаком наносить удары по врагу из-под земли. Пускай гитлеровцы попробуют выбить нас из подземелий. На это потребуется немало времени и сил. Обстановка может измениться в нашу пользу — и тогда придет помощь Красной Армии. Рано еще все рисовать мрачными красками. А возможно, своими силами удастся вырваться из окружения...»

Планы подземной борьбы, обороны каменоломен, прорыва к своим намечались в лихорадочно работающем сознании.

«Обстановка на месте покажет, как быть. Детали уяснятся по ходу действий. Нынешней ночью следует провести совещание с теми из командиров, кто остался в живых. Учесть силы, окруженные в районе каменоломен. Запасы продуктов».

Ягунов знал, что часть складов армейского продовольствия из каменоломен не успели переправить через пролив. Во всем надо было разобраться.

— Тронем, старшина...— Ягунов открыл дверцу и сел за руль.— Поведу машину сам, как и договаривались. Идет?

— Идет,— подчинился Федор.

Они осторожно, не зажигая фар, тронулись в направлении каменоломен. Старшина взял с заднего сиденья автомат и перекинул ремень за голову, поправил на поясе гранаты. Раненую руку ломило сильнее и жгло как огнем. Хотелось курить. Когда старшина сам был за рулем, он как-то не обращал внимания на боль, а сейчас приходилось терпеть, сцепив зубы.

Впереди на горизонте зловеще вставало багровое зарево. Постепенно приближаясь, оно ширилось, порой опадало и вздымалось с новой силой. Керчь продолжала гореть. Немцы под покровом темноты подтягивали к востоку от каменоломен новое подкрепление. Днем в этом районе намечался окончательный разгром окруженных подразделений. Об этом Ягунов мог предполагать, оценивая замеченное еще с вечера продвижение вражеской живой силы и техники. Он знал и другое: со стороны пролива немцам так и не удалось до вечера сомкнуть кольцо окружения, и с этой стороны все еще можно было незаметно проскочить в каменоломни. За время, пока он был у переправы, боевая обстановка у каменоломен существенно не изменилась. Настораживало лишь отсутствие морских пехотинцев в лощине

у Царского кургана. По всей вероятности, они оставили занимаемые позиции и отступили северо-западнее, ближе к каменоломням.

Ягунов напряженно всматривался в темноту. Ехали наугад, степным бездорожьем. Машину могли легко обнаружить. Об этом полковник знал. Но он спешил скорее в каменоломни. Его там ждут и наверняка обеспокоены задержкой. На всякий случай он предупредил, чтобы его встречали в условленном месте.

Машина иногда проваливалась в невидимые ямы и канавы и, как жук, упрямо выбиралась из них. Стрельба больше не доносилась от каменоломен. Но временное затишье в любую минуту могло взорваться от выстрелов, поэтому казалось настороженным и зловещим. И предчувствие этого не обмануло Ягунова. Поблизости взлетела ракета и осветила мертвенно-белым светом темное небо, молчаливо простертую степь, перед самым носом легковушки — обгорелый остов сбитого немецкого бомбардировщика. Из окопа, который Ягунов заметил с левой стороны, явственно донеслась немецкая ругань. Не раздумывая, полковник свернул вправо и дал полный газ. Автоматчик из окопа успел выпустить по машине длинную очередь. С треском рассыпалось лобовое стекло. Пулей с головы Ягунова сбило фуражку. Ракета догорела, и темнота затопила степь. Автоматчик теперь посылал пули вслепую, наугад.

— Товарищ полковник! — старшина наклонился с заднего сиденья к Ягунову.— Я узнал, самолет, в который мы чуть не врезались, тот самый... Нынче утром наши зенитчики сбили. Ориентир приметный. Отсюда до центрального входа в подземелье рукой подать.

В соседних окопах немцы тоже открыли стрельбу, но пускать осветительные ракеты почему-то больше не стали. Машина Ягунова на предельной скорости мчалась в объезд вражеских постов. Наблюдатели нашей стрелковой роты, дежурившие у центрального входа в каменоломни, держали оружие наготове, еще не зная причины переполоха противника. Стрелять воздерживались. Наблюдателям и постам охранения был дан приказ встретить Ягунова именно здесь.

3

Полковник Ягунов протиснулся сквозь узкий проем, пробитый в скале, внутрь подземелья. Холодный, промозглый воздух, густой беспросветный мрак. Вдали, под потолком низкого, как нора, коридора горела электрическая лампочка. Боец наружной охраны проводил полковника до главного коридора, просторного и широкого. Вместе с Ягуновым шел и шофер.

— Дорогу в госпиталь знаешь? Давай туда без лишних разговоров,— напомнил старшине Ягунов.— Подлечишься.

— Может...— заикнулся было Федор.

— Никаких «может»,— не стал слушать полковник и сердито нахмурился.

Старшина подчинился, хотел что-то сказать на прощание, но только рукой махнул.

— Завтра, время будет, наведаю,— и полковник, чуть сутулясь, ровной прямой походкой зашагал по тоннелю. Старшина молча стоял и ждал, пока он не скрылся за поворотом, и только тогда направился в госпиталь.

По главному коридору Ягунов вышел к штольне, где был оборудован командный пункт. Просторную комнату, выдолбленную в скале, освещала электрическая лампа под абажуром. Вдоль стен стояли стулья. В дальнем углу виднелась дверь в соседнее помещение, где находилась рация.

От стола, стоявшего в середине комнаты, навстречу Ягунову поднялся круглолицый широкоплечий майор Вершинин. Пока Ягунов ездил на переправу, он оставался за него.

— Я собирался разведчиков за вами посылать, Павел Максимыч,— обрадовался возвращению полковника Вершинин.— Думал, не случилось ли что... Немцы приперли нас к самым каменоломням. Наши подразделения держатся на поверхности... Имеем большие потери в людях.

Ягунов присел на табурет поближе к столу.

— В сущности, майор, основную задачу, которую на нас возлагало командование, мы выполнили. Наши войска закончили эвакуацию через пролив. Переправа обеспечена. Это главное. Немецкие танки вышли на побережье к Еникале с опозданием. Теперь от пролива отрезаны только мы. Если не прорвемся на Тамань, будем держаться в каменоломнях. От подполковника Бурмина не было сообщений?

— Нет, Павел Максимыч. С поверхностью телефонная связь работает нормально. Работе рации мешают помехи. Я думаю перебазировать ее в другое место. Здесь радиосигналам препятствует толстый скальный потолок.

Внезапно лампочка, освещавшая подземную комнату, погасла. Все погрузилось в мрак. Вершинин включил карманный фонарик, забеспокоился:

— Неужели с движком что-нибудь случилось? Тут без огня хоть глаз коли... Преисподняя, ни дать ни взять.

Свет так же неожиданно, как и погас, зажегся.

— Шли бы вы, Павел Максимыч, отдыхать,— предложил Вершинин.— Часок-другой поспать не мешает.

— Потом, потом,— Ягунов снял фуражку, достал из полевой

сумки карту, развернул на столе.— Жаль, нет плана каменоломен. Очень бы пригодился такой план в подземной борьбе с врагом. Любой ценой, а достать план надо. Я попрошу собрать сюда командиров подразделений. Прикинем, сколько у нас сил, что будем делать дальше.

В полночь в штольню к Ягунову собрались командиры батальонов и рот, удерживающие позиции на поверхности у каменоломен. Входившие, не снимая оружия, рассаживались на стулья, скамейки, порожние ящики. В петлицах алели командирские знаки отличия. На совещание пришли пехотинцы, артиллеристы, моряки. Некоторых командиров и политработников Ягунов хорошо знал в лицо. Поблизости от стола оперся на самодельный костыль худощавый высокий майор Пирогов,

бывший начальник продовольственного отдела 51-й армии. Левая нога майора в гипсе. Его прислали в каменоломни учесть запасы продовольствия армейских складов. По дороге Пирогова ранило, и ему пришлось лечиться в подземном госпитале. Эвакуироваться на Тамань не успел. Рядом с Пироговым — широколицый, с упрямой складкой поперек лба старший батальонный комиссар Парахин. О чем-то задумался крест-накрест перехлестнутый пулеметными лентами лейтенант Шилов. В декабре сорок первого с ним вместе пришлось форсировать пролив и высаживаться с десантом на крымский берег.

Ягунов поглядел на часы:

— Начнем, товарищи! Время не ждет. Обстановка требует от нас, командиров и политработников подразделений Красной

Армии, окруженных врагом в районе Керченских каменоломен, внутренней собранности и самообладания. Здесь, под землей, мы за толстыми каменными стенами. Отсюда будем беспощадно бить врага, пока свои не придут.

Все увереннее и увереннее звучал под сводами штольни голос полковника Ягунова. Простые, от сердца идущие слова, были близки и понятны собравшимся. Он говорил о верности Родине, о святом воинском долге сражаться до последней капли крови.

— Перед нами стоит задача: удерживать занятые позиции до наступления наших войск. Мы обеспечим в этом районе плацдарм для высадки десанта частей Красной Армии с кавказской стороны, через пролив. И пока часть побережья здесь в наших руках, врагу не будет покоя. Станем наносить ему удары с тыла. Так приказывает нам Родина, весь советский народ. И я уверен: все мы как один будем стоять насмерть. В создавшихся нелегких условиях окружения мы, коммунисты и комсомольцы, кадровые специалисты РККА, сможем объединить, организовать оказавшиеся в каменоломнях боевые силы частей Крымского фронта, ополченцев города Керчи, чтобы, защищаясь, наносить урон немецко-фашистским войскам и этим самым вносить наш вклад в общее дело разгрома фашистской Германии и освобождения Советской Родины...

Коротко о том, какими силами располагали окруженные здесь, в районе поселка Аджимушкай, в центральных каменоломнях, остатки подразделений Крымского фронта, доложил полковник Федор Алексеевич Верушкин — начальник назначенной Ягуновым группы по встрече и учету военнослужащих.

— Под землей в каменоломнях сосредоточились немалые по численности разрозненные подразделения Красной Армии,— сообщил Верушкин,— у многих бойцов и командиров нет оружия. Мало артиллерии, минометов, тяжелых пулеметов, средств борьбы с танками, боеприпасов. Необходимо принять срочные меры для пополнения боезапасов и вооружения. В боях захватывать оружие и патроны у врага. Другого источника, пока мы отрезаны от своих, у нас нет. В личном составе у нас представители разных национальностей страны: русские, украинцы, белорусы, казахи, узбеки, грузины, азербайджанцы. Мысль у всех одна — до последнего вздоха сражаться с врагом...— Полковник Верушкин помолчал, оглядывая собравшихся, затем добавил:— Таково положение в общих чертах. О партийном составе доложит старший батальонный комиссар Иван Павлович Парахин.

— Среди тех, кому предстоит оборонять каменоломни, до двух тысяч коммунистов и комсомольцев,— сообщил И. П. Па-

рахин.— Это наше партийно-политическое ядро, цементирующая сила защитников катакомб. В ближайшее время необходимо во всех подразделениях провести партийные и комсомольские собрания, развернуть широкую политико-воспитательную работу. Условия нашей борьбы тяжелые. Поэтому такая работа особенно важна. Врагу удалось отрезать нас от своих. Но мы будем стойко оборонять рубежи керченской земли...

Совет обороны продолжался. Один за другим выступали командиры и политработники. Был создан штаб подземной обороны Керченских каменоломен. Командование всеми окруженными подразделениями принял полковник Павел Максимович Ягунов. Ночью полковник подписал приказ номер один о создании полка подземной обороны каменоломен Аджимушкая. Заместителем командира полка был назначен полковник Федор Алексеевич Верушкин. Комиссаром — старший батальонный комиссар майор Иван Павлович Парахин. Штаб полка возглавил двадцатилетний старший лейтенант Павел Ефимович Сидоров.

Ночью, несмотря на усталость, Павел Максимович долго не мог заснуть. Перед глазами вставало зарево горящей Керчи. Пламя огненными языками лизало небо, расползалось по земле, жгло хлебные поля, леса, деревни. Вот уже горит его родное село. Жарко пылают соломенные крыши. Нет, это в детстве увиденный им пожар. С какой отчетливой ясностью остался он в памяти! И не только пожар, но и весь тот душный июльский день.

...К полудню над селом стала собираться гроза, медленно от гряды меловых гор темнели и сгущались тучи. Вместе с тучами надвигалась пугающая тишина, не предвещавшая ничего доброго. Лишь изредка глухо ворчал гром, и казалось, что в небе ворочали тяжелые каменные жернова. На речке, где с гомоном плескались ребятишки, никого не осталось, и он, восьмилетний мальчишка, прибежал домой, закрыл задвижкой трубу и уселся у окна. Вся семья уехала в поле на жнитво, а ему наказали стеречь избу. Наволокло вокруг, стало жутко и сумрачно. Края туч клубились, как живые, и кромки их белели ослепительной снеговой белизной.

Гром гремел все сильнее и раскатистее, и все ярче бились фиолетовые молнии в мрачном поднебесье. Редкие крупные капли дождя ударяли в оконные стекла, шлепали по лопухам в палисаднике, по широким листьям подсолнухов. Ровный и сильный шум проливного дождя приближался от речки, нарастая ближе и ближе. Дождь дошел до соседнего дома на той стороне улицы, когда длинный огненный жгут молнии хлестнул

в его соломенную крышу. Мгновенно ударил оглушительный раскат грома, и солома вспыхнула желтым жадным огнем. Ливень полил сплошной стеной, а крыша продолжала гореть, и пламя перекинулось на дворовые постройки.

На церковной колокольне ударили в набат, надрывные удары колокола полетели по улицам, сзывая народ на пожар. В другом конце села молния подожгла еще два дома.

Скоро гроза ушла за околицу, очистилось небо, засияло солнце. И только три обгорелые избы, которые удалось отстоять от огня, сиротливо чернели обугленными бревнами и напоминали о пожаре. Горько пахло гарью в промытом дождем воздухе...

На рассвете полковник забылся тяжелым беспокойным сном.

4

Новый день занялся над каменоломнями. Майский солнечный день. Солнце встало из-за пролива, заиграло светлыми бликами у обезлюдевшей переправы, обрызгало лучами молчаливые стены крепости. Солнце затопило степь щедрым теплым светом. Лучи солнца не проникали лишь в пещеры каменного подземелья. В них царил тяжелый, холодный мрак.

Бойцы, отступившие с поверхности, располагались поближе к выходам. С утра враг начал обстрел каменоломен из пушек и минометов. К выходу, где находился колодец, поводя жерлами пушек и лязгая гусеницами, подошли два немецких танка. Они были хорошо видны из щелей в наружной стене. Теперь колодец с питьевой водой оказался отрезанным от защитников каменоломен. Время от времени саперы обстреливали вход бронебойными снарядами. За ночь саперы заложили его глыбами камня, и снаряды не попадали внутрь. По телефону дежурные наблюдатели сообщили в штаб о появлении танков.

— Ждите, подошлем бронебойщиков,— ответил Ягунов.— Они их пугнут.

— На психику давят,— комментировал действия танкистов лейтенант Николай Лунин.

Лежа плашмя на животе, он в небольшое отверстие меж камней вел наблюдение за действиями танкистов. Его так и подмывало сделать что-нибудь такое, что заставило бы гитлеровцев отойти от колодца. В щель пробивался снаружи луч света, высвечивая еще совсем мальчишечье лицо Лунина с едва пробивающимися на припухлой губе темными усиками.

— Дай-ка, Саша, мне противотанковую гранату,— повернулся он к лежавшему позади своему другу лейтенанту Александру Яркову. После окончания пехотного училища друзья

прошли обучение на краткосрочных курсах заместителей командиров рот по истреблению танков. Ярков командовал ротой, а Лунин был политруком.

— Зачем тебе граната? — Ярков придвинулся к Лунину.— Не вздумай показываться наружу. Я твой замысел сразу понял... Убьют в два счета!

— Ты меня не пугай,— недовольно проворчал Лунин.— Не убьют. Я все обдумал. Расчет на неожиданность. Фрицы очухаться не успеют. Пока они пушками направо ворочают, я успею бросить.

— Ну и упрямый же ты! — Ярков подал товарищу гранату.— Тебя крести, а ты кричишь — пусти. У вас в Пензе все, что ли, такие упрямые?

— Потом расскажу...— Лунин осторожно стал разбирать камни, которыми было заложено отверстие.

Гранату он сунул рукояткой за ремень, плотно стягивающий его тонкую фигуру в защитной гимнастерке. Ярков стал помогать ему освобождать выход. Наконец, они отвалили в сторону самый большой и тяжелый камень. Лунин притаился у отверстия, выжидая благоприятный момент.

Долговязый Ярков, про таких говорят — «дяденька, достань воробышка», зашептал на ухо Николаю:

— Смотри, Коля, не мешкай... Бросай под гусеницы. Или давай я брошу сам. У меня бросок сильнее. Глядя на тебя, рука так раззуделась...

Лунин сделал предупреждающий знак:

— Не мешай. Сам знаю...

Он ящерицей юркнул в отверстие, привстал, на мгновение пружинисто распрямился и сильно швырнул гранату под ближний танк. В те несколько секунд, пока граната была в воздухе, политрук успел упасть на землю и нырнуть назад за укрытие в скале. Глухой разрыв гранаты раздался снаружи. Друзья успели снова завалить большим камнем выход и отползти назад. Снаружи по стене хлестали пулеметные очереди. Танкисты открыли огонь из двух пулеметов. А Лунин и Ярков спокойно сидели в стороне от выхода, укрытые скалой, курили самокрутки, вполголоса переговаривались.

Ярков, по-волжски окая,—он был коренной горьковчанин,— философствовал:

— Не думал, не гадал никогда про эти каменоломни. Где только воевать ни приходится! И на земле, и под землей...— Огонек папиросы, когда он затягивался, выхватывал из темноты его заветренное, загорелое лицо, и оно казалось высеченным из красноватого несокрушимого камня. Это было лицо человека, внушающего уважение с первого взгляда какой-то

особой выразительностью, своей спокойной и твердой решительностью.— В детстве я читал книгу о восставших рабах в древнем Риме. Помню, они укрылись в каменоломнях недалеко от города. Римские легионеры никак не могли выбить их из-под земли. И если бы не коварная хитрость римлян... Сколько я мальчишкой перечитал! Бывало, все лягут спать, а я на кухню с книжкой. Мать проснется, давай меня ругать. Какой мир открывался в книгах. Я вот и теперь, взрослый человек, не перестаю удивляться, как воздействует на нас слово, сказанное писателем. Вроде бы обычное, простое слово... Даже написанное тысячу лет назад. Сила воздействия на наши умы и чувства сохраняется в нем как заряд, заставляет нас переживать пережитое писателем, радоваться и страдать вместе с ним. Разве это не чудо! И разве подвластны времени хотя бы вот эти лермонтовские слова... «Люблю я родину, но странною любовью. Ее не победит рассудок мой...» Повторять эти стихи для меня— значит приобщаться всякий раз к светлому источнику мысли и красоты, словно живой воды напиться.

— Ты никогда не сочинял стихи? — спросил Лунин.— Думаю, у тебя дело пошло бы.

— Нет, не сочинял...— Ярков помолчал, глубоко затянулся табачным дымом.— Ни строчки. Вспоминаешь сейчас довоенную жизнь — и каждая мелочь дорога. Песня жаворонка, услышанная в самом начале весны, мимолетная и милая женская улыбка. Падучая звезда в августовском небе. Морщинка на лице матери. Тогда вроде и не замечал, как прекрасна жизнь каждым своим проявлением. Зеленой травинкой на черной проталине, гудком паровоза в осеннем светлом лесу, первым лепетом ребенка. Веселым шумом летнего ливня. Будто и не со мной это было. Будто и не я шел однажды полем, рвал на ходу цветы, беззаботный, беспечный. Любовался белыми облаками, легким порханием какой-то пичуги, полевым простором. Дом, родина... Можно ли жить без любви к ним?

Пулеметная пальба наверху стихла. Лунин пригасил окурок о камень, спрятал в карман.

— Надо глянуть, что с тем танком...

Друзья подползли к заваленному отверстию. В неширокую щель меж камней сочился свет. Ярков прильнул к ней, сдвинув каску низко на лоб.

— Ну что там? — дернул его за сапог Лунин.

— Здорово ты его рванул! — зашептал Александр.— Точно под самую гусеницу. Фрицы цепляют его на буксир. Давай глянь на свою работу.— Он уступил товарищу место у щели.

Вначале Лунин ничего не мог разглядеть. Яркий свет резал глаза. Прищурившись, увидел подбитый танк с разворо-

ченной гусеницей, толстый трос, немецкого танкиста в черном комбинезоне, торопливо пытавшегося попасть петлей троса на крюк. Трос пружинил и слетал с крюка. Из каменоломни кто-то из бойцов дал очередь по танкисту из автомата. Он выпустил трос и ткнулся головой в землю.

— Эх, опередили меня,— с сожалением выдохнул Лунин.— Пускай еще помощника посылают. И для него пуля найдется. Теперь бы еще одну гранату...

По второму танку ударила от центрального входа противотанковая пушка. Танкисты растерялись. Бронированная машина развернулась боком. Артиллеристы сразу воспользовались ошибкой водителя. Следующий снаряд ударил в боковину. Танк задымил. Подоспели присланные Ягуновым бронебойщики. Захлопали выстрелы противотанковых ружей.

Танкисты яростно отстреливались. Но шансов на спасение у них не оставалось. Фашисты выбрались из горящих машин через нижние люки и пытались спастись бегством. Пули настигли их за колодцем.

Николай Лунин и Александр Ярков выползли на поверхность, бегом бросились за водой к колодцу, наполнили фляжки. Вскоре у колодца образовалась очередь. Пили из пилоток, фуражек, наливали во фляги, ведра, бидоны. Жарко грело солнце, сверкали серебристые брызги воды.

Друзья облюбовали каменный выступ недалеко от своего наблюдательного поста, улеглись на теплую землю. Отсюда открывался широкий обзор. Напротив белела церковь, слева от нее виднелись одноэтажные дома поселка Аджимушкай, дорога на Керчь. Из-за церкви медленно, с опаской, выполз вражеский танк, развернулся в сторону каменоломен, поводя хоботом орудия и как бы вынюхивая воздух.

— Нюхай, нюхай,— цедил сквозь зубы Лунин.— У нас есть чем угостить такого нюхача.

Танк остановился у церковной колокольни и издали стал обстреливать осколочными снарядами толпу у колодца.

На посту наблюдения в центральном коридоре каменоломен появился полковник Ягунов. Чисто выбритый, подтянутый, в ладно сидящей форме. Он выглянул наружу через проем в стене, перегораживающий коридор, быстро распорядился:

— Разобрать стенку, выкатить пушку и ударить по танку. Пусть не мешает запасаться водой.

Саперы торопливо принялись разбирать кладку. Большие глыбы отваливали в стороны ломами. Скоро проход настолько освободился, что пушка могла свободно пройти наружу. Артиллеристы на руках выкатили 76-миллиметровку на поверхность. Несколько залпов заставили танк торопливо укрыться

за церковью. Усатый пожилой наводчик в мешковато топорщившейся гимнастерке распрямился над пушкой, погрозил вслед танку кулаком:

— Сдрейфил! Еще посмотрим, кто кого. Горячих так врежем...

— Ничего, дождется,— пробасил заряжающий — рослый, по-медвежьи неповоротливый солдат со скаткой шинели за спиной.— Дождется своего череда. У нас не заржавеет. Так пришпандорим — всем чертям тошно станет.

Командир орудия, рыжий старшина, с хитрецой подморгнул заряжающему:

— Ты его, брат, не пугай. Перепугаешь — нам его долго караулить придется. У тебя терпения не хватит.

— Я не тороплюсь,— заряжающий присел на станину, вытер руки куском ветошки, весело улыбнулся большим щербатым ртом.— Позагораем, пока солнышко светит, погреемся. На воле любота! В каменоломне — погреб и погреб. Холодище как в цыганской бане. Знал бы — шубу из дома с собой захватил. А то все нутро захолонуло.

— И в коленках дрожь появилась,— подзадорил заряжающего усатый наводчик.

— Ты с больной головы на здоровую не сваливай,— в том же шутливо-серьезном духе продолжал заряжающий.— Я смотрю, ты целиться хуже стал. Не от этой ли самой дрожи. Вот мы по танку-то и промазали. Все наши старания из-за тебя насмарку. Придется тебе, друг, валенки у начальства хлопотать. С дрожью в коленках при твоей должности много не навоюешься. Хочешь — я тебе один совет дам, как лучше от твоей слабости избавиться. Без всяких валенок. Дорого за совет не возьму. Всего-навсего двести грамм чистого...

Наводчик потеребил пышные сивые усы:

— Я тебе самому за двести граммов таких советов надаю, какие твоему дедушке и во сне не снились.

Командир орудия снисходительно заметил:

— Вам был бы лишь повод выпить...

Наводчик поскреб пятерней горло.

— В самую точку, как говорится, попал. Повод есть, выпивки нет — вот беда. А про повод я вот что расскажу. Захотелось старику выпить. В будний день. А сам старухи боится. Ругать будет. Надо оправдание выпивке найти. Думал-думал... Жили они со старухой бедно. Он лапти плел, а она ими на базаре торговала. Ладно, думает про свою старуху, я тебя обману. Ругаться не станешь. Взял свой кочедык, которым лапти плел, пошел к соседу. Отдал ему свой, а его — себе. Поменялись. И бутылку на стол. Пьют себе, тары да растабары. Старуха хва-

тилась. Где старик? Побегла к соседу. Увидала — сидят пьяные. Давай своего старика срамить. Такой-сякой, немазаный. С какой радости в будни выпил? Или денег куры не клюют? Последнюю копейку на водку спустил. А старик ей спокойно: «Не шуми. Мы не пьем. Поменялись с соседом кочедыками. Пришлось магарыч ставить. Все по делу. Мой кочедык-то совсем старый. Им только в зубах ковырять, а не лапти плести». Одним словом, успокоил старуху. А ей не в разум — магарыч-то дороже этого кочедыка. Хитрый был старик. Мне, говорит, соседа за его кочедык не знаю как и благодарить. А ты бранишься.

Вот оно, что значит повод-то иметь.

Солдаты собрались у пушки, слушали рассказ артиллериста и поджимали от смеха животы.

— Ты вот что послушай,— рыжий старшина поправил на ноге грязную обмотку.— Со мной случай какой приключился...

Но какой приключился с ним случай, старшина рассказать не успел. Из-за церкви один за другим на полном ходу вырвались четыре танка. Артиллеристы заняли у орудия свои места. Наводчик припал к прицелу, вращая рукоятку наводки. Неподалеку разорвался снаряд. Танкисты открыли стрельбу.

— Огонь! — крикнул старшина, пригибаясь к орудию.— Огонь!

Орудийный расчет старшины работал спокойно, без суеты, как будто находился не в бою, а на обыкновенных учебных стрельбах, где не надо беспокоиться о том, что тебя в любую минуту могут ранить или убить. Артиллеристы делали свое дело, не обращая внимания на разрывы снарядов по сторонам, на злой свист осколков.

Вражеские танки приближались.

— Нет, не пройдете! — подбадривал себя наводчик.— Не пройдете...

Крайний танк с правого фланга от меткого попадания снаряда дернулся и развернулся к пушке бортом. Еще один снаряд накрыл вражескую машину.

— Молодцы, по-снайперски стреляют! — заметил Ягунов.

Вместе с начальником штаба старшим лейтенантом Сидоровым он укрылся в неглубоком окопе, выдолбленном нашими наблюдателями в каменистом грунте поблизости от центрального входа. По приказу Ягунова огонь по вражеским машинам открыла и противотанковая пушка. Она стояла в укрытии под стеной каменоломни. Не стреляли пока бронебойщики. Они выдвинулись вперед за колодец, выжидая, когда танки подойдут ближе.

Орудийный расчет старшины посылал снаряд за снарядом по наступающим танкам. Они развернулись в обход, двигались с флангов перед центральным входом в каменоломни.

— Огонь!— сипло пробасил старшина.— Огонь!

Ствол пушки дернулся, уши бойцов заложило от грохота. Снаряд поднял комья земли впереди танка.

— Недолет! — усатый наводчик сплюнул горькую от едкого дыма слюну, плотно прижался лицом к рамке прицела, осторожно подкрутил маховичок наводки.

— Прицел семь!—раздался голос командира орудия.—Бронебойным!

В рамку прицела наводчику хорошо виден танк. Хобот орудия угрожающе шевелится, конец ствола озаряется красноватой

дымной вспышкой. По щиту пушки чиркают, звенят осколки. Наводчик сосредоточенно и спокойно навел угольник прицела под срез танка, нажал спуск. Грохнул выстрел, пустая гильза со звоном вылетела из казенника. Танк как-то внезапно застыл на месте, низко клюнув длинным хоботом пушки.

— Бей по гусеницам, по гусеницам! — командует старшина.

Один за другим гремят выстрелы.

— Ага! Есть...— радостно крикнул заряжающий. Ему видно, как за дымкой разрыва танк разворачивается боком. Дым рассеивается, а танк так и остается стоять неподвижной серой махиной с белым крестом на боку.

Позади пушки разорвался снаряд. Осколки, камни ударили по станине, по щиту орудия. «Что с командиром? — мелькнуло в разгоряченном сознании наводчика. Он заметил, оторвавшись от прицела, что старшина опустился на станину и медленно сполз на землю.— Ранен? Убит?» — Он подхватил командира на руки. Тело старшины неподвижно-тяжелое, на груди сквозь гимнастерку расплывается кровавое пятно.

Кто-то бежал под непрекращающимся огнем к орудию. Падал, спотыкался. Ближе, ближе... Это связной от Ягунова.

— Откатить орудие назад в каменоломню,— передал он приказ полковника.

Пули свистят над головой, заставляют связного низко нагибаться к земле. Два вражеских танка уже неподалеку. Наводчик опустил тело бездыханного командира на примятую траву, не замечая связного, его приказа, одними губами прошептал:

— Отомстим... За смерть твою отомстим! — и снова припал к прицелу.

Заряжающий рывком загнал снаряд в ствол. Рукав гимнастерки у него разорвался от самого плеча, обнаженная рука в крови, каска сползла на глаза.

— Огонь! — командует заряжающий самому себе.— Огонь, огонь, огонь!

Наводчик поймал в рамку прицела вражеский танк. Ствол пушки раскалился, от него пышет жаром, жаром пышет и небо, заволоченное пылью и дымом. Заряжающий часто дышит, вытирает пот с разгоряченного усталого лица, снаряд за снарядом вынимает из ящиков. Земля вокруг пушки усеяна пустыми гильзами.

Соленый пот ест наводчику глаза. Серая громада танка, кажется, надвигается на пушку. Видно, как мельтешат гусеницы, поднимая клубы пыли, ворочается башня с тупым дульным тормозом. Он успевает схватить танк в прицел под нижний срез, нажимает спуск. Больно отдается в ушах, а самого выстрела не слышно. Взрывная волна прокатывается над головой.

Земля гудит от взрывов и, кажется, уходит из-под ног. Наводчик цепляется рукой за край орудийного щита, поднимает голову. Вражеский танк горит. Языки пламени лижут башню, смрадно чадят резиновые катки гусениц. Тяжелый взрыв потрясает танк изнутри. Башня рывком поворачивается, длинный хобот пушки опускается вниз.

Остался еще один танк. По нему ведут огонь бронебойщики из противотанковых ружей. Вражеская машина повернула к старому, заросшему полынью каменному карьеру, скрылась из виду в его глубокой чаше. А по дороге от поселка Аджимушкай доносится рокочущий гул. Наводчик оглянулся. Возле пушки двое: он и заряжающий. Связного нет. Где же он? За пушечным колесом слышится стон. Стонет связной. Осколком его ранило в голову. На побледневшем, как полотно, лице широко открытые глаза закатились и синеют белками. Он без сознания.

— Слева танки! — кричит заряжающий. Он тащит за веревочную ручку поближе к пушке снарядный ящик. Гимнастерка на его спине мокра от пота.

Наводчик и сам видит эти танки. Три тяжелые вражеские машины. Откатить пушку в укрытие, под своды каменоломни, теперь не успеть. Да без помощи им вдвоем и не под силу сделать это.

Заряжающий оставил снарядный ящик у станины. Вдвоем они повернули пушку дулом к дороге. Видно, как навстречу танкам переползают ближе к дороге бронебойщики.

— Что-то не слышно нашей сорокопятки? — спросил наводчик заряжающего. Он сделал ладонь козырьком и из-под нее посмотрел против солнца в сторону каменоломни. С его языка срывается ругань.— Вот сволочи! — басит он, разглядев искореженную прямым попаданием противотанковую пушку. Колесо у пушки отбито и валяется в стороне.

— А, ладно,— махнул он рукой.— Снаряды есть, будем стрелять до последнего.— Давай, заряжай!

Заряжающий, нагибаясь, послал снаряд в патронник. Лязгнул, закрылся затвор. Наводчик припал к прицелу. Танки идут, словно на параде. Позади длинными хвостами стелется пыль.

— Давай, чего ждешь,— торопит заряжающий, приготовив очередной снаряд.— Бей!

Пушка подскакивает, стреляная гильза со звоном падает под ноги. С третьего выстрела средний танк кособоко дернулся и развернулся к пушке кормой.

— Ага! — злорадно выдохнул наводчик.— Сейчас ты у нас покрутишься. Дай по нему беглым... Так! Так! За нашего командира...

Стальная громада вражеской машины пятится назад и будто спотыкается о невидимый барьер. Сорванная снарядом гусеница валяется рядом. В башне открылся люк, из отверстия показалась голова в шлеме и скрылась. Над люком заклубился грязно-желтый дым. На танке загорелась краска. Еще одно меткое попадание — и вражеская машина сотряслась от сильного взрыва.

— Капут! — размазывая по лицу рукавом гимнастерки пот и копоть, распрямился наводчик.— Допрыгался...

Два оставшихся танка подбили бронебойщики из противотанковых ружей.

По-прежнему жарко печет солнце. Не шелохнет. У поселка за дорогой и перед каменоломнями чадят подбитые вражеские танки. Удушливо пахнет жженой резиной, пороховой гарью, раскаленным металлом. Бойцы помогли артиллеристам закатить пушку в каменоломню. И вовремя. Небо наполнилось гулом. Немецкие бомбардировщики обрушили на катакомбы смертоносный груз. Земля стонет от взрывов. На поверхности бушует смерч из осколков, раздробленных камней, комьев земли. Внутрь доходят сильные толчки. С потолков осыпается каменная крошка. У входов в каменоломни несут вахту наблюдатели и посты охранения. Всем остальным приказано отойти вглубь, под надежную защиту толстых каменных потолков.

5

Взрывы бомб еще гремели на поверхности, когда охрана пропустила в штабную штольню не по-летнему одетого в стеганый ватник и шапку-ушанку мужчину лет сорока.

— Требует провести его до самого командира,— доложил начальнику штаба караульный.— Говорит, по важному делу.

Сидоров строго взглянул на вошедшего:

— Кто такой? По какому делу?

— Я все объясню...— мужчина стащил с головы видавшую виды шапку.— Моя фамилия Данченков. Николай Семенович Данченков. Местный житель из Керчи. До войны работал в здешних каменоломнях камнерезом. Знаю тут все ходы и выходы.

Начальник штаба вскинул тонкие брови:

— Чем вы можете это подтвердить?

Не торопясь, пришедший расстегнул ватник, достал из пришитого изнутри кармана документы.

— Можете удостовериться... Кроме этого у меня спрятан в надежном месте план каменоломен. Если он вас интересует — могу принести.

Сидоров даже привстал от радости. Это было как раз то, над чем он ломал голову. С утра разведчики получили задание отыскать среди населения человека, хорошо знающего каменоломни, сложные и запутанные разветвления подземного лабиринта. Но мог ли такой человек оказаться здесь, вместе с теми жителями поселка Аджимушкай и города Керчи, кто успел укрыться от немцев в каменоломнях... Об этом никто не знал. А укрылось под землей немало. Старики, женщины, дети.

Документы — профсоюзный билет, паспорт, трудовая книжка — были в порядке. Посмотрев, начштаба вернул их Данченкову. Почему-то с первого взгляда он почувствовал, что ему можно верить. Располагала и внешность этого человека: открытое русское лицо, прямой, смелый взгляд.

— У меня, товарищ старший лейтенант,— пряча документы в карман, сказал Данченков,— и семья в каменоломнях. Жена, дочка, да еще пацан. Павлик. Я с ним в каменоломнях, по-нашему — под скалой, второй сезон.

— Как это второй сезон? — не понял Сидоров.

Данченков пояснил.

— Второй срок, значит... В прошлом году сюда сховались. От немчуры. Заранее сколотили партизанский отряд. Почти два месяца под землей прожили. Без дела не сидели... Тревожили фрицев. А в декабре наши вернулись освобождать Керчь. И мы оккупантам в тыл ударили из-под земли. Небольшой был отряд, а не сумел немец нас выкурить. По ночам через потайные ходы делали вылазки на поверхность, портили ему настроение. А с такой силой, какая теперь собралась под скалой, врагу и подавно не совладать.

— Курите? — Сидоров протянул ему папироску.

Данченков кивнул, размял ее крепкими пальцами, полез в карман, как показалось начштаба, за спичками. Однако он ошибся. Камнерез извлек оттуда цветастый мешочек, а из него огниво, сделанное из куска рашпиля, кремень и ватный жгут, вставленный в трубку, закрытую пуговицей.

— Спички здесь сыреют,— Данченков разложил свои приспособления на коленях.— А эта штука надежнее. По-нашему, партизанскому,— «катюша».— Он выкрутил фитиль из металлической трубки, прижал большим пальцем обожженный конец к острому краю красноватого кремня и ударил по нему огнивом. С треском вспыхнули и рассыпались золотистые искры. Фитиль задымился.

— Готово,— улыбнулся Данченков.— С одного разу.— И потянулся папиросой к огню.

Улыбнулся и начштаба.

— Да, твоя «катюша» огонька дает. Без промаха.

Камнерез с удовольствием затянулся, выдул под руку дым.

— Тяжелая артиллерия.—Он неторопливо, с аккуратностью, сложил припасы обратно в кисет, спрятал в карман толстых ватных штанов.— Разрешите, товарищ старший лейтенант, сходить за планом. Здесь неподалеку в одной штоленке тайничок у меня.

— Сходите,— разрешил начштаба.— А я пока доложу о вас командиру.

Данченков, слегка припадая на одну ногу, направился к выходу. «Одет он для подземелья подходяще,— вслед ему подумал Сидоров.— Холод здесь волчий».

Данченков возвратился в штаб не один. С ним пришел сын. Он был по плечо отцу, одет также в стеганый ватник, туго затянутый ремнем, теплую шапку. На ногах — разношенные, но еще добротные сапоги. Держался мальчик по-взрослому, для большей серьезности хмурил брови, смотрел сердито. Из-под шапки чернела челка.

Начштаба проводил обоих к Ягунову. Командирская штольня находилась рядом со штабной, и вход в нее вел из одного общего, пробитого в скале, подземного коридора. Полковник поздоровался с Данченковым-старшим, потрепал мальчика по плечу:

— Сын?

— Сын...— В голосе камнереза Ягунов уловил нотки отцовской гордости.— В прошлом году вместе партизанили. В этом опять решил от меня не отставать.

— Выходит, отцовской дорогой парень пошел,—одобрительно произнес полковник.— Да не рановато ли?

— Пятнадцать лет как раз на Первомай стукнуло,— объяснил отец.— Я и так и сяк его уговаривал не ходить со мной. Ни в какую. Что ты с ним будешь делать? А на нас глядя и жинка с дочкой не захотели в городе оставаться.

— Рано нашим сыновьям взрослеть приходится.— Ягунов задумался, на лицо словно тень набежала.— Война. Не думали матери, что их детям воевать придется. Заварил Гитлер кашу — всем приходится расхлебывать.

— Чтобы подавился он этой кашей! Ни дна ему, ни покрышки,— выругался Данченков.

— Как зовут тебя, партизан? Давай познакомимся,— полковник протянул мальчику руку.

— Павликом...

— А меня Павлом Максимовичем. Значит, тезки. В школу ходишь?

— Ходил,— шмыгнул носом Павлик.— В седьмой класс.

Ягунов покачал головой.— Сколько детей война от школы

оторвала, отцов-матерей лишила. Нам, взрослым, нелегко, а детям каково мученья переносить, голод-холод... Прогоним врага с нашей земли, Павлик, обязательно прогоним. Тогда снова за парту сядешь, наверстаешь ученье.

— Теперь нашей школы нет. Гитлеровцы разбомбили. Одни развалины остались...

— Школу, Павлик, новую построим. Много после войны придется строить. Заводов, фабрик, домов.—Полковник сел сам и пригласил гостей сесть.

Начальник штаба развернул на столе командира большой лист бумаги.

— План каменоломен, Павел Максимович.

Ягунов попросил Данченкова поближе к столу:

— Без вашей помощи здесь не разобраться. Объясните, что к чему.

Камнерез взял со стола карандаш, склонился над планом. Электрическая лампочка со светлым абажуром освещала пожелтевший лист бумаги, густо испещренный линиями и какими-то значками.

— Вот это северная сторона, колодец, центральный вход. От него темными широкими линиями обозначены подземные коридоры. Они тянутся по всем направлениям. Толщина каменного потолка разная. Где метров десять, а где и больше. Добыча камня-ракушечника велась здесь испокон веков, пещер, галерей понарыли вдоль и поперек. В этом месте мы находимся сейчас,— Данченков ткнул карандашом в план, где был обозначен поворот центрального коридора.— В основном этот тоннель на всем протяжении широкий и хорошо проветривается через боковые коридоры с выходами на поверхность. Большинство подземных помещений пустует. Те, кто от обстрела и бомбежек попрятались,— женщины с ребятишками,— вглубь забиваться не рискуют. Без света в темноте ничего не стоит заблудиться. Тогда пиши пропало. Выход на поверхность найдешь — считай, повезло. Несколько подземных коридоров ведут к поселку Аджимушкай.

Полковник Ягунов заинтересовался:

— Значит, можно незаметно проникать в тыл к немцам. Для нашей разведки это то, что надо. Не так ли, старший лейтенант?

Начальник штаба ухватился за эту идею.

— Иметь глаза и уши под носом у врага, да еще умело замаскированные,— для нас значит очень много, Павел Максимыч. Думаю, воспользоваться этими ходами надо, не откладывая дела в долгий ящик.

Данченков продолжал:

— Замаскированные, заваленные землей и камнями выходы на поверхность есть и в других местах. Через них можно нагрянуть в гости к фрицам, не ожидая приглашения. Что мы в прошлом году и делали. Засекут немцы один выход, ждут нас там, а партизаны незаметно выйдут через другой. Немец умный, да и мы не дураки, не лыком шиты. Я со своим пацаном у партизан проводником был. Вот этот самый план нам свою службу служил. После, как прогнали немца из Керчи, я его сховал. Выходит, не зря. Снова пригодился. Тут у нас не только возле Керчи, но и под самим городом сам черт не разберет, чего понарыто. Катакомбы в горе Митридат чуть не на каждом шагу — только рыть начни. Старики рассказывали, что есть подземные коридоры, прямо выходящие к морю.

Случалось, начнут рыть подпол или погреб — и наткнутся на такой коридор.

Помню, я еще мальчишкой был, до революции дело случилось. Рыбак один керченский под горой строиться стал. Начал рыть яму для фундамента, глядь — стена, кладка из здоровенных камней, плита к плите ровнехонько подогнаны, лезвие ножа промеж не просунешь.

Приехали ученые. Начали в том месте раскопки делать. Оказалось, за той стеной гробница не то какого-то царя, не то другого знатного человека. Всякого добра в гробнице нашли... Посуды сколько старинной, золотых украшений. В музей все горшки-черепки взяли, в Москву добро отвезли — золото, монеты разные. Да что говорить, всякое про пещеры под горой болтают,— махнул рукой Данченков.— Я по тем пещерам не лазил, не доводилось. А в этих каменоломнях без малого двадцать лет камень резал. Полжизни под землей прошло. Каждый выступ, каждый переход на ощупь знаю. Если бы всю историю этих каменоломен рассказать — большой бы рассказ получился. В первую революцию здесь подпольная типография большевиков действовала. Революционные прокламации, листовки против царского режима печатали. Говорят, полицейским ищейкам долго не удавалось разыскать подземную печатню. В той штольне до сих пор рассыпанный шрифт попадается... Вот в этой, восточной части каменоломен,— Данченков обвел кончиком карандаша большой кружок,— в гражданскую войну красные партизаны базировались.

Камнерез подробно объяснял, куда ведет какой коридор, где какая толщина каменного потолка, где находится склад напиленного камня. Слушая его, полковник Ягунов думал о том, как много мог сделать для защитников каменоломен этот человек. И, словно угадав мысли командира, Данченков попросил, чтобы его считали бойцом подземного гарнизона.

— Договорились,— согласился Павел Максимович.— Зачислим вас в разведку. Нашим подземным проводником.

— Вы извините, товарищ полковник,— камнерез взглянул на сына,— но и он пускай будет со мной. Привыкли мы с ним вместе. Парень большой, смекалка есть. И каменоломни неплохо знает. Куда я — туда и он. Из винтовки, автомата стреляет как заправский солдат. Одним словом, помощник...

— Куда ж его от отца! — лучистые морщинки сошлись у глаз Ягунова под стеклышками пенсне.— Здесь уж моя командирская власть не имеет силы. Помощник, говоришь? Ладно! Мне доложили, что у вас еще здесь жена и дочка.

— В каменоломне,— кашлянул Данченков.— Куда иголка, туда и нитка. Хлебнули горя от фрицев осенью под ихним ре-

жимом, издевательств по горло натерпелись. Второй раз не захотелось.

На столе командира зазвонил телефон. Ягунов поднял трубку.

— Слушаю вас.

Докладывали с наблюдательного поста от центрального входа. Дежурный сообщил, что после бомбардировки к северной окраине каменоломен снова движутся вражеские танки. За танками наступает пехота.

— Встретить неприятеля огнем из пушек и минометов и подготовиться к контратаке,— отдал команду Ягунов.— Отбросьте фашистов подальше от колодца. Нам надо запастись водой.

Ягунов положил телефонную трубку.

— Товарищ полковник! — обратился к командиру гарнизона Данченков.— Наступающему врагу можно ударить в тыл. Там, где он не ждет. Кратчайшим путем я проведу под землей бойцов к потайному выходу за дорогой.

— Что вы скажете на это предложение, начштаба? По-моему, есть смысл...

— По-моему, тоже, Павел Максимыч. Пошлем туда роту лейтенанта Яркова. Ударим в спину атакующему врагу, внесем замешательство в его ряды и уничтожим.

— Действуйте!

* * *

До завала у выхода рота добиралась недолго. Впереди шел Данченков. В руках у него горел фонарь. Рядом с отцом шагал Павлик. Бойцы шли молча. Лишь иногда кто-нибудь негромко чертыхался, ударившись в темноте о каменный выступ, да глухо позвякивало оружие. Местами каменные стены суживались в узкий и низкий коридор. Протискиваться через него приходилось с трудом. Те, у кого были электрические фонарики, сигналили товарищам, чтобы не отставали. Когда подземный туннель стал заметно подниматься вверх, проводник предупредил командира роты Яркова:

— За следующим поворотом заваленный выход. Надо соблюдать тишину. Разбирать завал будем осторожно, в том месте, где я укажу.

Проход расширился, мигающий оранжевый свет керосинового фонаря уперся в беспорядочное нагромождение камня. Завал преграждал проход до самого потолка.

Данченков отдал фонарь сыну.

— Посвети мне вон туда,— он показал в угол завала вверху.— Разбирать станем здесь.

Большая наклонная глыба в углу просела. Часть камней помельче осыпалась с нее на пол. Под глыбой виднелся незаваленный камнем треугольный промежуток. Данченков пролез в него. Павлик светил отцу. Летучая мышь, напуганная приходом людей, вылетела из своего убежища, мягко и неслышно ткнулась в стекло фонаря и пропала в темноте прохода под потолком.

Саперы с ломами и лопатами помогали Данченкову освобождать от камней узкий промежуток под наклонной плитой. Работали споро. Ближе к поверхности стала попадаться земля, сквозь щели меж каменными глыбами забрезжил голубой свет.

— Словно кроты роемся,— шутил Данченков.— Сам заваливал, самому и разбирать приходится. Обижаться не на кого.

У самой поверхности он с предосторожностью отодвинул в сторону ломом большой камень, припал лицом к щели. Виднелась часть дороги у крайних домов поселка, чаша заросшего травой карьера. На большой скорости промчался немецкий грузовик и свернул, скрылся в лощине. Данченков успел заметить: в грузовике рядами сидели солдаты в касках и с винтовками. У винтовок поблескивали штыки. «На подмогу»,— Данченков с досады плюнул, вытер ладонью лицо, размазывая по щекам пот и пыль. От каменоломен со стороны колодца доносилась стрельба, частые разрывы снарядов и мин. Перед лицом легкий ветер шевелил зеленые травинки. По кудрявому стебельку полыни карабкался вверх по своим делам муравей, срывался вниз и вновь, цепко перебирая ножками, поднимался к верхушке. Подполз командир роты Ярков, сдвинул со лба каску:

— Можно выходить? Бойцы готовы...

— Там грузовик, полный фрицев,— проводник показал в сторону карьера.— Видать, подкрепление...

Лейтенант Ярков и сам увидал немецких пехотинцев. Они поднялись из травы, на бегу развернулись в цепь и устремились в лощину, туда, где в котловине, невидимый отсюда, был колодец.

— Сейчас мы их накроем...— лейтенант дулом автомата отодвинул камень, заслонявший отверстие, освобождая выход.— За мной! — негромко скомандовал он.

Подобравшись, Ярков оттолкнулся ногой от выступа в полу и оказался на поверхности. Ползком за ним выскользнул Данченков, руками отвалил снаружи несколько больших глыб. Проход сразу стал шире. Друг за другом на неяркий свет заходящего солнца выскакивали бойцы, по-пластунски прижимались к теплой, нагретой за день земле, ползли вслед за командиром. Саперы и Данченков с Павликом залегли у выхода для прикрытия атакующих.

Рота внезапным броском ударила немцам в тыл. Одновременно по сигналу Вершинина от центрального входа устремились в контратаку бойцы морской пехоты. Ротные минометы, укрытые за стенами каменоломен, накрыли цепи гитлеровцев плотным огнем. В котловине, подбитые нашими бронебойщиками, дымились четыре вражеских танка. Зажатая с обеих сторон, вражеская пехота залегла. Атака фашистов захлебнулась. Лишь небольшой группе немецких пехотинцев удалось прорваться сквозь окружение и отойти к Царскому кургану.

Рота лейтенанта Яркова заняла оборону на поверхности у каменоломен, возле колодца. За водой с котелками, фляжками из каменоломен выходили бойцы, шли женщины с детьми. Все спешили запастись водой. В любое время враг мог снова

пойти в атаку, завладеть колодцем. То и дело скрипел колодезный журавель; журчала свежая холодная вода, наполняя посуду. Над каменоломнями постепенно рассеивался дым недавнего боя. И только убитые немецкие солдаты в мышиного цвета мундирах оставались лежать в траве и между камней, там, где их настигла смерть.

Данченков с Павликом и саперы из предосторожности, чтобы враг не воспользовался входом в подземный коридор, завалив его глыбами камня, обратным путем возвратились назад. В штабе Данченков увидал комроты Яркова.

Камнерез поставил фонарь на сколоченный из досок табурет, шутливо заметил:

— А я думал тебя, лейтенант, опередить. Ничего не вышло. Поверху-то дорога прямее.

— Как видишь,— дружелюбно отозвался Ярков.— Зато твоя дорога надежнее.— Комроты стащил с плеча трофейный автомат, снятый с убитого вражеского солдата, протянул Данченкову: — Держи, проводник! Пригодится. С голыми руками с фрицами не очень-то развоюешься.

— Что верно, то верно,— камнерез взял автомат, прислонил к стене.

— Для твоего пацана тоже надо такую штуку раздобыть. Пускай до следующего случая подождет,— пообещал Ярков.

— Вас просит командир, заходите,— пригласил Данченкова дежурный офицер штаба.— И вас, лейтенант.

Камнерез поднялся со скамейки, перекинул автомат за спину дулом вниз, нагнулся к сыну:

— Иди, Павлик, к матери. А то она, поди, шибко об нас беспокоится. Скажи — с отцом все нормально, скоро сам придет. Фонарь с собой прихвати.

Павлик проводил взглядом отца до двери в командирскую штольню и вышел из штаба.

6

В комнате Ягунова на столе курился парком, распространяя запах заварки, принесенный с кухни большой жестяный чайник. Полковник в накинутой на плечи шинели выслушал Яркова и совсем по-простому предложил:

— Погрейтесь чайком. Водой мы сегодня разжились.

Горячая кружка приятно грела руки. Данченков прихлебывал чай, чувствуя, как напиток теплой волной разливается по телу. Давно, кажется, не пил такого вкусного чая. Дымком отдает и какой-то степной травой.

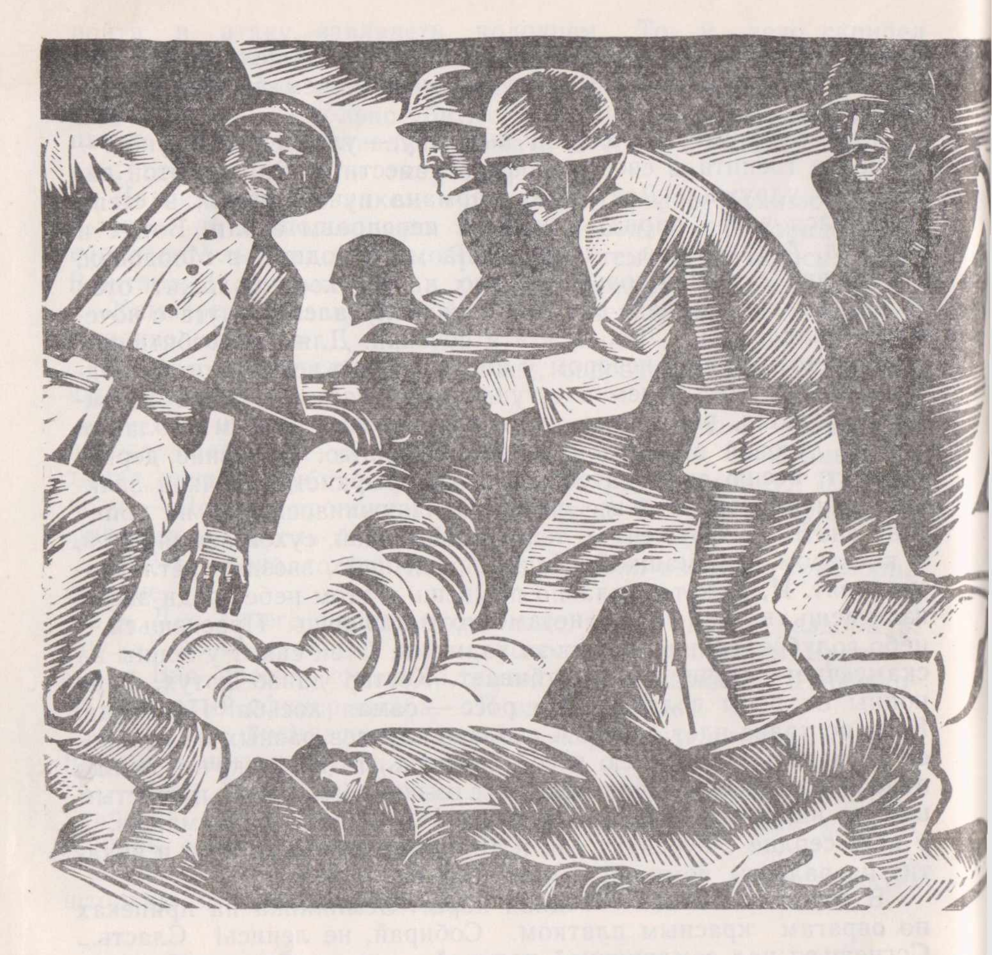
— Заварка, товарищ полковник, очень душелюбная,— похвалил Ярков.— Никак в толк не возьму, чем вы чаек заварили?

— Кто на что, а голь на выдумку,— улыбнулся Ягунов.— Пошел в госпиталь своего шофера навестить. Он мне этой заварки и удружил. Достал из кармана пучок травы, в степи умудрился вчера нарвать, когда с переправы ехали. Вот я и заварил. А трава эта — хороша. На моей родине, в Мордовии, эту травку душицей зовут. Бывало, на сенокосе, положит отец ее в кипяток — до чего вкусный чай получался! В луга с ночевой отправлялись. Любил я эти ночевки. Для нас, ребятишек, радости-то! Сидишь вечером у костра, сухие ветки в огонь подбрасываешь. Над огнем в чугунке каша варится. С лугов темнота крадется, роса пала, от оврага туман белым облаком встает, луговой прохладой обдает, сыростью. В низине дергач скрипит, песню свою затеял. Лошадь фыркнет, уздечкой звякнет; сыч прокричит — все слышно. Поужинаешь — и на копну сена спать. Дух от сена — теплый. И ягодой, сухой земляникой, и клевером, и ромашкой. Над головой небо, звезды светлячками горят. И, кажется, плавно плывешь в этом небе среди звезд, взлетаешь выше, выше, незаметно засыпаешь. Проснешься — небо голубое, солнце встает за холмами. Отец сидит у копны на скамеечке — стучит, косу отбивает. Костер давно потух. Верх копны от росы волглый. По росе — самая косьба. Прохлада. Коса по траве идет легко. А сколько случаев разных на сенокосе случалось! То змею косой срежешь, то возле кочки гнездо перепелки найдешь. Или зайчонок из-под самой косы пушистым шаром выскочит. Только догоняй. Изловчишься, поймаешь, а у него сердце с перепугу так и стучит. Выпустишь — он и покатит на радости, поминай как звали.

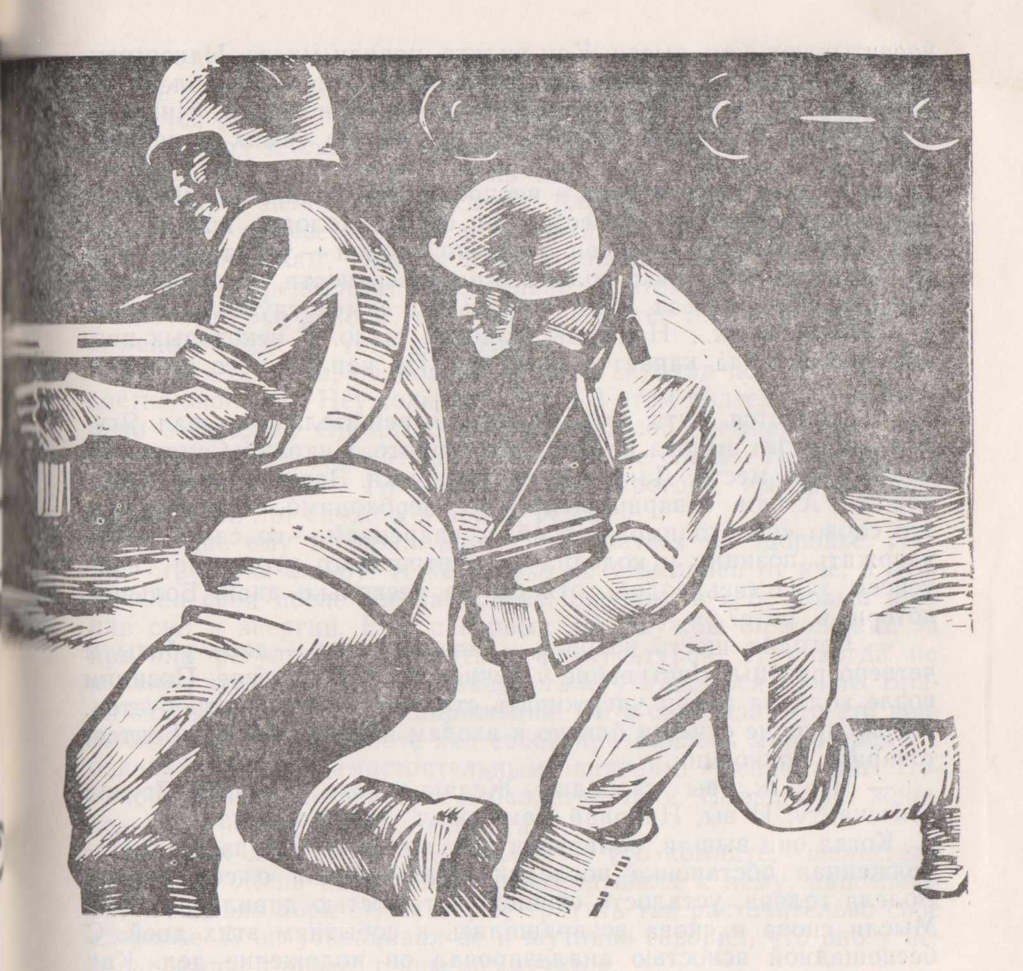
В сенокос — самая ягодная пора. Земляника на припеках по оврагам красным платком. Собирай, не ленись! Сласть... Согнешься над земляничной поляной — так и обдаст тебя жарким душистым настоем. Ягода сама в рот просится, на языке тает. За земляникой, смотришь, и клубника подоспела. Сколько ее в лугах! Ребятишки в туески, горшки рвут, а ягоды все не убавляется. Зимой в сене найдешь такую сухую ягоду. И вспомнишь сенокос, жаркие июньские дни, звон сверкающих серебром острых кос, теплые вечера у костра, скрип коростеля...

Про хорошее сено у нас так и говорят: хоть в чай заваривай.— Полковник прошелся по штольне из угла в угол, остановился перед Данченковым, поправил на плечах шинель.

— Вот я думаю, Николай Семеныч, защищаем мы родину, большую нашу страну. А для каждого из нас родина не просто

географическое понятие, столько-то квадратных километров площади на поверхности земного шара. Прежде всего — это твое село, знатное оно или безвестное, твой город, школа, где ты учился, речка, куда ходил купаться, ловить пескарей, луга, по которым бегал и где отзвенело босоногое детство. Может, и нет никаких особенных красот в родных местах для постороннего взгляда. А для того, кто вырос там, они наполнены неповторимым очарованием детства, первых незабываемых впечатлений, радостных событий. Какой притягательной силой влекут родные поля, овраги, перелески, исхоженные тобой вдоль и поперек с друзьями-сверстниками. На войне чувствуешь все это с особой остротой. И когда идешь в бой, эта нерасторжимость с родными местами, кровная связь с ними придает силы.

Командир помолчал, взял у Данченкова пустую кружку и наполнил ее до краев из чайника.

— Давайте и вам, лейтенант, налью.

Комроты подошел с кружкой к столу:

— Не откажусь.

— Вода нам дорогой ценой достается. Удерживать колодец в наших руках под сплошным обстрелом невозможно. Враг стягивает вокруг каменоломен артиллерию и минометы. Остаться без воды гарнизон не может,— в голосе Ягунова отозвалось беспокойство.— Ни на один день. В первую очередь на нас лежит ответственность за раненых. Кроме того, здесь укрылось от врага по самым предварительным подсчетам более трех тысяч гражданского населения. Боеспособные силы гарнизона

насчитывают семь тысяч. Как видите, народу много. Накормить и напоить такую массу людей в наших условиях — проблема. И проблема трудная. Вы хорошо знаете каменоломни, Николай Семенович. Можно ли поискать воду внутри самих каменоломен?

— Поискать-то можно,— неопределенно произнес Данченков.— Насколько мне известно, ни одного колодца под землей нет. Единственный колодец с пресной водой — у главного входа. Есть еще несколько колодцев на поверхности, но вода в них соленая. Пить нельзя. Если забраться в самые глубокие штольни, осмотреть их... Надежды, конечно, мало. В некоторых низких местах вода капает с потолков. По капле много не наберешь.

— Придется рыть свой колодец,— решительно сказал Ягунов.—Другого выхода не вижу. Подыщите, Николай Семенович, подходящее место. Даю вам на это сутки. Завтра вечером доложите. А вам, товарищ лейтенант, необходимо,— он произнес это слово «необходимо» с особым ударением,— со своей ротой удержать позиции у колодца до завтрашнего утра. За ночь успеем запастись водой хотя бы на несколько дней. Большие потери в роте?

— Сегодня шесть человек,— сказал Ярков,— двое убиты и четверо ранены. Настроение у личного состава боевое. Позиции возле колодца будем удерживать столько, сколько потребуется. Ночью враг не сунется близко к входам в каменоломни. Боится, товарищ полковник.

— Что ж, вы свободны. Желаю успеха,— кивнул Ягунов лейтенанту. И вы, Николай Семенович, идите отдыхать.

Когда они вышли, полковник остался один. Сел за стол. Напряженная обстановка последних дней давала о себе знать. Болела голова, усталость свинцовой тяжестью давила на тело. Мысли снова и снова возвращались к событиям этих дней. С беспощадной ясностью анализировал он положение дел. Как все сложится в дальнейшем? На этот мучительный вопрос невозможно было найти ответ. Ясно было одно: предстоит трудная борьба. И, чтобы выстоять в этой борьбе, нужна самая твердая воинская дисциплина, высокий боевой дух. В каменоломнях—два полка измотанных непрерывными боями красноармейцев. У многих нет оружия. Кое-что из вооружения, боеприпасов, правда, имеется на складах, здесь, под землей. Есть и продовольствие. Запасы муки, сахара, крупы, консервов, жиров. Их также не успели вывезти при отступлении. Надолго ли хватит этих запасов, если не удастся прорваться из окружения? Вряд ли на такой прорыв следует возлагать надежды. В каменоломнях раненые. Не оставлять же их врагу. При отсут-

ствии средств переправы пересечь пролив — безумная затея. Врагу будет легко потопить людей при форсировании пролива. Остается другое... Оборонять каменоломни, наносить удары по врагу из-под земли. Обстановка на фронте может измениться.

Командование, сосредоточив силы на Кавказе, подготовит контрудар с целью освобождения Керчи. Тогда защитники каменоломен совместно с десантниками нанесут удар по неприятельским войскам. Такое контрнаступление через пролив Красная Армия предпримет обязательно. В этом не приходится сомневаться. Все дело в том, когда? Удастся ли продержаться в каменоломнях до того времени?

Думая об этом, полковник встал и заходил по комнате. Его слегка знобило... Неужели простуда? В этом подземелье не мудрено заболеть... Он потрогал ладонью лоб. Температуры как будто нет. Надо держаться. Только бы не слечь... Не позволить себе расслабиться. Придерживаться строгого, выработанного за двадцать лет службы в армии режима.

Раньше ему не приходилось жаловаться на здоровье. Любил строевую ходьбу. И не только не утомлялся от нее, а чувствовал себя после всегда бодрее, ощущал в себе новый прилив сил и энергии. Еще с первых лет службы он положил за правило регулярно заниматься физкультурой. И никогда не изменял этому правилу. Правда, стало ухудшаться зрение. Врачи сказали, что от перенапряжения. Он и сам знал, что это действительно так. В работе над собой приходилось много времени отдавать учебе. Самостоятельным занятиям. Чтению книг. Новинок военной литературы и беллетристики. Смешно, но жена, кажется, ревновала его к книгам.

Ночами долго не гасла лампа в его комнате, шелестели страницы. Жена беспокоилась, заглядывала к нему, напоминала, что давно пора отдыхать, не тратить так расточительно свое здоровье. А он успокаивал ее и шутливо говорил, что оно у него железное и ничего с ним не случится.

Надвигалась вторая мировая война, зловещая тень фашистской свастики паучьим силуэтом нависала над городами Европы. Среди военных многие разделяли мнение о неизбежной войне с нацистской Германией. К этой войне надо было готовиться, знать повадки сильного и вероломного врага. И он, полковник Ягунов, в предвоенные годы начальник кафедры тактики Бакинского пехотного училища, взялся самостоятельно изучить немецкий язык. За год с лишним упорных занятий ему удалось научиться свободно разговаривать и читать по-немецки. И теперь, на фронте, он, разговаривая с пленными на допросах, обходился без переводчика.

Ягунов поглубже запахнулся в шинель. Ходьба согрела и успокоила его. Он просунул руку под шинель, расстегнул нагрудный карман гимнастерки, достал оттуда конверт. Это было последнее письмо, полученное от дочери из Баку. Ждать больше писем, пока находишься в окружении, не имеет смысла. Ни от жены, ни от дочери. Они будут писать, а письма станут неизбежно возвращаться назад по адресу, и он их никогда не прочитает. Очевидно, им сообщат, что он пропал без вести при обороне Керчи, и это «пропал без вести» еще не значит, что он погиб и будет поддерживать их веру. Веру в то, что, возможно, он жив и с ним ничего не случилось.

Он вынул из конверта фотокарточку. Дочка смотрела на него из-под больших ресниц. Верхняя немного вздернутая губа придавала лицу милое, кокетливо-капризное выражение. Волнистые волосы уложены и коротко подстрижены, лишь на лбу темные прядки задорно топорщатся. Совсем взрослая... Кончает в этом году десятый класс. Сейчас, наверное, готовится к первому экзамену, зубрит литературу. Первым всегда письменный по литературе. Сочинение. На какую, интересно, тему станет писать. Конечно, и в темы школьных сочинений внесла свои поправки война.

Давно ли дочка на его коленях играла, детские стихи рассказывала? В первый класс пошла... Однажды уговорила, чтобы он взял ее с собою в лагерь. Полковой летний лагерь. Жила с ним в брезентовой палатке. Лагерь находился в лесу, стояло сырое, дождливое лето. В низине щетинилось камышом болото, и там водилось множество лягушек. Лягушки иногда запрыгивали даже в палатку, и дочка боялась их и поднимала визг. Он смеялся над ее боязнью и говорил, что лягушки безобидные существа. По стенкам палатки барабанил дождь, а ей казалось, будто по ней прыгают веселые лягушата, и сама смеялась над своим страхом. Раз он поймал в лесу ежика и принес дочери. Ежика назвали Фомкой. Он сказал, что ей теперь нечего бояться змей, мышей и лягушек. Потом она уехала в город к матери, а Фомку взяла с собой. И ежик целый год жил в их городской квартире, пока не пропал куда-то. Как она жалела о своем любимце!

Да, выросла дочь... А, в сущности, ему приходилось видеть ее мало. Рано уходил из дома на службу. И приходил поздно, когда она уже спала. И только по воскресеньям, когда он оставался дома и не уходил на службу, дочь не расставалась с ним. Какая неподдельная радость светилась тогда на ее лице, каким весельем и звонким смехом наполнялась квартира! Она не отпускала его от себя. По воскресеньям он брал ее с собой в парк. Особенно ей нравилось на лодочной станции. Они брали

лодку и уплывали далеко по светлому, глубокому озеру. Сверкала на солнце, серебрилась вода, скрипели уключины, прозрачные капли падали с весел, и ветер ласково трепал ее волосы. Она отбрасывала их рукой со лба и озорно щурила от солнца глаза. За лодкой струился и пропадал легкий след. Озеро соединялось протокой с какой-то речушкой, и они заплывали в эту речушку и плыли посередине по течению. Зеленые берега тянулись по сторонам. Останавливались, причаливали лодку где-нибудь у чистой песчаной отмели и здесь отдыхали, купались, загорали на солнце. Иногда он прихватывал с собой удочки и вместе с дочерью принимался за ужение. Рыбаки из них были неважные. Попадались мелкие окуни, хваткие, прожорливые ерши. Здесь же на реке заваривали уху. До чего же она казалась вкусной, душисто припахивала дымком. В лугах по берегам дочь набирала букет цветов, и вечером они возвращались домой с этим букетом, и она отдавала цветы матери. И цветы стояли у них в квартире до следующего воскресенья. А в следующее привозили новый букет. То это были ромашки, то лиловые колокольчики, то мелкие голубенькие незабудки.

Однажды, ко дню рождения жены, он решил сделать ей подарок. Зашел вечером в магазин, купил, ни с кем не посоветовавшись, десять метров шелка на платье. Жена удивилась такому количеству и рассмеялась над его мужской непрактичностью. В семье долго не забывали этот случай и всегда вспоминали про него с веселыми шутками.

Ягунов спрятал фотокарточку в конверт, достал из него исписанный крупным аккуратным почерком лист. И хотя он уже читал это письмо, не удержался и перечитал снова с таким чувством, словно читал его в первый раз.

«Здравствуй, дорогой папа! Я очень соскучилась по тебе. Если бы у меня были крылья, то прилетела бы к тебе обязательно. Знаю: в ближайшее время ты не сможешь приехать к нам. И все-таки надеюсь, что по какой-нибудь счастливой случайности ты вдруг откроешь дверь и окажешься дома. И это будет так неожиданно и радостно. Мы с мамой ждем тебя каждый день, хотя и написала я «неожиданно». Ждем, надеемся и любим. Я заканчиваю десятый класс, остается какой-то месяц, и тогда — прощай, школа! У нас многие мальчишки после школы сразу хотят пойти на фронт добровольцами. Да и девчонки тоже мечтают стать медсестрами, радистками, разведчицами. Я думаю, ты не станешь отговаривать меня, если я поступлю на курсы радистов. Конечно, если бы не война, я избрала для себя другую профессию. И ты знаешь какую. Мы с тобой говорили об этом. Я поступила бы в педагогический институт, стала учительницей. Но учиться в педагогическом успею и после войны.

Сейчас важнее всего обеспечить победу над врагом. Мы взрослые, да-да, папа, взрослые и хорошо понимаем все. Война отодвинула личное на второй план. Недавно в классе мы писали сочинение: «В жизни всегда есть место подвигам». Мое сочинение учительница зачитывала перед всем классом. Я написала о Зое Космодемьянской, о героизме нашей молодежи во имя родины в тылу и на фронте. Не буду хвалиться, что написала я его блестяще. Лучше получается, когда пишешь о пережитом лично, о том, что пришлось испытать. Мы пока больше знаем жизнь по книгам. И вот теперь настает для нас время проверить себя уже не на словах. Нас учили, воспитывали, делали для нас все, чтобы мы были достойными преемниками дела наших отцов.

Дорогой папа! Пожалуйста, не беспокойся о маме и обо мне. Живем нормально, денежный аттестат от тебя получаем каждый месяц. Мама работает на старом месте. А у тебя новая должность. Из твоего последнего письма мы узнали, что ты теперь не командир части, а начальник отдела в штабе Крымского фронта. Папа! Наверное, наивно писать в письме на фронт, где бои, смерть — такие строчки: береги себя. И все-таки я пишу их. Береги себя! Твои друзья и сослуживцы по училищу иногда заходят к нам на квартиру, разговаривают с мамой, со мной, и не обходится без воспоминаний о тебе.

Папа! Ты писал, что в боях погибли твой адъютант и шофер. Я хорошо обоих помню. Познакомилась, когда приезжала к тебе на денек в конце сорок первого года. Твоя часть тогда стояла еще недалеко от нас. Адъютант встретил меня на пропускном пункте и проводил в штаб. У тебя было совещание, и пришлось ждать. И адъютант, и шофер, пока в машине ехали, все о тебе рассказывали. Называли тебя батей. Говорили: наш батя, как родной отец, и мы его беречь будем...

Папочка! Весна у нас в самом разгаре. Яркое солнце. Цветет белая акация. Посылаю тебе фото. Весеннее.

Обнимаю тебя крепко и целую. Пиши, по возможности, чаще.

Твоя дочь Клара.

Ему хотелось написать ответ дочери. Сказать ей о том, что какую бы профессию она ни выбрала — главное заключается в том, чтобы приносить пользу Родине. На это письмо он так и не написал ответа. До окружения среди горячки боев не успел. А теперь было поздно. Письмо все равно останется лежать неотправленным в его полевой командирской сумке. В сущности дочь права. Личное война отодвинула на второй план. И, если она захотела поступить на курсы радистов, он не станет возражать. Характер у нее его, отцовский. Решила — зна-

чит, настоит на своем. Может, то, что она росла в семье военного, приучило ее к ранней самостоятельности. Ей и жене не раз приходилось переезжать с одного места на другое, туда, куда переводили его по службе. Были всякие трудности, она привыкала переносить их, знала не понаслышке, что такое армейский быт с его тревогами и учениями, с постоянной боевой готовностью.

Время... Как оно быстро летит. Кажется, совсем недавно дочка собиралась в первый класс, с озабоченным серьезным видом укладывала в то сентябрьское солнечное утро в портфель новенький букварь, пенал с карандашами, школьные тетрадки в косую линейку. Накануне он вместе с ней ходил в книжный магазин, где купили и букварь, и тетрадки, и еще несколько понравившихся ей книжек с цветными картинками, которые она тут же у прилавка принялась с радостью рассматривать. Читать он научил дочку еще до школы, и читала она довольно бойко, без запинки. Дома, в тесной квартирке военного городка, у них была своя, домашняя библиотечка, в ней преобладали книги по воинскому искусству, учебники военного дела, разные словари, справочники.

Несколько полок на самодельном стеллаже занимала художественная литература — большеформатные, выходившие в тридцатые годы, однотомники Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского, Льва Толстого, Шиллера и книги советских писателей Шолохова, Фадеева, Фурманова, Маяковского, Панферова, Гладкова, Серафимовича.

В выходные дни вечером, когда он бывал дома, Клара садилась к нему на колени и просила почитать вслух. Он доставал с полки обычно Пушкина или Лермонтова и читал ей «Руслана и Людмилу», «Сказку о золотом петушке», «Песню про купца Калашникова», а дочка внимательно слушала и умудрялась запоминать с одного раза довольно большие отрывки, удивляя затем отца чтением наизусть запомнившихся стихов.

В школьные годы у дочки на отдельной полке накопились свои книжки, относилась она к ним бережно и, приученная им, никогда не загибала в них страниц, старалась не пачкать, обкладывала обложки чистой бумагой.

Частенько, особенно после чтения стихотворений Некрасова, он начинал рассказывать ей про свое детство, родное село Чеберчино, светлую речку Чеберчинку, холмистые поля с белыми меловыми осыпями, крикливыми грачами на дуплястых ветлах.

В давнюю историю уходило прошлое села. В школе от учителя Алексея Степановича Пластова слышал он, что в сороковые

годы XVII века Чеберчино было сторожевым постом, построенным для защиты и ограждения от набегов врага центральных районов Русского государства. В те времена неподалеку от села, на Караульной горе, стояла высокая деревянная вышка, с которой караул из служилых людей следил за возможным появлением разорителей, предупреждая население об опасности. Служилые люди в Чеберчине были в основном из «переведенцев», взятых из разных уездов. Они, наряду с несением караульной службы, занимались сельским хозяйством, ремеслами и охотой. Оттого их потом называли еще «пахотными солдатами».

Сколько узнал он, ученик Чеберчинской школы Павел Ягунов, от старого учителя о своем селе! Сельские ребятишки слушали, затаив дыхание, любимого наставника,— доброго и отзывчивого, а когда нужно, умеющего быть строгим и требовательным. Высокий, седоусый, с копной русых волос, спадающих на лоб, в неизменной чистой косоворотке,—таким он запомнился воспитаннику народного училища Павлу Ягунову.

Школа в Чеберчине стояла на верхнем конце Большой улицы, на Борисовой горе, и отсюда, из светлых высоких окон школьного здания, открывалась широкая панорама и сельских улиц, и заречных далей...

Перед тем как уехать из села, он зашел к старому учителю попрощаться. Алексея Степановича дома не оказалось, хотя и был воскресный день. В огородах докапывали картошку, горьковатым дымом тянуло из-за изб и дворов, дымом сожженного бурьяна, сухой ботвы.

У дворов желтела свежая солома, за ригами зажиточных мужиков высились кругловерхие клади необмолоченной ржи. Зажиточные молотили хлеб по зимам, и в ригах для просушки снопов в холода топились печи. Те, кто был победнее, у кого всей земли набиралась десятина-другая, управлялись с обмолотом затепло, до покрова, и в зиму чеберчинские мужики, у кого хлеба не хватало и до масленицы, отправлялись на заработки кто куда. Одни на Волгу — в Симбирск, Царицын, Самару, Нижний, другие — в Баку, Ташкент, а то и в Москву, Питер.

Семья Ягуновых относилась к малоземельным и в неурожайные годы, как и многие семьи в Чеберчине, бедствовала. Оттого и решил Павел уехать по примеру других сельчан куда-нибудь в город, пристроиться там к какому-нибудь делу. Разные строил планы в свои семнадцать лет.

В стране свершилась Октябрьская революция, к власти пришли рабочие и крестьяне, строительство новой жизни только начиналось. Из губернского города Симбирска в далекое за-

сурское Чеберчино доходили волнующие вести. В круговерти событий трудно было разобраться. Поднимала голову контрреволюция, кое-кто из богатых сельчан рассчитывал на то, что новая мужицкая власть не продержится долго.

Своего учителя Павел нашел в пришкольном саду. Алексей Степанович в суконном пиджаке и серой косоворотке, без картуза, осматривал яблони. Теплый сентябрьский ветерок трепал пышную шевелюру.

— Зравствуй, здравствуй! — приветствовал заведующий школой бывшего ученика.— Погода нынче — благодать, осень стоит золотая. Я, признаться, осень люблю... Помнишь, как у Пушкина сказано: «Осенняя пора, очей очарованье. Приятна мне твоя прощальная краса...» Да, Павлуша. Кажется, недавно сажал эти яблони, а с той осени больше тридцати лет прошло.— Алексей Степанович смолк, наморщил лоб, вспоминая что-то. Ветер шевелил листья яблонь, и шепелявый шелест струился в просвеченных солнцем ветвистых кронах. Павел не решился нарушить молчание учителя, а он, сорвав с антоновки спелое яблоко, улыбнулся:

— Ешь! Знаю, и твоего труда в саду немало. Не ленился за яблонями ухаживать. Каждый человек, Павлуша, должен после себя что-то хорошее оставить, сад рассадить, доброму научить. Добро люди помнят, не забывают. Мне довелось учительствовать в этой школе еще когда Илья Николаевич Ульянов, отец Владимира Ильича Ленина, директором народных училищ Симбирской губернии работал. Школа при нем строилась по одобренному им проекту. Много хорошего для просвещения народа делал Илья Николаевич, часто бывал в народных училищах, помогал учителям и советами, и делами. Сады при сельских училищах рекомендовал сажать. В нашей округе в ту пору сады большой редкостью были, лишь у помещиков.

Теперь помещиков столкнули, первую годовщину Октябрьской революции скоро праздновать будем. Многое еще предстоит сделать, Павел, чтобы Советская власть на местах по-настоящему окрепла и на ноги встала. С оружием в руках приходится народу отстаивать свою власть. Сколько наших сельчан в этом году ушло в Красную Армию. Больше пятидесяти человек... Среди них немало добровольцев. Ты, я слышал, уезжать собрался из села?

— Надумал,— признался Павел.— Поэтому и зашел. Попрощаться.

— Далеко едешь?

— В Ташкент. Хочу там на работу поступить. Может, и учебу дальше удастся продолжить.

— Ну, стало быть, раз решил, я тебя отговаривать не стану. Ты парень с головой, нигде не пропадешь. Насчет учебы совет тебе дам. Учись. В городе для учебы возможности будут. Если придется нелегко, все равно от задуманного не отступай.

Долго разговаривал тогда Алексей Степанович с бывшим учеником. Не без влияния того разговора переменил Павел Ягунов свои планы после отъезда из села. В Ташкенте прямо с вокзала отправился не на поиски работы, а пришел в военкомат и попросил записать его добровольцем и отправить на фронт сражаться за дело революции.

Еще по дороге, а добираться пришлось с разными пересадками чуть не месяц, насмотрелся всего. Видел забитые товарняками и пассажирскими поездами железнодорожные станции, переполненные людьми вокзалы и перроны, умирающих от тифа, голодных. Видел одетых в лохмотья беспризорных детей, маршевые роты красноармейцев, с песнями уходивших на фронт защищать молодую Советскую власть:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это.

Песня звучала из солдатских теплушек, на площадях и улицах городов, которые приходилось проезжать, казалось, летела над всей взбудораженной, обновленной революцией огромной страной, которая впервые распахнула перед сельским пареньком свои просторы. Красные знамена развевались повсюду над станционными путями, водокачками, вокзальными зданиями — повсюду под знамена революции вставали сотни и тысячи рабочих и крестьян, от сох и плугов, от станков и машин вставали с винтовками в натруженных руках. Русские и украинцы, белорусы и узбеки, грузины и казахи, все национальности России.

Шел боевой восемнадцатый год. Павел Ягунов всматривался в обветренные лица красноармейцев, многие были такие же молодые, как и он, такие же безусые. Он мысленно видел себя в их боевом строю, в маршевой колонне, с пятиконечной звездой на островерхом суконном шлеме. В голове, как гвозди, крепко засели слова, сказанные учителем при прощании: «Революцию еще надо отстоять от врагов. Сколько боев придется выдержать за нее...»

На станциях, во время стоянок поезда, он отыскивал расклеенные на стенах газеты и с волнением вчитывался в сообщения с фронтов гражданской войны. Сообщения были тревожными, как набат. Тиски внешней и внутренней контрреволюции

железным кольцом сжимали Российскую республику со всех сторон. Кавказ и Сибирь, Украина и Дон, Поволжье и Урал — везде трудовой народ России отстаивал свои права на землю и волю. Водоворот событий подхватил и его, сорвал с места из родного Чеберчина и нес к неизвестности, но эта неизвестность не могла не казаться ему, молодому, вступающему в жизнь, манящей и притягательной.

Здесь, в дороге, четче обозначились перед ним ее дали, яснее осмысливался поворот, свершившийся в его судьбе. Та внутренняя работа мысли, которая обострилась в нем после разговора с учителем и отъезда из дома, под впечатлением увиденного в долгом пути определила его решение добровольцем вступить в Красную Армию. С ней он связал тогда, в тревожном восемнадцатом году, свою судьбу, и, как оказалось, не на год, не на два, а на всю жизнь.

В тридцать восьмом году его наградили медалью «XX лет РККА», эта награда итожила его двадцатилетний путь в рядах рабоче-крестьянской Красной Армии.

Теперь к этим двадцати годам прибавились еще четыре. Почти четверть века носит он армейскую форму. Двадцать четыре года назад сделан выбор, определивший его судьбу.

В кругу семьи иногда подшучивал, что родом он «из пахотных солдат», а те солдаты верой и правдой свою службу несли и потомкам своим заповедали служебную лямку тянуть.

До войны все собирался наведаться в родное Чеберчино и теперь с сожалением думал, что не успел там побывать. Родные писали, что вскоре после его отъезда умер уважаемый всем селом учитель Алексей Степанович Пластов. Выходило, что все времени не хватало поехать в отпуск к себе на родину всей семьей, встретиться с земляками, посмотреть, как живут они в колхозе. Все откладывал он эту поездку, все находились уважительные причины, мешавшие ей, неотложные дела, которые обязательно надо было сделать. А за одними неотложными делами по службе возникали другие, еще более неотложные, и из-за них приходилось переносить отпуск на другой год. Личное, как пишет дочка в письме, отодвигалось на второй план.

Полковник сложил письмо, убрал конверт снова в карман. И словно потеплело в холодной штольне, будто пробился сюда сквозь толщу камня светлый луч солнца.

Скрипнула дверь. Вошел начштаба Сидоров. Лицо усталое, осунувшееся. Под глазами темные круги.

— Уточненные данные по численному составу, товарищ полковник,— начштаба положил на стол перед Ягуновым папку.

Павел Максимович раскрыл папку.

— Уточненные? Это хорошо. Ну-ка, ну-ка... Указательным и большим пальцами он поправил пенсне на переносице, стал просматривать листок за листком, иногда делая выписки себе в записную книжку.

— Предлагаю, товарищ полковник, сформировать три батальона, по три роты в каждом. Особо выделить и подчинить непосредственно штабу роту охраны, роту разведчиков и роту саперов. Я анализировал личный состав. По сути дела от тех подразделений, которые прикрывали отступление, уцелели остатки. Остатки разных батальонов и рот. Кого у нас здесь только нет! Танкисты без танков? Есть. Кавалерия есть. Конники даже лошадей успели под землю загнать. Правда, кормить их нечем. Придется забивать на мясо. Будет прибавка продуктов к нашим запасам. Кое-что имеется из артиллерии. Четыре противотанковые пушки-сорокапятки, одна семидесятишестимиллиметровка, восемь минометов. Есть морские пехотинцы, пограничники, стрелки, саперы, политсостав резерва. В общем, чуть не все рода войск. Необходимость переформирования очевидна и необходима. По той схеме, о которой я уже говорил. Таким образом полк, или иными словами, подземный гарнизон, окончательно оформится как боевая единица со всеми вспомогательными службами, включая снабжение, боепитание, медико-санитарное обеспечение, продовольственную часть, связь.

Полковник Ягунов одобрил предложения начальника штаба.

7

Почти до самого утра Ягунов не сомкнул глаз. Заседал штаб. Совещались командиры батальонов и рот. На этом совещании командир гарнизона подвел итоги первых суток борьбы с врагом, окружившим каменоломни.

— Дневные атаки противника,— сообщил собравшимся Ягунов,— отбиты. Враг понес потери в живой силе и технике. Захвачены трофеи: пулеметы, винтовки, автоматы, патроны. Успели сделать запасы воды. Гарнизон каменоломен на деле доказал свою боеспособность и решимость продолжать борьбу. Наши потери невелики. Бить врага нам надо так и впредь. Данные разведки свидетельствуют о том, что неприятель стягивает в район каменоломен крупные силы, подвозит боеприпасы, военную технику. Сегодня нашим радистам удалось связаться по рации с кавказским берегом. Нас хорошо слышно из-под земли через пролив. О борьбе гарнизона каменоломен теперь известно командованию Красной Армии. И в этой борьбе мы не одни. Неподалеку, в соседних каменоломнях у Керчи, также

находятся окруженные врагом бойцы нашей армии. Попытка связаться с ними по радио пока не увенчалась успехом. Следующей ночью пошлем туда связных. Будем также налаживать связь с партизанами и патриотами Керченского подполья. Совместными действиями станем наносить оккупантам удар за ударом.

Начальник штаба старший лейтенант Сидоров обрисовал подробную картину боевой организации. Он прикрепил к стене большой лист белого ватмана — схему каменоломен. Сидоров со знанием дела говорил о системе обороны подземелья. На гимнастерке начштаба алел орден Красной Звезды, полученный за участие в десантной операции на Крымское побережье.

— Обратите внимание,— подчеркнул старший лейтенант,— вся система подземных ходов разбита на три сектора: северный, восточный и южный. В каждом секторе несколько выходов на поверхность для нанесения ударов по врагу. Командование отдало сегодня приказ нести усиленную круглосуточную охрану выходов, сосредоточить там имеющиеся у нас пушки и минометы, а также принять меры к улучшению наблюдения за неприятелем. Для этого потребуется установить наблюдательные посты, хорошо замаскированные от вражеских глаз, у каждого отверстия в наружных стенах каменоломен, у каждой удобной щели.

Весь внутренний распорядок нашей подземной жизни должен подчиняться строжайшей дисциплине и неукоснительно выполняться каждым бойцом, командиром и политработником. Трудностям, всей сложности обстановки, в которой мы оказались, противопоставим высокую организованность, сплоченность и дисциплину.

Слово взял старший батальонный комиссар Парахин, сидевший за столом рядом с Ягуновым. Комиссар встал с места. У губ жесткая складка, длинные тонкие брови решительно сдвинуты к переносью. Все лицо выражало собранность, непоколебимую волю. Голос негромкий, но уверенный.

— Совершенно верно говорил здесь о строгой дисциплине начальник штаба. Без дисциплины нет армии. Наш подземный гарнизон — это частица нашей Красной Армии. Волею обстоятельств она оказалась в окружении, в необычных для борьбы и жизни условиях. Враг пойдет на все, чтобы выбить нас отсюда, сломить наше сопротивление. Мы у него теперь как бельмо в глазу. Наша задача — отвлекать на себя как можно больше неприятельских сил, наносить им урон ударами из-под земли и этим помогать борьбе наших войск. Цементирующая сила воинов гарнизона — коммунисты и комсомольцы. В сегодняшних схватках с врагом они доказали это. От бойцов и командиров

поступают заявления с просьбой принять их в партию. И мы будем оказывать им высокую честь — идти в бой коммунистами. На нас, политработниках, лежит обязанность поднимать боевой дух бойцов подземного гарнизона, вести среди них политическую работу, звать воинов на подвиги. Во всех подразделениях начнем проводить политинформации, беседы, чтение сводок Советского информационного бюро. Здесь, под землей, мы слышим голос нашей героической столицы, нашей Москвы. Радиоволны долетают к нам сквозь каменную толщу, несут правдивое слово о самоотверженной борьбе советского народа с гитлеровским фашизмом. В трудных условиях, в которых гарнизону приходится вести сопротивление, особенно важно вселить уверенность в каждого бойца. Без веры в победу нельзя одолеть врага. Правота нашего священного дела — это тоже наше оружие. И с ним мы выстоим и победим.— Комиссар произнес это с особенной четкостью и уверенностью.

Электрическая лампа, горящая вполнакала в низкой штабной штольне, освещала темные каменные стены, суровые лица руководителей подземного гарнизона.

Решимостью бить врага, не складывать оружия были преисполнены краткие выступления других участников совещания.

Но никто из собравшихся здесь не мог предполагать, какой длительной и трагической окажется эта неравная борьба, какие жестокие испытания ждут каждого бойца и командира. Все только начиналось, и все эти испытания ждали подземный гарнизон впереди.

Қ утру в каменоломни из окружения в районе металлургического завода имени Войкова прорвались остатки почти полностью уничтоженной врагом группы подполковника Бурмина.

Ягунов крепко обнял боевого товарища:

— Григорий, старина! Жив... Значит, нашего полку прибыло.

— Жив! Мы еще повоюем, Паша,— подполковник устало опустился на стул, щурясь от света электрической лампочки. Лоб наискосок перехватывал грязный бинт, по бинту расплылось и засохло большое бурое пятно. Гимнастерка на плечах изодрана в клочья.— Мы повоюем...— Заросшее черной щетиной лицо Бурмина зло передернулось. Отступать дальше некуда. Досталось нам... Ну и мы показали, на что способны. Поломали фрицам зубы...

Полковник бросал радостные взгляды на Бурмина, слушая, как было дело на его участке обороны. Он уже почти потерял надежду увидеть своего друга живым. Стоять насмерть, любой ценой помешать противнику прорваться к переправе. Об этом и радировал Ягунов группе подполковника. Когда немцам уда-

лось выйти к переправе в обход, Ягунов передал в эфир, чтобы группа отступила в каменоломни.

— Почему же вы не отвечали на вызовы по радио? — не переставал удивляться Ягунов.— Я слышу: у завода стрельба. Не даете немцам проходу. По этой перестрелке и догадывался — держатся, значит, живы. А на запрос по рации — ни звука. Молчите да и только. Заставили голову поломать...

— Ваш радист зря старался, Паша. У нас рацию прямым попаданием вдребезги разнесло. Так что ничего мы о сообщениях от вас не знали. Завод горит, рушатся стены, бомбы рвутся... Сколько раз немцы в атаку поднимались — со счета, кажется, сбились. Боеприпасы на исходе, людей все меньше. Связь с вами прекратилась. Противник обошел Царский курган, отрезал нас от каменоломен. Слышим, у каменоломен перестрелка то смолкнет, то опять сильнее прежней. Что у вас творится — не знаем. И на переправе — тоже. Послал туда связного. Немцы нас уже кругом обошли. Ночью связной вернулся, доложил: у крепости стоят немецкие танки, мотопехота. Переправы больше не существует. К вам посылал троих связных.

— Связные от вас не появлялись, Григорий. По всей вероятности, погибли.

— Ночью решили прорваться в каменоломни,— продолжал Бурмин.— От всей группы в живых осталось около сотни. Делали две попытки. Оба раза неудачно. Продержались еще сутки. Решили еще раз выйти из окружения. Возле каменоломен стрельба, артиллерия бьет, минометы, бомбардировщики гудят. А кто в каменоломнях, жив ли ты, Паша,— я не знал... Пробивались всю ночь. Сюда прорвалось восемнадцать человек. Почти все ранены... А как тут у вас, под землей? Держитесь?

— О наших делах еще поговорим. Тебе надо отдохнуть, выспаться. Скажу только одно. Только что заседал совет обороны. Будем драться до последней капли крови. Как ты сказал, мы еще повоюем! А пока, видишь, в углу моя койка — выспись. Сейчас сообразим что-нибудь из еды.

— Потом, потом,— махнул рукой Бурмин.— А поспать не откажусь.

Бурмин, кряхтя, снял сапоги, размотал сопревшие портянки, повалился на койку и сразу же заснул как убитый.

Командир гарнизона вышел, закрыв за собой дверь, в штабную штольню. Начальник штаба Сидоров разговаривал с кем-то по телефону, трое офицеров штаба, измотанные двумя бессонными ночами, спали прямо за столами, уткнувшись головами в руки. Ягунов сказал начштаба, что пройдет к центральному входу немного освежиться, подышать чистым воздухом, пока

на поверхности спокойно. Следом за полковником вышел адъютант. В центральном, самом широком тоннеле каменоломен вдоль стен со своим домашним скарбом теснились люди. Кто дремал, привалившись к стене, кто спал прямо на каменном полу. Женщины кутали своих детей потеплее — в жакетки, одеяла, кофты — во все, что успели захватить из дома, торопясь спрятаться от бомбежек и артиллерийского обстрела.

Ягунова несколько раз останавливали. Задавали один и тот же вопрос: когда немцев погонят обратно и можно будет вернуться в город? То тут, то там в коридоре нежарко, словно сдавленные темнотой, тлели костры. Люди грелись у огня, подкладывали какие-то щепки, обрывки газет, ветки наломанной на поверхности акации.

— Товарищ военный,— обратилась к Ягунову почти у самого выхода молодая женщина,— долго еще ждать? У меня трое детей... Продукты все вышли...

Командир не знал, что ей ответить. На руках у матери посапывал, завернутый в теплое одеяло, грудной ребенок. Двое других детей лет трех и пяти спали под стеной на разостланной фуфайке, укрытые толстой вязаной кофтой. Сказать ей, что он не знает этого сам. Не знает, сколько ночей и дней придется жить в этом холодном мраке каменного лабиринта...

— Я скажу вам только одно,— Ягунов не мог без глубокого сострадания смотреть и на эту женщину, и на ее детей, как и на всех других, таких же, как она, лишенных крова.— Мы сделаем все, что в наших силах. Но вам, может быть, было бы лучше выйти из каменоломен.

Женщина покачала головой:

— Нет, нет... Если бы вы знали, сколько горя натерпелась я под их фашистской властью. Лучше не вспоминать.

У выхода на поверхность дежурный наблюдатель, им был лейтенант Лунин, узнал полковника, взял под козырек.

— Как там, снаружи, все спокойно?

— Спокойно, товарищ полковник. Перестрелка была в южном секторе. Там в каменоломни, как сообщили в штаб нашего батальона, прорвалась группа бойцов, бывшая в окружении у металлургического завода. У нас здесь тишина. Из колодца продолжаем запасаться водой. Неизвестно еще, удастся ли днем роте удержаться на поверхности.

Полковник Ягунов шагнул через выход наружу. Было уже светло. Солнце еще не взошло, но его появление угадывалось по огнистому зареву, все выше и шире разгоравшемуся на востоке. Со станции от города донесся гудок паровоза, и непривычно было услышать этот протяжный звук в утренней тишине, звук, больше говорящий слуху о мирной жизни.

За ночь улеглась, рассеялась гарь вчерашнего боя. Подбитые и сожженные вражеские танки грязно-серыми силуэтами темнели над поверхностью земли. На окраине поселка за дорогой виднелись сады, уцелевшие от пожаров, утренний ветерок с моря ласкал лицо. Там, за проливом, на кавказском берегу, части отступившего фронта. Ягунов стоял в задумчивости. У колодца звенели ведра; бойцы, выстроившись цепочкой, передавали наполненную посуду из рук в руки внутрь подземелья. До его слуха долетела ранняя трель жаворонка. Она светлым ручейком разливалась над каменоломнями, над всей просыпающейся степью, звучала благовестом новому дню. Полковник поднял голову к небу, стараясь разглядеть утреннего певца. Но его не было видно в голубой вышине, и только песня неумолкающим колокольчиком звенела выше и выше, возносилась в поднебесье. И что-то давнее, разбуженное этой песней, отозвалось в нем и зазвучало весенней радостью детства. И он слушал теперь и песню жаворонка, и то, что отозвалось в нем, и это отозвавшееся заполняло всего его до краев и переливалось через края в избыточности чувства любви к жизни, к ее торжествующему шествию вопреки смерти и войне. Жизнь шествовала по земле, возрождая из мертвого праха убитую траву, освобождая к свету все новые и новые свои ростки из множества разнообразных семян, таящихся в ее сокровенной таинственной глубине. В детстве он хотел узнать, что там, в этой глубине, и тайна глубины земли волновала его. И вот, чтобы разрешить для себя эту тайну, он начал на лугу за огородом, ему тогда было лет семь, копать нечто вроде небольшого колодца. Он снял обломком ножа, взятым из дома, сверху квадратный пласт луговины и принялся рассматривать его нижнюю сторону. Кусок черного дерна переплетали бесчисленные корешки: белые, желтые, красновато-коричневые. Об их существовании он знал и раньше. Он рыл ямку глубже, выгребал оттуда землю и пристально рассматривал ее. Попадались какие-то неизвестные ему маленькие жуки, луковички, оранжевые куколки бабочек, дождевые черви, сухие отмершие корни, светлые камушки. Ямка была уже глубокой, рука уходила в нее до плеча, а в горстях земли продолжали попадаться совсем мелкие ее обитатели, которые умели ползать и жили своей непонятной ему жизнью. А что же там, еще глубже? Но глубже копать рука не доставала. Наверное, и там кто-то живет... Отец говорил, что камни растут из земли. Значит, они тоже живут. Только как же они могут жить?

Песня таяла в небе, жаворонок, видимо, поднялся в самую высь, и казалось, что светлая ликующая нить незатейливой переливчатой трели, связывающая певца с землей, вот-вот

оборвется. Но она не обрывалась, а лишь замирающе трепетала, растворялась в небесном просторе, слабела и вновь становилась слышнее, опускалась над землей.

Раздумья Ягунова, тишину утра, трель жаворонка прервала пулеметная очередь из вражеского окопа от дороги. Короткая передышка кончилась. Бойцы у колодца, черпавшие воду, залегли. Назад, в каменоломни, полковник возвращался ползком.

8

В штабной штольне командира гарнизона дожидался начальник продовольствия майор Пирогов. Он только что закончил учет запасов на складах и, как приказывал Ягунов, пришел немедленно доложить об этом.

— Давайте-ка ваши данные, начпрод,— поздоровавшись, сразу же попросил Ягунов.

Майор достал из полевой сумки, перекинутой через плечо, толстую тетрадь в коричневом переплете.

— Здесь учтено все продовольствие армейских складов, которое не успели эвакуировать.

— Выходит, хорошо, что не успели эвакуировать наши интенданты,— улыбнулся полковник.— Как говорится, нет худа без добра. Не фашистам продукты достались, а опять же нашим бойцам и нашему населению.

— Я начну с самого главного, с запасов муки.

Ягунов расположился за своим столом, взял блокнот, карандаш, пригласил сесть Пирогова.

— Хлеб — всему голова, так, что ли, майор? Ну, так сколько у нас муки?

Пирогов назвал цифру.

— Да-а-а,— задумчиво пробасил Ягунов.— Не так уж много. Прикинем, на сколько же хватит этой муки по самым скромным нормам на каждого человека.

— А какую норму возьмем?

— Сто пятьдесят граммов,—подумав, ответил полковник.— Кроме бойцов, мукой и всеми другими продуктами будем обеспечивать и гражданское население.

Начпрод подсчитал и вышло, что муки даже и при такой более чем скромной норме хватит лишь до начала июля.

— С запасами сахара дела обстоят лучше, товарищ полковник,— Пирогов стал по тетради перечислять цифры.

Ягунов записывал их себе в блокнот. Запасы крупы, концентратов, консервов. Подсчитывал, перечеркивал написанное и вновь подсчитывал. Затем переписал цифры на отдельный листок, вырвал его из блокнота, протянул майору:

— Здесь суточный рацион на человека. Думаю, нет необходимости объяснять, что этого рациона надо придерживаться со всей строгостью.

Начпрод взял листок, молча пробежал глазами написанное. Удивился. Нормы были, как говорится, в обрез. Хлеба... Он уже знал, сколько приходится хлеба. Жиров — десять граммов, концентратов — пятьдесят. Сахара — сто пятьдесят граммов. С такими нормами Пирогову за все время службы в Красной Армии пришлось встретиться впервые.

— Ничего не поделаешь, майор,— по выражению лица начпрода полковник догадался, о чем он думает. И тихо прибавил: — Другого выхода нет.

— Я понимаю,— кивнул Пирогов, подавив невеселый вздох.— Придется потуже затягивать пояса.

— Дел у вас будет по горло,— продолжал Ягунов.— Хорошо было бы наладить выпечку хлеба. В наших условиях это очень сложно. Однако, я полагаю, ничего невозможного нет. Говоришь, трудно с топливом? Что-то надо придумать. В каждом батальоне изыскать возможность. Печь хлеб или, по крайней мере, лепешки. Ну а запасы сахара вполне достаточны. Будем чаевничать, была бы вода. Это уже другая проблема. Воду станем выдавать тоже по норме. Теперь с мясом и консервами... Консервов в твоих запасах — кот наплакал. На мясо придется забить лошадей. Их у нас больше сотни. На первое время хватит. Какие ко мне будут вопросы?

— Пока вопросов нет, товарищ полковник.

— Обо всем, что касается продовольствия, вы ежедневно будете докладывать мне лично.

— Я вас понял.

— Вот и хорошо,— командир гарнизона пожал начальнику продовольствия руку.

Опираясь на самодельную клюшку, Пирогов направился к двери.

— Постойте,— остановил его Ягунов.— Как ваша нога?

— Пустяки, перелом легкий. С костылем до самого Берлина могу дойти.

Полковник рассмеялся:

— Вы, как мой шофер, из упрямых.

9

Весь день Николай Семенович Данченков вместе с Павликом ходили по каменоломням в поисках места для рытья колодца. Они пробрались далеко в глубь катакомб. Свет фонаря желтым пятном ложился под ноги на каменный пол,

запорошенный беловатой тырсой — известняковой пылью, на неровные стены подземелий. Толстые низкие своды нависали над их головами. Сын и отец вполголоса переговаривались. За каждым поворотом во мраке, казалось, кто-то притаился и молча и настороженно прислушивался к их голосам.

Данченков обследовал много заброшенных штолен и туннелей, где, по его предположениям, вода могла залегать ближе к поверхности. Они находились теперь в самой глубокой подземной части каменоломен. Здесь было заметно холоднее по сравнению со штольнями, расположенными ближе к поверхности, к выходам наружу. Застоявшийся воздух подземелий отдавал плесенью и сыростью. Павлик удивлялся, как хорошо отец знает беспорядочный лабиринт каменных коридоров, по каким-то ему одному хорошо известным приметам находит нужное направление, помнит места, где они уже проходили.

На поворотах отец просил его получше посветить фонарем. Павлик выше поднимал фонарь над головой. Причудливые очертания неровностей потолка и стен, выхваченные из мрака, напоминали каких-то фантастических чудовищ, свирепые оскалы звериных морд, человеческие лица. Он внимательно всматривался, окидывая глазами вначале весь участок выхваченной из мрака стены, потолка, затем останавливался на отдельных выступах, неровностях, сколах камней, трещинах, сводчатых уступах. Воображение дорисовывало ему недостающие детали той или другой картины; ломаные линии сводов очерчивались из мрака силуэтом зубчатой крепостной стены или средневекового замка, казались то аркой, уходящей в невидимую толщу камня башни сказочного дворца, то стрельчатым окном готического собора. В одном месте рука каменотеса, может быть, случайно, вырубила в подземной скале пласт камня, очертанием похожий на женщину с ребенком на руках, в другом — рельеф красноармейца с винтовкой. А, может быть, не случайно... Павлик слышал от отца, что среди каменотесов были такие мастера, которые могли вытесать из камня все: и простую квадратную плиту для облицовки стен, и намогильный памятник, украшенный рисунком, и человеческую фигуру. Камень в их руках становился послушным и по воле мастера приобретал любые формы, подчиняясь точным ударам зубила и молотка. Отец слыл неплохим резчиком по камню — это Павлик знал, наблюдая за его работой. Ему и самому хотелось научиться отцовскому делу, и, бывая в каменоломнях, Павлик приучался тесать неровные каменные плиты. Отец показывал ему, как надо правильно держать инструмент, хвалил, когда у сына получалось, сердито хмурился, когда Павлик, не рассчитав удара молотком, раскалывал каменную плиту, портил камень.

Непривычному к суровой угрюмости каменных подземелий глазу стены каменоломен мало что говорили. Погруженные в мрак, они молчали, а выхваченные из пугающей тяжелой темноты светом фонаря, казалось, готовы были раздавить, сомкнуться и не выпустить из своих холодных объятий.

Данченков-старший там, где просил сына посветить получше, внимательно осматривал стены, долбил киркой пол, сгребал в пригоршни каменную крошку, тер ее в ладонях и зачем-то нюхал. Кое-где на стенах он ставил углем чуть приметные стрелки и треугольники то острием вниз, то вверх, назад или вперед, очерчивал кружочки, квадратики. Как следопыт или опытный охотник знает дорогу в непроходимой тайге по своим приметам — сломанной ветке на дереве, вывороченной бурей коряге, зеленой заплатке мха,— так и Данченков безошибочно ориентировался в каменных дебрях, и помогали ему в этом значки, нарисованные углем. Павлик иногда спрашивал, что значит тот или иной значок, и отец объяснял ему эту своеобразную азбуку.

В некоторых штольнях они отдыхали, сидя на каменных выступах. Павлик привертывал фитиль фонаря, чтобы тратить меньше керосина. Теплый кружок света лежал у их ног. От фонаря пахло теплом нагретого воздуха и копотью, привычными домашними запахами. С собой у них был еще один фонарь— запасной. Он висел у отца на поясе незажженным. В одной из штолен у них хранился закопанный в яму бидон с керосином литров на шестьдесят. Этот запас остался у Данченкова еще с прошлого года. Николай Семенович помнил о нем и сейчас радовался своей запасливости, тому, что уберег керосин до нужного срока.

Прошлой осенью партизаны, небольшая группа, заранее, до захвата Керчи немцами, создали под землей запасы продуктов, воды. Эти запасы, при экономном расходе, позволили им продержаться до наступления войск Красной Армии. С большим трудом, но водой, налитой в сложенные из камня цементированные бассейны, обошлись.

Задача, поставленная полковником Ягуновым перед Данченковым, была не из легких. Рыть колодец внутри каменоломен еще не приходилось никому. Данченков не ошибался, когда сказал командиру гарнизона, что в катакомбах нет ни одного колодца. За все время работы под землей ни в одной из многочисленных штолен и галерей он не встречал хотя бы какого-нибудь заброшенного старого источника. Воду в каменоломни для рабочих всегда возили снаружи, из колодца у центрального входа. Этот колодец называли «сладким», из него черпали воду многие жители поселка Аджимушкай. В других

колодцах в степи у каменоломен вода для питья не годилась из-за горько-соленого вкуса и шла на водопой лишь скоту. Знать наверняка, где надо рыть подземный колодец, чтобы найти пресную воду, годную для питья, Николай Семенович Данченков не мог. Но такое место надо было обязательно найти. Подальше от посторонних глаз, в глубине каменоломен, там, где пробитые в скалах туннели и галереи надежно были защищены от обвалов мощными каменными потолками. И желательно, чтобы вода залегала недалеко. Иначе пробиться к ней через твердый камень будет сложной задачей. Туннелей глубоко под землей Данченков знал много. Обследовать их все за день было невозможно. Поиски удобного для колодца места он решил вести в западной части каменоломен, прилегающей к поселку.

В голове камнерезчика составился еще один вариант обеспечения гарнизона водой. Об этом варианте он думал, когда возвращался от Ягунова в штольню, где находилась семья. Но пока никому не говорил о нем в штабе. Саму идею подал отцу Павлик. Если командование одобрит и второй вариант, можно приступить одновременно и к его осуществлению. Одно другому не помешает. К рытью колодца приступит одна группа саперов, а другая... Ей надо будет пробить узкий подземный проход к наружному колодцу изнутри каменоломни. Из-под самого носа врага можно незаметно брать воду в любое время дня и ночи. Данченков взвешивал все за и против. И этот новый план казался ему легко осуществимым. Глубину нового колодца нельзя рассчитать заранее, а до старого, у центрального входа, примерно метров двадцать — двадцать пять. При точном расчете можно безошибочно выйти к воде под землей. Грунт за пределами каменоломни помягче, легче поддается кирке и лому, и пробить горизонтальный проход длиной в двадцать с лишним метров с успехом можно за несколько суток беспрерывной работы. План этот казался Данченкову дерзким, но этой стороной он и привлекал его.

В одном из туннелей, особенно холодном, отец и сын задержались долго. Стены каменного коридора были будто ледяными и сырыми на ощупь. Данченков собрал разбросанные под ногами обломки ракушечника. Павлик поставил фонарь на пол посредине коридора, и они сложили камни вокруг невысокой стенкой. Фонарь стоял теперь, опоясанный каменным барьером.

— Здесь будем долбить колодец, сынок,— Данченков присел на корточки у фонаря, достал кисет и стал закуривать.

— Место самое подходящее...— Павлик присел рядом на большой кусок ракушечника.

— Самое глубокое, пожалуй, глубже не сыскать.

— А далеко, папа, до воды?

Отец пожал плечами:

— Кто знает... Может оказаться и далеко. Но вода должна по всем приметам здесь быть. Нелегко, Паша, только ее достать. Эх, нелегко. Она, как клад, под землю упрятана, под каменную толщу. Для нас ценнее этого клада ничего нет.

— Пап... А к сладкому колодцу станем подземный ход пробивать?

— С командиром надо, сынок, посоветоваться, с Ягуновым. Я ему об этом пока не успел сказать. Вернемся — тогда и скажу. Обязательно скажу.

— Ты ему еще про потайной лаз расскажи, не забудь. Про тот самый, что в подпол дяди Мишиного дома ведет. Там с чердака за фрицами удобно будет следить.

— Больно ты много знаешь,—притворно нахмурился отец.— Когда только успел... Тебе только в штаб советником, голова-два уха...

— Ты же сам его мне в прошлом году показывал.

— А-а, в прошлом году. А в этом, Павлух, еще проверить надо. Может, где завалило, или что... Вон немцы сколько бомб взорвали.— Данченков помолчал, глядя на сына, пыхнул самокруткой: — Мировой старик был дядя Миша. Жалко, немцы его расстреляли. Все требовали, чтобы он им все ходы-выходы в каменоломни показал, партизан помог сыскать. Лучше дяди Миши, пожалуй, вряд ли кто наши катакомбы знал. Вся жизнь у него здесь, под землей, прошла. Сын у дяди Миши где-то на фронте. Может, хата и уцелеет до его прихода.

Данченков докурил цигарку, аккуратно переобул сапоги, осмотрев каждый с хозяйской тщательностью, проверил трофейный автомат — подарок комроты Яркова, отпил из фляжки воды и отдал сыну:

— Попей, да и обратно пора. Время к вечеру... Что там, на поверхности делается — неизвестно. Опять, поди, фашист к колодцу носа высунуть не дает, из пушек, пулеметов палит. Догадливый! Думает, без воды нас оставит — так нам и крышка. Милости у него запросим. Пускай не надеется.

Павлик, глядя на отца, тоже переобулся перед обратной дорогой, аккуратно перемотал шерстяные, из материного платка, портянки. Ему сильно хотелось есть, но пять сухарей, которые они брали с собой, были давно съедены. Павлик даже крошки из вывернутого кармана стряхнул на ладонь и отправил в рот. Сухарей мать насушила еще дома целых полмешка. Да пшена с пуд с собой захватили. Каша, сваренная в котелке над костром, казалась с голода душистой и вкусной, хотя есть ее приходилось без масла, всухомятку.

Не так мечтал Павлик провести школьные каникулы этим летом. Он уже приготовил удочки для ловли бычков, договорился со своим другом Сережкой, у которого была отцовская лодка, рыбачить чуть не каждый день. Лодка была старой, щелястой и никому не нужной, годной лишь на дрова, но друзья собирались ее подновить, законопатить щели и просмолить днище. Им хотелось еще достать краски и окрасить лодку. Тогда вид у нее был бы совсем форсный. Но краски у них не было, и достать ее не удалось даже в порту. Зато гудроном запаслись в достаточном количестве. Подумывали даже приладить к своей посудине парус, но, поспорив, решили обойтись без него. Далеко уходить в море им незачем, а у берега он и не нужен. Сережка жил в поселке Аджимушкай и доводился Павлику даже каким-то дальним родственником, как любил говорить отец: «седьмая вода на киселе».

Учился друг Павлика в поселковской школе. Каменоломни от школы находились невдалеке, из окон было видно. Обычно, как начиналось лето, друзья и дневали и ночевали вместе. Целыми днями купались, загорали на берегу моря, ловили всякую мелкую рыбешку, собирали выброшенные волной цветные камушки, черепки разбитых сосудов с непонятными древними надписями, пористые легкие кусочки пемзы.

Бродить босиком по береговой кромке ранним утром после прибоя было особенно интересно. Волны ласкались к ногам, тихо всплескивали, оставляя на песке влажные морщинистые следы. Сколько всякой всячины оставалось на берегу после шторма! Бутылки, поломанные пластмассовые куклы, студенистые медузы, морские раковины, поплавки от рыбацких сетей, прозеленевшие винтовочные гильзы, обломки досок, старинные почерневшие монеты.

Нравилось Павлику бывать на Царском кургане. Его большой зеленый холм возвышался над степью, и весной на пологих склонах цвела белая акация. С кургана степь казалась еще просторнее, а море открывало свои синие дали, белые скалистые горы побережья вставали в синей дымке. Отсюда как на ладони виднелась Керчь, излучина бухты, корабли в порту, ажурные стрелы портальных кранов.

С вершины кургана, где пекло солнце, протоптанная в траве дорожка вела вниз, к подножию. Там, в самом низу, каменный коридор-дромос вел внутрь кургана, в круглый высокий зал усыпальницы пантикапейского царя. Под сводами зала стояла прохлада и тишина, огромные рустованные плиты замыкались над головой высоко вверху. В центре сохранилось место, где была гробница самого царя. Курган давным-давно разграбили грабители, гробницу царя увезли в музей. Павлик

несколько раз ходил сюда со своим классом на экскурсию. Но ему больше нравилось осматривать этот памятник старины одному. В тишине никто не мешал предаваться раздумьям, и фантазия уносила его на много веков назад, во времена Боспорского государства. Воображение помогало увидеть и храброго предводителя восставших рабов — Савмака в бою с войсками пантикапейского царя Митридата — Евпатора, и каменотесов за работой на строительстве царской усыпальницы, и венецианские крутобокие галеры с богатыми восточными товарами, бросающие якоря у киммерийских берегов.

Вдоль стен дромоса и входа в курган стояли каменные памятники — стелы, собранные сюда археологами из находок в окрестностях Керчи и Тамани. Павлик подолгу рассматривал древние каменные плиты с непонятными греческими надписями, с изображениями живших когда-то людей. Рисунки были выбиты на камне искусной рукой древних каменотесов, края плит украшены прихотливой резьбой: листьями винограда, букетами роз. Молчаливые камни рассказывали о жизни людей лаконичным языком рисунков — об их занятиях, борьбе с кочевниками-завоевателями, далеких заморских путешествиях.

Павлик рассматривал плиты, собранные к подножию кургана, как будто листал каменные страницы истории. Некоторые памятники пострадали от времени, края камней щербатились выбоинами, полустерлись надписи, обились рельефные изображения. Знойные ветры проносились над ними, бушевали холодные бури, весны сменялись зимами, вставали и заходили звезды в ослепительно-черном небе, сдвигали землю землетрясения, опустошительные войны сжигали в своих пожарищах города, и пески засыпали их руины.

Тишина над курганом не мешала думать. Лишь изредка с моря доносилось дуновение ветра, и тогда словно зеленые волны пробегали по крутым склонам кургана, шелестели листья акаций и по освещенным солнцем молчаливым каменным плитам колебались узорные тени. И словно оживали в причудливой игре света и тени неподвижные рельефы, шевелились каменные губы женщин и шептали давно умолкнувшие слова любви, улыбка мелькала по лицу кудрявого мальчика, держащего на ладонях птицу, катилась каменная слеза по щеке матери, склоненной над убитым сыном, сурово хмурился воин с зажатым в руке мечом.

Не под землей, в пещерах каменоломен, собирался Павлик провести школьные каникулы. Три дня он не поднимался на поверхность, хотя хотелось погреться на солнце, поваляться на мягкой весенней траве. Ему захотелось побывать на Царском кургане, поплавать в море, побегать босиком по мягкому теплому

песку. Шагая за отцом, Павлик представлял, как он совершит какой-нибудь подвиг и его похвалит сам командир, полковник Ягунов. Например, поведет известным ему одному тоннелем разведчиков в тыл немцам и захватит у врага секретные документы. Или ночью осторожно проберется на вершину Царского кургана и установит там красный флаг. И днем флаг будет развеваться на ветру и его далеко будет видно со всех сторон, даже из Керчи. Тогда в городе узнают, что в каменоломнях сражаются бойцы Красной Армии.

На поверхности, у центрального входа, с утра снова завязался бой. Немцы потеснили роту лейтенанта Яркова внутрь катакомб. Колодец опять оказался у неприятеля. Отзвуки перестрелки не доносились до слуха Павлика и его отца. Они удалились внутрь каменоломен от наружных стен, разрушенных артиллерийскими снарядами и разрывами бомб, слишком далеко. Лишь временами стены и своды тоннелей, где они проходили, слегка вздрагивали от взрывов, словно где-то далеко находился эпицентр землетрясения и его колебания долетали сюда, под каменную твердь.

Ближе к штабу подземного проводника и его сына два раза останавливала охрана. Бойцы выступали из темноты, при свете фонаря проверяли выданные в штабе пропуска и разрешали проходить дальше.

Если бы глаз человека мог видеть сквозь каменную толщу все, что происходит внутри, то заметил бы сходство каменоломен с оживленным муравейником. Словно по улицам, двигались по каменным коридорам толпы людей, спешили по своим делам солдаты, вооруженные винтовками и автоматами, другие подтаскивали поближе к наружным проемам ящики с патронами и снарядами. В пещерах-штольнях отдыхали уставшие от дежурств бойцы. Одни спали, прикрывшись от холода шинелями, на каменном полу, другие грелись у небольших костров, кипятили чай, чинили порванную обмундировку. В подземном госпитале медицинские работники лечили раненых. Без перебоя работала подземная электростанция, освещая центральный тоннель, штабную и командирскую штольни и другие служебные помещения.

Многое увидел бы глаз наблюдателя, если бы мог видеть сквозь толщу камня. И склоненного над ключом радиста, отстукивающего морзянкой точки и тире — сообщение из-под земли своим на Большую землю, и хирурга в белом халате за операцией, и политработника, читающего группе бойцов сводку Совинформбюро, принятую по радио из Москвы, и солдат гарнизона с оружием в руках, готовых в любую минуту встретить врага метким огнем у каждого проема и пробитых в кам-

не бойниц. Увидел бы женщин, кормящих детей, отдающих им свой глоток воды из скудной нормы, воды, которую ценою жизни оплатили погибшие в бою за колодец защитники катакомб, увидел суровые и скорбные лица бойцов, зарывающих своих боевых товарищей в каменные могилы, выдолбленные штыками. Увидел и молоденького пехотинца с забинтованной головой, при свете тлеющего костра пишущего на клочке бумаги заявление с просьбой в случае смерти считать его коммунистом. И командиров подразделений во время проведения боевой учебы, и саперов за постройкой оборонительных стен в тоннелях и галереях...

Многое можно было бы увидеть сквозь каменную толщу. Но эта подземная жизнь была сокрыта от внешнего наблюдения многометровой скальной породой. И враг мало что знал о ней, об этой жизни, подчиненной одной и самой важной цели — борьбе. Тяжелой и беспощадной борьбе во имя жизни.

10

Камнерез Данченков доложил полковнику Ягунову о результатах поисков. Командир внимательно выслушал подземного проводника. По ходу доклада задал всего один вопрос — за сколько дней можно отрыть колодец и дойти до воды?

Данченков откровенно признался:

— Не могу сказать, Павел Максимович. Больше трех метров скальной породы за сутки не пройти. Все будет зависеть от того, как далеко залегает водоносный слой.

— Да-а,—Ягунов потер ладонью тронутый сединой висок.— Воды сегодня выдали по пятьсот граммов на человека. Это, конечно, мало. И все же придется убавить и эту норму, пока не выроем свой колодец. Запасов воды хватит, если выдавать по стакану, на неделю. Колодец снаружи находится под прицельным обстрелом вражеской артиллерии. Ночью попытаемся опять запастись водой. Люди идут на неминуемую гибель, чтобы достать несколько ведер. Поэтому, Николай Семенович, надо нынешней ночью приступить к рытью подземного колодца. Руководство работой возлагаю на вас. В ваше распоряжение выделим столько саперов, сколько потребуется. Чем ни быстрее пробьетесь к воде, тем лучше. Речь идет о жизни тысяч людей... Понимаете?

— Понимаю,— кивнул Данченков.— Начнем работу без промедления. У меня есть еще одно предложение.

— Какое?— поднял густые брови Ягунов.

— Попробовать пробить подземный ход из ближней к наружному колодцу катакомбы. Расстояние там небольшое, и

грунт полегче. Суток за двое, а то и раньше можно оказаться у воды. Черпай внизу и носи под землей в каменоломни, а немцы пускай себе стреляют из пушек поверху, снаряды портят.

— Значит, перехитрить фрицев хотите,— лицо Ягунова приняло задорное, как у мальчишки, выражение.

— Под лежач камень, Павел Максимыч, сами знаете — вода не течет. Удастся эта затея — будем в выигрыше на несколько суток. Это большое дело. Если вы согласны.

— Я не возражаю. Попытка, как говорится, не пытка.

Такой оборот дела воодушевил Данченкова. Правда, следовало еще точно рассчитать расстояние до колодца. Под землей, главное, не уклониться в сторону от выбранного направления. И все будет в аккурате.

Ягунов что-то преодолел в себе, отчего лицо его стало снова строго озабоченным. Взял телефонную трубку, попросил дежурного телефониста соединить его с командиром саперной роты. Данченков слушал твердый бас полковника и испытывал внутреннее удовлетворение оттого, что сам командир советуется с ним, принимает решения на основании его советов. Сознание нужности было той опорой, без которой камнерез не мыслил, не представлял своей жизни. И здесь, в каменоломнях, где теперь оказались так необходимыми его знания и опыт, он особенно почувствовал это.

Командир гарнизона кончил говорить, откинул захлестнувшийся за угол стола перекрученный провод.

— Идите отдыхать, Николай Семеныч. Часа через три вернетесь в штаб. Саперы будут ждать вас.

Данченков поднялся со стула, поправил на плече кожаный ремень немецкого автомата, тяжелой медвежьей походкой вышел из штольни.

Ягунов перевернул страницу календаря. Закончился еще один день жизни под землей. С утра враг пытался под прикрытием артиллерийского огня ворваться в каменоломни, сбрасывал над катакомбами фугасные бомбы. Все попытки неприятеля овладеть подземельем не увенчались успехом. Едва только вражеские пехотинцы поднимались в атаку, из проемов в стенах, из каждой щели в завалах их встречал меткий огонь из винтовок и пулеметов. К вечеру враг прекратил штурм каменоломен и под прикрытием темноты приступил к минированию всех выходов на поверхность.

«Опасается удара из-под земли. Хочет закупорить нас в каменном мешке...— Павел Максимович в раздумье зашагал по штольне.— Выходило, что неприятель меняет тактику и приступает к осаде. Об этом же говорили и заграждения из колючей проволоки в несколько рядов, которыми начали обносить

катакомбы. Как паук опутывает свою жертву паутиной, чтобы она не вырвалась из плена и затем покончить с ней, так и фашисты, по всей вероятности, решили сделать с окруженными защитниками каменоломен. Надо нанести из-под земли сокрушительный внезапный удар по немецкому гарнизону поселка Аджимушкай. В уничтожении вражеского гарнизона должны принять участие и бойцы, занявшие оборону в соседних, Малых каменоломнях. Надо сообщить им об этом. Попытка установить с ними связь по радио оказалась безуспешной. Следует этой ночью послать туда связных с рацией. Пусть они согласуют сроки предстоящей боевой операции против врага. План операции разработан штабом. Остается продумать некоторые вопросы. В частности, взаимодействие с гарнизоном Малых каменоломен. Подобрали ли группу связных из добровольцев? Командир посмотрел на часы. Было без четверти одиннадцать. Он вызвал начальника штаба Сидорова.

— Группа добровольцев для связи подобрана,— доложил начштаба.— Включили храбрых и толковых ребят. Во главе группы предлагаю назначить политрука Лунина из роты Яркова. С ним пойдут радист Литовченко и радист Кисель. Ребята готовы и ждут ваших указаний.

— Добро,— Ягунов продолжал ходить по комнате, заложив руки за спину.— Пригласите всех троих ко мне.

Связные вошли в командирскую штольню.

— Задание вам известно, я только кое-что уточню.— Ягунов помедлил, взглянув на Лунина, и вспомнил, что видел этого молоденького лейтенанта утром, когда выходил на поверхность.

Поймав на себе взгляд командира, Лунин догадался, что полковник узнал его.

— Подчеркиваю, во-первых, его важность для предстоящей операции,— продолжал Ягунов.— Во-вторых, это касается непосредственно выполнения самого задания... Подробно узнайте, какими силами располагает командование Малых каменоломен, каковы их планы. О своем прибытии туда радируйте условной цифрой. Выясните, почему они не отвечают на наши вызовы по радио. Хорошо налаженная радиосвязь нужна нам для координации всех боевых действий, всей обороны. Времени в вашем распоряжении немного. До наступления рассвета постарайтесь вернуться. О своем возвращении радируйте кодовым сигналом. Это для того, чтобы мы могли заранее встретить вас в условленном месте и прикрыть огнем. Действуйте осмотрительно и расчетливо. Желаю вам успеха и благополучного возвращения.

Начальник рации Ермаков вручил руководителю группы, лейтенанту Лунину, радиоданные. Он спрятал их в сапог под портянку:

— Тут надежнее.

Гриша Кисель, хлопец с румянцем на чистом юношеском лице, смущенно попросил Ермакова:

— В случае чего... Ну, если погибну, сообщите, товарищ старший лейтенант, обо мне после освобождения Украины в село Васильевское Киевского района. Напишите матери, что я честно сражался за Родину и погиб в каменоломнях под Керчью. Больше ни о чем не прошу...

Ермаков по-братски прижал Гришу к себе:

— Счастливо вернуться!

Связисты исчезли в темных коридорах подземелья. Проем в наружной стене осторожно разобрали для выхода. Внутрь каменоломни дохнула теплая степная ночь, полился потоком свежий воздух. Сердца связных учащенно забились. Перед выходом на всякий случай еще раз проверили боевое снаряжение. У каждого автомат, по нескольку дисков с патронами, гранаты, ножи. У Литовченко за плечами рация.

— Все в порядке? — шепотом спрашивает Лунин.

— В порядке...— тихо отзываются Литовченко и Гриша.

Гранаты на поясе Гриши Киселя оттягивают ремень вниз. Он отодвигает их на бок, чтобы не мешали ползти. Поясной ремень затягивает потуже на две дырки. Литовченко поправляет на голове каску, поглубже запихивает запасной автоматный диск в карман брюк.

Снаружи тишина. Не доносится ни звука. Враг ничем не обнаруживает себя, затаился за колючей проволокой в окопах.

— Можно выходить,— слышится шепот наблюдателя. Лица его не видно в темноте, заметен лишь силуэт у стены.

Лунин с автоматом в правой руке ждал этого сигнала. Три шага — и он наружи. За ним Литовченко с рацией. Замыкает группу Гриша Кисель. Короткими перебежками связные направились к Малым каменоломням.

Начальник рации Ермаков всю ночь не смыкал глаз. Шкала радиоприемника светилась желтоватым светом. В наушниках потрескивали атмосферные разряды. У стены напротив, за столом, уставленным радиоаппаратурой, дремал, положив кудрявую голову на руки, радист Марченко. «Пусть поспит,— подумал Ермаков.— Если понадобится — разбужу».

Сигнала пока не было. Он представлял, как и где пробираются связисты сквозь колючие заграждения. Удастся ли всем троим незаметно миновать фашистские охранные посты и пройти в Малые каменоломни?

Два раза от Ягунова приходил посыльный. Справлялся — нет ли известий от посланной группы — и два раза Ермаков в ответ только отрицательно качал головой. «Беспокоится,— догадывался Ермаков.— И когда успевает отдыхать?»

Начальник рации и сам уже волновался за судьбу связных. В голову приходило самое разное. «Может, и в живых-то нет. А может, раненых и истекающих кровью всех троих схватили гитлеровцы...»

Радиоприемник молчал. Ермаков трогал колесико настройки, напряженно вслушивался в шорох и треск эфира. В нужном диапазоне не было слышно никаких сигналов. «Неужели прослушал... Нет, не может быть». И вот в наушниках громко щелкнуло. Донесся отчетливый писк морзянки. Передавали условный знак — две семерки.

— Наши ребята сигналят! — крикнул Ермаков Марченко.— Пробрались все-таки хлопцы! Держи наушники, слушай, а я побегу скорее доложить Ягунову.

В штабе обрадовались долгожданному сигналу. Ягунов довольный ходит по штольне, хвалит радистов:

— Молодцы! Пробрались все-таки... Теперь мы сможем централизовать оборону, наносить совместные удары по врагу.

Время за полночь. Ермаков вернулся в штольню к рации. Сразу спросил радиста Марченко:

— Еще не было никаких сигналов?

— Нет, не было, товарищ старший лейтенант.— Вот только сейчас кто-то вызывает Ягунова прямо микрофоном.

Ермаков сел за приемник, надел наушники и прислушался. Действительно, вызывали полковника Ягунова и спрашивали, как слышно, как в катакомбах с водой и продуктами. Ответ требовали сообщить скорее. «Что за чертовщина? — подумал Ермаков, прислушиваясь.— Неужели запрашивают из Малых каменоломен? Почему тогда открытым текстом?.. С ума, что ли, посходили, черти... Что-то не то».

Марченко побежал доложить об этом вызове в штаб. Вместе с ним пришел командир гарнизона. Спокойно, по-хозяйски спросил:

— Что случилось? Кто вызывает?

— Неизвестно, товарищ полковник. Я вначале подумал свои, да нет — не похоже. По опыту догадываюсь. Подозреваю — не провокация ли это? Подозрительным показался конец передачи. Радист сказал не по-военному «прием», а выразился по-граждански — «перехожу на прием». Передающая рация расположена где-то рядом, недалеко от нас. Я в этом не сомневаюсь. Десятилетняя практика многому научила меня.

— Да, вызов в самом деле подозрительный,— согласился

с доводами начальника рации Ягунов.— Вы правы. Скорее всего это провокация. Ответьте через микрофон своей скороговоркой, чтобы не успели запеленговать место нахождения нашей рации: «Благодарю! Не беспокойтесь, у нас все отлично. Все есть. И вода, и продукты. Ягунов».

Как только снова последовал вызов, Ермаков немного выждал и ответил так, как было приказано. Ответ, вероятно, не понравился, и в наушниках послышалась ругань, отчетливо зазвучали исковерканные русские слова: «Руссиш, сдафайс! Дадим вам много пища, вода. Если не захотите германский плен — тогда станет хуже. Будем заливать вас вода из моря. Всем, как крысам, станет капут».

Начальник рации дал Ягунову наушники.

— Я так и знал, что это враг.

Полковник брезгливо поморщился, взял наушники. Фашисты продолжали выкрикивать в микрофон угрозы. Он не стал тратить времени на выслушивание брани.

— Языки только зря околачивают. Пугают затоплением... Пустое дело. Этим нас не возьмешь.

Ягунов наказал радистам не проследить сигнала возвращения связных из Малых каменоломен и, чуть сутулясь, ушел к себе.

Начальник рации вновь настроился на заданную волну. В эфире, кроме треска разрядов и каких-то шорохов, ничего не слышно. Марченко, чтобы не заснуть у себя за столом, вполголоса напевает: «Ой ты, Га-а-ля, Га-а-а-ля мо-ло-да-а-ая-а! Спидманули Галю, увезли с со-о-бо-ю».

Голос у Марченко приятный, и, когда он поет, лицо у него преображается, приобретает мягкое мечтательное выражение. Ермаков любит слушать, как он поет украинские песни. А Марченко знает их множество. И грустных, и веселых, и задорно-шутливых.

Но что это? Начальник рации предупреждающе махнул радисту рукой. Тот сразу же смолк, оборвал песню на полуслове. В эфире среди шороха и треска отчетливо заработала морзянка. Радист передавал условный сигнал — две тройки. «Почерк Литовченко,— улыбнулся Ермаков.— Значит, группа выполнила задание и возвращается назад в Центральные каменоломни. А до рассвета остается немного времени. Ребятам надо спешить. Иначе заметят немцы. Примерно через час, если ничего не случится, связные будут здесь».

Отделение разведчиков сержанта Михеева залегло с оружием снаружи, у выхода, где ожидали связных. Нагретые солн-

цем за долгий майский день, камни на поверхности еще не успели полностью остыть и хранили остатки благодатного тепла. Здесь, на поверхности, они были теплее холодных камней подземелья, где сырой промозглый воздух обдавал ознобными сквозняками.

Разведчики пристально всматривались в редеющую ночь. Край неба на востоке за Керченским проливом слегка светлел. Вот-вот начнет светать.

Михееву хотелось покурить, но курить было нельзя. Приходилось сглатывать тягучую слюну. У щеки сержанта топорщилась меж камней трава, он чувствовал щекой ее ласковое касание. От желания курить надо было чем-то отвлечься. Он сорвал жесткими заскорузлыми пальцами несколько травинок и пожевал. Во рту загорчило. «Тоже витамин»,— подумал сержант. На память пришло далекое ушедшее время, когда мальчишкой рвал весной на полях молодые побеги сурепки, которые в селе называли дикарками. Они были сочными, напоминали вкус репы и слегка горчили. Этими «дикарками» можно было набить полный живот, но есть с них все равно хотелось.

До войны Михеев работал у себя в селе за Рязанью колхозным кузнецом. И, когда его взяли на фронт, добровольно попросился в разведчики. Может быть, на это желание подействовали рассказы отца про то, как он ходил «брать языка» на германском фронте в первую мировую войну. С войны отец пришел хотя и живой, но весь израненный, с тремя Георгиевскими крестами на гимнастерке.

Травка у лица сержанта заставила его вернуться в мыслях к родному дому, к трудной военной весне в колхозе, настроила на мирный лад. Жена писала из дома, что в селе остались одни бабы да старые и малые, что кузница стоит забитая и работать в ней некому, многих мужиков поубивало на фронте. Последнее письмо из дома Михеев получил перед первомайским праздником и написал в ответ, что он со своей стрелковой дивизией освобождает Крым, и какая по сравнению с их краем здесь ранняя и теплая весна.

То письмо домой, поди, уже дошло, а теперь и не знай когда удастся послать о себе весточку и от своих родных получить. Велика радость на фронте, когда долгожданный треугольник письма попадет тебе в руки.

Разведчик, лежавший чуть впереди Михеева, насторожился, толкнул сержанта сапогом в плечо. Оба прислушались. Показалось, будто звякнуло что-то, железо о камень, или камень о железо. Разглядеть еще ничего было нельзя. Сержант поднял руку над головой и три раза нажал кнопку сигнального фонарика. Зеленый огонек трижды мигнул и погас. Этих коротких

сигналов ждали радисты и в ответ три раза мигнули красным огнем, как и договаривались.

— Свои! — предупредил шепотом Михеев.— Огня не открывать.

Последний бросок — и связные у входа в каменоломню. Все живы. Лейтенант Лунин сразу поспешил в штаб докладывать командованию о выполнении задания. Радисты Литовченко и Гриша Кисель направились в свою штольню. Оба с трофейными автоматами, сняли с убитых гитлеровцев, на поясах фляжки с водой — тоже трофейные. Едва они показались в штольне, Ермаков, Марченко и другие радисты бросились обнимать товарищей, крепко жать руки.

— Садитесь, отдыхайте, потом расскажете все по порядку,— довольно улыбается начальник рации.

Ждать никому не хочется, всем не терпится узнать новости.

— Гриша, ну как твое самочувствие? — Марченко подталкивает парня на середину помещения, поближе к лампочке.— Дай тебя рассмотреть как следует, елки-палки. Мы ждали-ждали, терпение лопнуло. Сидим у приемника як сычи, глазами моргаем. От вас никаких сигналов. Как сквозь землю провалились.

— Сквозь землю и провалились! — смеется Литовченко, сильный плечистый парень, снимая рацию.

— Самочувствие добре! — Гриша усаживается на стул. Правая щека у него в крови, нос ободран.

— Все пройдет, Гриша, до свадьбы заживет,— шутит Марченко.— Зато побачил, як у соседей жизнь идет. В гости наведался. Тебя за храбрость теперь к медали надо представить. А пока давай тебе щеку перевяжу, за сестру милосердия. Где это пособило тебе так физиономию гарно разукрасить...— Марченко достал из санитарной сумки, висевшей на вбитом в стену костыле, бинт, пузырек с йодом, перевязал товарищу рану.

— Побачил, хлопцы, побачил,— Гришины губы растягиваются в широкую улыбку.— Только угощения у наших соседей не дюже богато. А у нас фляжка с горилкой была, по дороге у фрицев разжились. Ну, мы эту горилку, или, может, шнапс, по глотку с теми ребятами из каменоломен выпили. Больше, спрашивают, нэма? Понравилась фрицевская горилка. Времени у нас мало было, но, видно, настроение у хлопцев бодрое, оборону держат крепко.

— А это немец, что ли, тебя угостил? — допытывается Марченко, улыбаясь и показывая на Гришин ободранный нос.

— Да нет, споткнулся о камень,— отшучивается Кисель.

Литовченко снял рацию, освободился от автоматов — своего и немецкого, прислонил их к стене.

— Как было дело? — начал он неторопливо.— Да вначале все шло нормально. Почти на полпути, будь он неладен, наткнулись на фрицевский окоп. В темноте не разглядели. Немцы, конечно, нас не ждали, дремали малость. Раздумывать некогда, кончать надо без звука. Хорошо, их трое оказалось. Один у пулемета заснул над окопчиком, а те двое в окопе дрыхли. Это мы уж потом узнали. Лейтенант немца, который у пулемета дремал, прикладом автомата крепко стукнул. Мы с Гришей в окоп прыгнули. Очухаться тем спящим не дали. Один-то, видать, здоровый оказался, Гришу камнем вдарил, пока с ним возились. Ладно, без большого шума дело обошлось, а то переполох могли, черти, поднять. Тогда бы нам туго пришлось. Забрали мы ихние автоматы, фляжки с водой, од-

на-то со шнапсом оказалась, и подальше от окопа. Затем дальше до Малых каменоломен добрались без особых происшествий.

Начальник рации добродушно ворчит:

— Чего же они, дьяволы, на наши вызовы по рации не отвечают? В молчанку играют!

— Рация у них из строя вышла.— Литовченко присел на корточки у стены, рядом с автоматами, нашарил в кармане помятых солдатских галифе кисет.— Потолок в штольне от взрыва бомбы обвалился, хорошо что рация уцелела, только кое-что повредило. Два дня не могли наладить.— Он аккуратно, стараясь не просыпать ни крошки табаку, свернул толстую, с пулеметный патрон, самокрутку, прикурил от трофейной зажигалки.

Из штаба, перед тем как вернуться в свою роту, к радистам зашел политрук Лунин. По его настроению они сразу заметили, что командование осталось довольно успешным выполнением задания. В руке у политрука ранец — прихватил с собой у немецкого пулеметчика. Он расстегнул ранец, достал оттуда полбуханки хлеба и большой кусок свиного сала.

— Запасливый был фриц, царство ему небесное,— притворно вздохнул Лунин, смешно кося глазами.— Сало-то свежее, у какой-нибудь керченской хозяйки поросенка отобрал и заколол. Дайте-ка, братцы, нож... Свой где-то по дороге потерял.

Марченко вынул из чехла на поясе финку, вытер лезвие об рукав гимнастерки, протянул политруку:

— Держи!

Лунин разложил припасы на дощатом самодельном столе. Вначале аккуратно порезал на всех сало ровными бело-розовыми брусочками. Затем по числу людей в штольне поделил хлеб.

— Ну что, стесняться нечего... Подрубаем малость трофейного харча. Харч на войне — первое дело.

Бойцы не заставили себя ждать.

— Подзаправлюсь — и на боковую,— держа на своей большущей ладони кусок сала, улыбнулся Литовченко.— Устал так, что меня теперь вагой не разбудишь.

— Небось, когда обед принесут, сразу проснешься, будто тебя шилом в бок ткнут,— подтрунил Марченко.— Еду ты за версту нюхом чуешь.

— Поспать до обеда не мешает,— принялся за сало и хлеб Гриша Кисель.— Спящий, как говорится, хлеба не просит.— Он жует осторожно, болит ушибленная во время ночной схватки щека, мешает повязка, которой Марченко неумело окрутил ему лицо.

11

До возвращения связных из Малых каменоломен полковник Ягунов не ложился спать. Только после беседы с Луниным, в пятом часу утра, командир прилег на койку, потеплее укрылся одеялом и шинелью. Сквозь дремоту ему казалось, что наверху, в степи, идет сильный проливной дождь, хотя он знал — услышать шум дождя сквозь толщу камня над головой невозможно. От усталости шумело в голове, мелькали отдельные картины пережитого дня, мешались с другими, бывшими когда-то. Ему виделось: он идет по блестящему, вымытому летним ливнем шоссе вместе с женой. Они молодые, много ждущие от жизни. Дождь застал их в лесу, и они долго пережидали, пока он перестанет, под густой развесистой липой. Над лесом гулко грохотал гром, дождь вокруг то затихал, то сыпал крупными частыми каплями по листьям. Кругом под другими деревьями промочило, и только под липой, где они сидели, оставалось сухо, лишь отдельные брызги доставали до них, обдавая лица свежей дождевой влагой. Все в лесу, казалось, замерло и слушало то утихающий, то нарастающий шум дождя. Под липой, словно в чудесном терему, продолжалась своя жизнь: деловито ползали муравьи, отдыхала большая голубая бабочка, тоже пережидая дождь; в чаше лилового колокольчика, наклонив ее, дремал черно-золотистый шмель. Он потрогал его кончиком травинки, но шмель не захотел покинуть своего убежища и недовольно загудел бархатной нотой. Когда дождь перестал и за лес укатился гром, с листьев еще капало, но с каждой минутой реже и реже. Проглянуло солнце, свежее зазеленел умытый помолодевший лес, и еще сильнее запахло луговое цветущее разнотравье. Вдоль опушки они вышли в поле к мокрой ленте шоссе и пошли навстречу городу, видному вдалеке сквозь нежное голубое испарение над землей. Их обгоняли грузовики, но им не хотелось их останавливать — так хорошо было идти по черному в лужах асфальту, идти и не чувствовать усталости, среди бескрайнего полевого простора.

Дорога пересекла широкую лощину, ряды скошенной травы лежали ровно и густо по всей низине; косцы докашивали мокрый луговой клин у самой дороги, шли, размашисто бросая острые косы впереди себя, изредка останавливаясь поточить их, весело разговаривая между собой. И сколько лада, красоты было в движениях косцов, мужчин и женщин, так задорно звучали их голоса на лугу! Крайний от дороги парень в белой рубахе, широко распахнутой на груди, помахал им рукой и что-то весело сказал; шедшие сбоку косцы засмеялись и тоже, остановившись, замахали руками, приглашая к себе.

— Ты, Паша, умеешь косить? — спросила жена, смущенно улыбаясь.

Он подошел к парню в белой рубахе, взял у него косу и прошел ряд до самого конца, до зарослей ивняка у луговой речки.

— Гораздый косить,— похвалил его парень,— давай пиши заявление, примем в наш колхоз...

Они опять вышли с луга на шоссе, а вслед им еще доносились шутки, смех и звенящее пение кос.

...Неужели снова не увидеть всего этого? Не придется пройтись полевыми дорогами, луговыми просторами под проливным дождем, под жарким летним солнцем? Пережить радость встречи с родными местами, с близкими любимыми людьми...

Полковник лежал с закрытыми глазами, его сознание затуманивалось, он не воспринимал себя внешне, зато видел все хорошо, что всплывало перед внутренним зрением, жило в нем долгие годы, сокрытое где-то и теперь освобожденное и пришедшее в движение. Под ноги мягко ложилась наезженная дорога, и он уходил по ней из своего села, простившись с родными, уходил восемнадцатилетним парнем на заработки в Ташкент. Что его там ждало? Он не знал, но молодость и уверенность в себе говорили ему, что он не пропадет, найдет свое место в жизни. За околицей он оглянулся. Мать все еще одиноко стояла у крайней избы и смотрела ему вслед, вытирая глаза концом платка. А через месяц он писал домой в письме матери, что добровольцем вступил в Красную Армию защищать молодую Советскую власть от контрреволюции.

Может, это, ожившее в памяти, особенно дорого? Дорого невозвратными днями молодости, овеянной Красными знаменами гражданской войны.

...Гремит медь духового военного оркестра. Курсанты Ташкентского пехотного училища, и среди них он, Павел Ягунов, отличник учебы, уходят громить банды басмачей Курбаши Баястана в Туркестанском крае.

Разве тогда легкой ценой досталась победа? Немало друзей полегло от бандитских пуль в безводной пустыне среди жгучих песков под палящим туркестанским солнцем. Пули басмачей свистели из-за желтых раскаленных барханов, жажда стягивала рты, обманчивые миражи текли расплавленным стеклом над желтыми песками. Бандиты казались неуловимыми. Днем они пропадали в барханах, и знойный ветер заметал их следы, а по ночам внезапно нападали на кишлаки чабанов, убивали женщин и детей, резали скот, отравляли воду в колодцах, уводили с собой лошадей. В разграбленных кишлаках басмачи оставляли записки, предупреждали курсантов, чтобы они убра-

лись из пустыни, пока живы, иначе всех их ждет смерть на дне засохших колодцев. Так бандиты Курбаши Баястана расправились с тремя ранеными курсантами, захваченными во время налета. Двум батальонам училища через месяц удалось окружить Курбаши и обезвредить банду.

Но какое отношение это имеет к настоящим событиям? К тому, что вот он сейчас находится в каменоломнях. Среди разрозненных картин пережитого ему хотелось почему-то отыскать такие, которые могли лучше объяснить то, над чем он думал, объяснить ему свою жизнь. Зачем она была дана ему, и как он распорядился ею, чтобы, когда настанет срок, было не страшно умереть. Смерть тоже дает возможность человеку, правда, последнюю возможность, проявить себя — трусом или героем. За ней уже ничего нет и не может быть. Бездонная пустота. И ничего нельзя сделать или изменить, чтобы прожить жизнь по-другому, без ошибок и заблуждений. Кто-то из древних мудрецов сказал, что жизнь — борьба. Борьба за самого себя и с самим собой, со всем, что мешает жить.

И теперь, после того, что он пережил здесь, его с новой силой охватило чувство любви к жизни, той самой любви, которая, он тоже почувствовал это сейчас с особенной остротой, поможет ему превозмочь самые трудные испытания, вынести самые страшные муки и, если это понадобится, пожертвовать и самой жизнью.

В тишине штольни, слабо освещенной электрической лампочкой, он слышал, как ручные часы секунда за секундой отсчитывают время. На снарядном ящике у изголовья кровати в порожней гильзе стоял пучок полынка, и его степной с дымной горчинкой запах напомнил полковнику родное Присурье, холмы, поросшие этим полынком. Лежа с закрытыми глазами, он вдыхал теплый аромат, и прочитанные в далеком детстве строчки из стихотворения Майкова «Емшан» звучали отголоском той счастливой поры:

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает.
И разом степи надо мной
Все обаянье воскрешает...

Летом мать посылала его ломать полынок и вязала из него веники, ими подметала избу. Сколько его росло на холмистом выгоне невдалеке от села! Горячо пекло, ярко светило солнце, безоблачно голубело небо. Пахло полынком, лишь им, а не луговым цветущим разнотравьем, только полынок и рос здесь на песчаном бугре, неприхотливый, выносливый к засухе, к скудости супеси и суглинка, полынок с узенькими, едва заметными

белесо-зелеными листочками на ломких книзу тонких стебельках.

Горстку полынковых веток полковнику в штольню принес и поставил камнерез Данченков. На поверхности Павлик наломал. Когда успел — даже и отец не знал. Ягунов, занятый делами по горло, не обратил внимания на этот «букет». И только теперь, усталый от забот, сосредоточившийся на своих думах, уловил знакомый с детства запах полынка.

Бустылинку за бустылинкой ломает он на холме за селом полынок, выбирая порослее, попушистее, радуясь, если попадались особенно густые, светло-зеленые. Когда наклоняешься за ними, мягкие гибкие верхушки касаются лица, щекочут его, обдают духмяным теплом. Налетит ветер — закачается полынок, всколыхнется, а ветровая волна улетела с холма и гуляет за оврагом по ржаному полю, ширится по его зеленому раздолью. На бугре среди конопляников машет крыльями ветряная мельница; удивительно — какая сила в этом ветре, нипочем ему крутить тяжелые мельничные жернова. Ветер треплет Павлуше волосы, словно играет ими, он — с веткой сломанного полынка, и смотрит, смотрит вокруг. Солнце жжет затылок, жаворонок повис над головой в вышине, желтенькая бабочка села на песок у самых ног.

Белые меловые горы тянутся к Суре. Посмотреть бы, что дальше, за этими горами. Какие села, реки, поля, города? Подняться в воздух и полететь, словно птица, туда, где небо сливается с землей. Почему так манит за черту горизонта, за которой неведомое — леса и горы, моря и океаны?

Наедине со своими мыслями загляделся он вдаль. А когда долго смотришь вдаль, начинает казаться, что летишь.

Ощущение полета особенно усиливается, если лечь на землю лицом вверх и глядеть в небо, в его голубой манящий простор. Ничего не видно, кроме небесной выси, она глубока, широка, беспредельна. Эта беспредельность и создает представление о полете, уносит с собой.

Так уносит человека мечта, и нет ей предела. Мысленно можно перенестись туда, где ни разу не был. На жаркий экватор, на холодный Северный полюс, побывать на Луне, опуститься на дно океана, под его мрачную водяную толщу, в которой плавают глубоководные рыбы, подняться над землей и оглядеть ее всю. Какая она с высоты? Наверное, такая же, как глобус, который стоит в школе. С зелеными материками низменностей, желтыми пустынями, синими морями и белыми льдами...

Здесь, в каменоломнях, под землей, в штольне, в которой когда-то работали каменотесы и которая теперь служила ему комнатой, он, лежа на солдатской жесткой койке, мысленно пе-

реживал радость встречи с родными местами, и этой радости отнять у него не мог никто, потому что над прошлым не властен никто, кроме того, кому оно принадлежит. Можно лишить человека будущего, помешать осуществлению его мечты, но нельзя лишить его прошлого, прошлое можно забыть, но не стереть навсегда. И забытое, оно вдруг пробьется из глубин памяти, словно вода сквозь толщу земли, оживет в ней снова.

Почему он сейчас думает об этом? Разве ему осталось только прошлое, разве лишился он будущего? Впереди борьба, борьба за каждый день жизни, за каждый ее час, за каждую минуту. Борьба учит дорожить каждым мгновением.

Он многое повидал в жизни. Не раз смотрел смерти в лицо. Видел, как умирают другие. У смерти холодные ладони. Объятия жизни горячи.

Жизнь, положи руку мне на плечо. Кому это он говорит? И разве он говорит? Он просто думает, думает о той жизни, которой жил. О своей первой любви. Она бывает у всех, первая любовь. У любви тоже горячие объятия. Пройдем по городу обнявшись. Пройдем, не разнимая рук, полем, весенним лесом, цветущим лугом. Будем рвать цветы. Ты любишь белые ромашки. Сколько их здесь! Луг белый от ромашек. Его не занесло снегом. А за лугом поле. Волнуется под ветром рожь. Цветут синие васильки.

Слышишь, как поют жаворонки. Они радуются жизни. Слушай, как шумит лес. Сядем с тобой на траву, моя любовь, моя жизнь, будем слушать шум леса. Тревожный трепет осин. Веселый лепет лип. Бегучее журкование ручья.

Ветер дует в лицо. Хорошо, когда ветер дует в лицо! Он треплет твои волосы. Они у тебя до плеч, пропахли солнцем и ветром, сосновой смолой. В них запуталась желтая хвоинка. Откуда она? Упала, когда мы проходили под молодыми соснами. Твои волосы темнее сухой хвоинки. У них цвет гречишного меда. С отливом.

Моя первая любовь. И последняя. Нет, я не подвожу итоги. Помнишь наше знакомство? Я стал приходить к тебе в библиотеку. Когда приходил, всегда начинался дождь. Моя любовь, моя жизнь! Это хорошо, когда идет дождь. Дождь — это благо. И солнце, и ветер, и снег, и улыбка, и глоток чистой воды, и ломоть мягкого хлеба — все это благо. Земное благо. Самое обычное. И такое необходимое.

Звезда сверкнула светлой искрой по небосклону. Расцвела в лесу дикая яблоня. Лопнули почки на тополях. Засмеялся ребенок. Свет загорелся в окне. Слеза скатилась из глаз. Замечай все это. Потому что жизнь неповторима.

Улыбнись! У тебя замечательная улыбка. Когда ты думаешь обо мне — я с тобой. Нас ничто не разлучит, потому что ты думаешь обо мне. По ночам, когда ветер с моря, в нашем доме звенит балкон. Я с тобой! На лесной опушке зацвела верба. Я — с тобой. Восходит солнце. Оно восходит и для нас с тобой... Черствый ржаной солдатский сухарь. Капля воды с каменного потолка холодной каменоломни. Для нас с тобой. Для нас с тобой, моя жизнь...

Часто человек начинает ценить то, что утрачено. Утраты тоже ведут к истине. Уроки утрат горьки. Зачем я думаю об этом?.. Затем, чтобы дорожить тем, что осталось. Даже если осталось очень мало.

В тишине штольни ему снова послышался шум, скорее всего это шумела рация в соседнем отсеке за стеной. Теперь этот шум казался похожим на шум леса. О чем ему говорил этот шум? Ветер ли бежал вершинами сосен, раскачивая их. Или трепетали листья осин на вольном осеннем сквознячке. Невозможно проникнуть в тайну бессвязного лепета листьев. То шепчут они беспричинно грустное, печалят светлой печалью, тревожат непонятной тревогой. То лепечут задумчивое, невнятное, не выразимое ни на каком языке.

Знакомая с детства роща разговаривала с ним... Горький осинник. Нет ветра. Откуда тогда этот трепет листвы, этот шепот? Кто разберет, кто поймет его? На кого ропщут осины? На что сетуют? Осень обдает холодком, студит своим дыханием, красит листья желтым и красным. Нет ветра. Есть шелест осин. Край леса. Предвечернее солнце над жнивьем, над светлой опушкой, над всей обозримой близью и далью. Вязанка осиновых сучков, на которой он сидит, отдыхает. Сколько ему пришлось перетаскать таких вязанок из леса. До села идти да идти, налегке кажется, что близко, а с тяжелой ношей и короткая дорога оказывается длинной. Из леса почти никогда не приходилось возвращаться с пустыми руками. С вязанкой травы, хворостом, пучками лык, кошелкой грибов, туеском ягод.

Нет ветра. Но шелестят, лепечут осины на светлой опушке, и слушает их русоволосый мальчик. Раскинулось в лощине родное село, колокольня на взгорке, стелется над огородами осенний дым.

Откуда здесь, под землей, где каменные стены, каменные потолки, где всюду камень — запах полынка? Полковник открыл воспаленные глаза. Ах да, это утром принес Данченков...

Он прижал ладонь ко лбу, чувствуя, как пульсирует у виска упругая жилка. Ознобный сырой холод заползал под одеяло, холод, от которого никуда не деться, которым пропитан воздух подземелья.

От утомления и усталости кружилась голова. Лучше держать глаза закрытыми. И попытаться заснуть. Но сон не приходил. На поверхности над каменоломнями, наверное, взошло солнце. Выкатилось из-за моря и засияло теплым светом. Как не хватает его тепла и света в коридорах, переходах и отсеках, в этих помещениях из камня, где находятся люди.

Мрак... Он сдавливает со всех сторон, сплошной, непроницаемый для глаз. Мрак всегда был символом смерти. Свет — жизни. И здесь, под землей, люди отвоевывали свет у тьмы. Надрывно, из последних сил, стучал движок электростанции, мигали вполнакала лампочки под потолком центрального тоннеля. А дальше, в запутанном лабиринте коридоров, штолен, отсеков — слепая тьма, разъединяющая людей друг от друга. Тьма — тоже враг, враг, с которым надо бороться.

Сколько их, этих врагов? — мысленно задал самому себе вопрос полковник. И мысленно ответил. Мрак, холод, голод, жажда, болезни... Какой смысл считать? Разве от этого их станет меньше? Главное — не проявлять слабость духа.

Отрезанному от своих ему приходилось бывать и прежде. Впервые в годы своей красноармейской молодости. Тогда курсанты попали в окружение к банде басмачей в безлюдном кишлаке. Измученная погоней за бандитами, рота расположилась на ночлег в развалинах глинобитных построек.

Курсантов мучила жажда. В заброшенном колодце, когда его очистили от песка и камней, не нашлось ни капли воды. Пустые фляжки так и остались пустыми.

Курсант Ягунов привалился к саманной стенке. Старался не думать о питье. Усталые натруженные ноги ныли, но он не стал разуваться. С рассветом надо было выступать. В ранце нащупал оставшийся сухарь и принялся грызть. На зубах захрустел песок. Всюду этот проклятый, колючий, как железные опилки, песок. Мелкий, словно пыль, режущий глаза, липнущий к телу, трущий ноги. Раскаленный песок пустыни. Засыпающий города, реки, сады, плодородные поля и долины.

Саманная стена, нагретая за день солнцем, была теплой, и спиной он чувствовал эту теплоту. Высоко в темном небе ярко горела звезда, и ее свет, идущий издалека, говорил о вечности, о том, что над этой пустыней прошли тысячи лет, сменились человеческие цивилизации, песок заносил разоренные кочевниками цветущие города, меняли русла и мелели реки, рушились царства и возникали новые. И пройдут еще многие годы, а звезда все так же будет посылать на землю свой свет, который будет идти еще много-много времени, даже если уже не станет и самой звезды, и также волновать разум, пробуждать в нем высокие устремления.

Эта или другая звезда смотрела сквозь прореху в соломенной крыше сарая в родном Чеберчине, когда он в теплые летние ночи спал на сеновале. Перекрыть крышу не хватало соломы, осенью дыры забрасывали полынью, которую мать серпом нажинала по межам, сухой картофельной ботвой с огорода, ухетывали двор к зиме от снега чем могли, а весной крыша, на которой всегда копошились, грелись на солнышке куры, оголялась с конька, и сквозь нее, как говорила мать, видать вольный свет.

Вот этот вольный свет и видел он сквозь дырявую крышу, видел лучистую звезду, ее переливчатый волнующий блеск. О чем только ни мечталось в те детские годы! О самом насущном, что заботило семью, о самом простом достатке, которого не было в их дому, как и во многих домах односельчан, и том, что ждет его, деревенского мальчишку, когда он вырастет большим...

Звезда манила обещанием счастья, для которого рожден человек, только это счастье дается ему нелегко. И в чем заключается счастье? Он стремился постигнуть сокровенный смысл его, ответить самому себе на вопрос, а ответить на него оказалось совсем не просто в мальчишеские годы и, кажется, не просто и взрослому, умудренному опытом человеку.

А, может быть, умудренному опытом человеку ответить еще сложнее, еще не проще? Может быть, и было счастьем тогда мечтать на сеновале в теплую тихую летнюю ночь, слышать в дальнем конце улицы веселый наигрыш гармошки, девичий смех, девичьи припевки, ночной крик перепелки с поля, лепет листьев ветвистой ветлы над крышей в предрассветную рань, шепелявый шорох дождя в соломе, видеть сквозь обветренную крышу звездный мерцающий свет, трепетную игру зарниц в пору налива хлебов, материнское лицо, склоненное близко. Мать всегда приходила будить после стада, с восходом солнышка.

В звездные ясные ночи ему нравилось наблюдать за метеоритами, светлые росчерки нет-нет и мелькали в дырах обветшалой повети и гасли. Про метеорные дожди он читал в учебнике, и ему хотелось заметить, не упадет ли небесный камень где-нибудь рядом с домом, за двором, в огороде. Тогда его можно было бы найти и посмотреть, что он из себя представляет. Пожалуй, такая находка сделала бы его счастливым. Есть ведь люди, которые находили метеориты. Возможно, найдет и он.

Сама мысль о такой редкой находке волновала его, думать об этом — значило надеяться на непременное счастье.

Как мало ему было нужно, чтобы сделаться счастливым. Или, возможно, как много. Что он стал бы делать, если бы нашел частичку далекого звездного мира? Любоваться ею? Или

его влекла заключенная в ней тайна, загадка происхождения Вселенной, о которой говорил его любимый учитель Алексей Степанович Пластов?

Он любил слушать рассказы Алексея Степановича о бесконечных звездных Галактиках. И эти рассказы волновали воображение, ему хотелось знать о звездах все больше и больше. Поэтому так хотелось найти упавшую с неба звезду, подержать ее в руках, увидеть, что представляет из себя космический посланец.

За селом, на песчаном бугре, куда он ходил ломать полынок для веников, ему попался странный шар величиной с мячик. Шар этот был из песка. Кто его скатал? И не просто скатал, но, казалось, обжег в огне. Может, это и есть метеорит? А если и не метеорит, то все равно находка представлялась загадочной, и эта загадочность требовала объяснения.

В тот же день он побывал у Алексея Степановича. Находка заинтересовала учителя. И хотя, по его словам, она была не небесного происхождения, в ее образовании принимал участие ледник в далекую геологическую эпоху. Громадный ледник двигался по земле с севера на юг, сглаживал горы, оставляя за собой огромные гранитные валуны, глубокие долины, заполненные льдом. Под ледовым панцирем погибали животные, растения.

Домой Павлуша вернулся с книгой, он хорошо запомнил ее название — «История земли». Она была в толстом переплете и с множеством иллюстраций в тексте. Это был подарок Алексея Степановича своему любознательному ученику. Уезжая из Чеберчина в Ташкент, он не взял книгу с собой, оставил ее дома и теперь не знал, уцелела ли она. Жалко, если пропала, потерять хорошую книгу — все равно, что лишиться старого друга.

Непроглядная ночь окружала затерянный в пустыне кишлак, усталых, измотанных переходами по песчаным барханам курсантов, не знавших о том, что они окружены бандой басмачей. Бандиты рассчитывали на внезапность и скорую расправу. Перед рассветом, вознеся молитву аллаху, в которой просили даровать им победу над «красными собаками», они поползли к кишлаку тремя группами.

По замыслу главаря басмаческого отряда Джаггара — преданного друга самого Курбаши Баястана — для расправы с курсантами настал подходящий момент. Джаггар рассчитывал на то, что рота оторвалась от своего батальона и этим обрекла себя на гибель. Здесь, в кишлаке, помощи ждать было неоткуда. Основные силы курсантов находились почти на расстоянии дневного перехода по сыпучим пескам безводной пустыни.

Джаггар считал, что хитрость удалась. Басмачи его шайки, отпетые головорезы, заманили в конце дня своих преследователей к безлюдному кишлаку. Знали — возвращаться к своим курсантам помешает ночь и усталость заставит их расположиться на отдых в заброшенных туркменами-пастухами глинобитных развалинах.

Джаггар хорошо знал здешние пески. Ему ли было не знать их. В этой пустыне, среди сыпучих барханов, он был хозяином, он и его надежный друг Курбаши — знатный бай и ярый ненавистник Советской власти, той самой власти, которая передала землю беднякам.

Подобно стае шакалов рыскали по аулам и кишлакам басмаческие банды.

Джаггар предвкушал победу над курсантами, по его мнению, они угодили в ловушку, которую он поставил. Так попадает в хитро поставленные силки орел, обманутый ловчим. Напрасно бьет он крылами, стремясь вырваться из опутавшей его сети.

Бандиты получили приказ Джаггара не пускать в ход огнестрельного оружия, пользоваться только кинжалами, чтобы не наделать лишнего шума. Кинжалами его люди пользоваться могли. Этому их не надо было учить, резать и убивать было их профессией.

Во главе басмаческих групп, которые по приказу должны были расправиться с красноармейцами, находились надежные помощники Джаггара. Сам он остался в укрытии за барханом. Выносливый ахалтекинец нетерпеливо перебирал под ним ногами, готовый повиноваться воле своего хозяина — скакать под седлом, ложиться под пулями на песок, делать все то, чему был обучен.

Ни звука не доносилось из кишлака, и это успокаивало главаря. Значит, «красные собаки» спят как убитые. Будет чем поживиться стервятникам, будет им добыча, выклюют они невидящие глаза пришельцев, а песок заметет следы расправы, как заметает все, что происходит в пустыне под палящим солнцем, потому что песок пустыни вечен, а жизнь человеческая коротка и быстротечна и уходит, как вода через раскаленный бархан, и ей, словно песчинке, нет цены.

Винтовочный выстрел нарушил предрассветную тишь. За ним другой, третий. Четко застучал короткими очередями пулемет.

— Собаки,— выругался Джаггар, заскрипел зубами, приподнявшись в стременах.— Не смогли... Переполошили советчиков. Ля ильляха иль алла![1] — И, пришпорив ахалтекинца,

[1] С нами аллах! *(туркм.)*.

направил его вверх по склону бархана. Конь быстро вынес на вершину. Джаггар осадил скакуна. Еще не рассвело, но в начавшей редеть темноте со стороны кишлака рассыпались бегущие назад, к бархану, люди. Его люди!

— Собаки!..— еще раз зло выругался Джаггар.— Презренные трусливые собаки...

Он рванул за повод и пустил ахалтекинца им навстречу. Ему удалось повернуть басмачей, но замысел на скорую расправу с курсантами в окруженном кишлаке, который, казалось, был так близок к осуществлению, так и остался замыслом.

* * *

Курсант Ягунов заступил в караул после полуночи. Выспаться как следует не удалось и, лежа в отрытом в песке окопчике метрах в ста от кишлака, он думал о том, что спать больше не придется, с утра роте предстоял новый бросок по сыпучим пескам, поиск ускользнувшей басмаческой банды.

«Долго ли еще гоняться за басмачами — хотелось бы знать? — спрашивал себя Ягунов.— Скорее бы выловить всех до последнего и вернуться к занятиям в училище. Возможно, летом дадут отпуск, и тогда можно будет съездить на побывку на родину, в Чеберчино, повидать мать, родственников...»

Раздумья курсанта прервал звук, будто кто-то звякнул пустым котелком о камень. Звук этот был слабым и донесся из темноты, со стороны невидного в ночи бархана. Что бы это могло значить? Из соседнего окопчика, где был установлен пулемет, к Ягунову подполз курсант Свойкин.

— Скорпионы всегда выползают на добычу ночью,— прошептал Ягунов.— Слышал?

— Слышал,— кивнул товарищ.— Надо смотреть в оба и предупредить своих. Я останусь у пулемета, а ты предупреди командира.

Басмачи приближались. Ползком, перебежками. С кинжалами наготове.

У стен кишлака, куда отошли караульные, бандитов встретили огнем из винтовок и пулемета. Не рассчитывали головорезы Джаггара на такую встречу. Лезть на рожон под пулеметный огонь не входило в их планы. Смерть от красноармейской пули — не милость аллаха. Всемогущ аллах, и у него есть другие милости для правоверных. Те милости, которые достаются в виде легкой добычи при грабеже и разорении аулов и кишлаков, когда дело имеешь с беззащитными людьми. Открытые стычки с вооруженными красноармейцами не сулят ничего доброго.

Джаггар — главарь отряда басмачей — надеялся вырезать роту курсантов и этим поправить свою репутацию у самого Курбаши Баястана. Курбаши за последнее время был им недоволен. В разбойничьих действиях не замечалось былого размаха.

Удача изменила Джаггару. Аллах отвернулся от него. Или он, Джаггар, недостаточно возносит ему молитвы. Всуе произносит его имя, совершая утренний и вечерний намаз. Разве аллах не услышал его клятвы истинного мусульманина совершить паломничество в Мекку и поклониться гробнице пророка Магомета и священному черному камню Кааба?

Басмачи, повернутые Джаггаром, вжимались в песок, ползли к кишлаку. Развалины стен виднелись в рассветной рани. Первоначальная стрельба стихла, и курсанты поджидали. Полосатые бешметы бандитов пластались в сыпучем бархане.

Командир роты отдал приказ: стрелять прицельно, беречь патроны. Обстановка складывалась не в пользу курсантов... Тридцать винтовок и один пулемет. Десять винтовочных патронов на каждого. Басмачей не менее ста. Если не больше. Курсантов тридать. Подоспеет ли на помощь батальон? Удастся ли продержаться до его прихода. Нет воды. Кого послать к своим за помощью? Выбор командира пал на Ягунова. Коммунист. Отличник учебы. Смелый, выносливый. Хорошо ориентируется на местности. Меткий стрелок.

Ягунов выслушал приказ. Привычно бросил ладонь к козырьку, разжал сухие в трещинах губы:

— Задание понял. Постараюсь выполнить.

Комроты пожал курсанту жесткую руку:

— Спеши, Павел. Еще не совсем рассвело. Сумей не попасться на глаза басмачам.

От кишлака Ягунов пополз по вчерашним следам, оставленным ротой. Ночь была без ветра, и следы хорошо сохранились на песке, ямки от курсантских сапог. В том числе и от его сапог. Ползти было трудно, песок набивался за голенищи, в рукава гимнастерки. Ему показалось, что он отполз далеко. Привстал, оглянулся назад — сухо прогремел выстрел. Пуля свистнула возле уха.

Все-таки заметили... Стреляли слева, от бархана. Вжался в песок, прижал приклад трехлинейки к плечу. Пристальным взглядом нащупал на склоне бархана черную папаху басмача и, поймав ее в разрез прицела, нажал на спуск, ощутил привычный толчок отдачи. Выстрел, казалось, прогремел позже. Безошибочный меткий выстрел. Как на стрельбище, где Ягунов выбивал сто очков из ста. «Я не имею права ошибаться,— подумал, перезаряжая винтовку.— У меня осталось девять пат-

ронов. Для девяти басмачей. Вернее, для восьми. В безвыходном случае девятый надо приберечь для себя. Чтобы не достаться врагу живым. Мертвым — другое дело. Но живым он не дастся в руки бандитам.

От кишлака доносились нечастые выстрелы. Там курсанты тоже берегли патроны. Он пополз дальше по оставленным в песке следам. Солнце еще не взошло, и остывший за ночь песок холодил и казался влажным. Хотелось пить. Несколько глотков воды могли прибавить сил. Но где их было взять. Оставалось терпеть, сглатывать вязкую слюну. И не думать о воде. Когда не думаешь о воде, жажда переносится легче. Надо думать о том, чтобы скорее добраться до своих. Возможно, батальон уже совершает марш-бросок вслед за ушедшей вперед ротой. Навстречу ему. Продержатся ли товарищи до тех пор, пока подоспеет помощь. И каковы силы у басмачей.

Из-за покатых вершин барханов на востоке выкатилось солнце. Яркий огненный шар. Залитая светом пустыня раздвинулась, зажелтела, небо над головой из белесого стало васильковым. С двугорбого бархана снялся орел и, плавно махая крылами, стал набирать высоту. Он летал кругами, поднимаясь все выше, и с высоты ему, наверное, был виден затерянный в песках кишлак, где шла перестрелка с басмачами.

Какую добычу он высматривал, купаясь в утренней синеве высокого неба? Неужели следит за человеком, ждет своего часа? «Не дождешься»,— сказал Ягунов, голос прозвучал хрипло; он откашлялся, хотел сплюнуть, но слюны во рту не было. Орел, казалось, парил над ним, не отлетал в сторону, а лишь слегка двигал крыльями, оставаясь на одном месте, и все уменьшался и уменьшался, пока не превратился в черную точку, едва различимую в небесной сини.

Ползти теперь не имело смысла. Кишлак остался вдалеке за барханом. Не увязалась ли вслед погоня? Мысль о погоне беспокоила, хотя и хотелось думать, что его не преследуют, что с тем басмачом, чья пуля просвистела у виска, сведены счеты, и вражеская промашка дала шанс остаться живым, а не лежать в песке навсегда. Все могло быть наоборот, и тогда... Он привстал, держа винтовку наизготовку, оглянулся по сторонам — никого не было видно — и торопливо зашагал по вчерашним следам.

Солнце не успело нагреть воздух, идти было легче, чем ползти, и, пока держалась утренняя прохлада, следовало спешить, чтобы до наступления жары уйти дальше. Идти в полдневный зной намного тяжелее, и невыносимая жажда лишит последних сил. Сейчас ему удавалось подавлять в себе желание пить, не думать о воде. Но что станет дальше, когда солнце

начнет обжигать лицо, а раскаленный песок ноги будут чувствовать даже через сапоги. Об этом тоже не хотелось думать, потому что думать об этом значило расслаблять свою волю, которая была сжата, словно боевая пружина в его винтовке, и подчиняла его действия одному — выполнению приказа командира. Он не мог не выполнить приказа, и сознание этого, сознание ответственности за спасение товарищей придавало ему сил шагать под палящим солнцем.

Орла уже не стало видно в небе, он пропал в вышине, а над крутыми вершинами желтых барханов заструился нагретый воздух, казалось, что это течет светлая прозрачная вода, что вот он дойдет до горизонта и окажется у волнистой прохладной струящейся реки, снимет фуражку, гимнастерку, белесую и жесткую от соли, и бросится в ее прохладные струи, остудит разгоряченное усталое тело, напьется живительной освежающей влаги.

Время от времени он оглядывался, и позади, над песками, там, где они сливались с небом, также струилось горячее марево. Что-то заставляло его оглядываться. И вот вдалеке из струй нагретого воздуха будто выплыл черный силуэт конника, а за ним другой...

Солнце слепило глаза, он щурил их, всматриваясь все пристальнее. Может, конники — обман зрения, мираж? А если нет? Если басмачи... Тревожное предчувствие шевельнулось в нем. Всадники приближались, первый стал виден совсем отчетливо. Черная лохматая папаха, полосатый халат, дуло винтовки за плечом хорошо различались в бинокль.

Уходить было бессмысленно. Врага надо встретить лицом к лицу. Восемь патронов на двоих. Девятый сберечь для себя. Пока конники приближались и оказались на расстоянии выстрела, он успел отрыть неглубокий окопчик и залег в нем, держа на прицеле едущего впереди. Басмачи, очевидно, заметили его еще издали и приближались по следам. Но в окопчике он не был заметен им, и в этом было его преимущество. Пусть думают, что он скрылся впереди, за большим барханом. И подпустят себя на безошибочный выстрел.

Сухой песок сыпался в окопчик, вернее, в откопанное им углубление. Надо было выждать момент, когда басмачи покажутся из-за бархана на его вершине. На какое-то время они не стали ему видны. А когда всадники показались с винтовками наизготовку, всего несколько секунд потребовалось поймать первого в прорезь прицела и нажать на спуск. Выстрел оказался неудачным, верховой пришпорил коня и пустил его наметом в сторону окопчика. Второй конник с ходу три раза выстрелил из винтвки. Пули чиркнули по песку совсем рядом.

Стрелявший басмач повернул коня по склону бархана. Медлить — значит рисковать. Но с очередным выстрелом Ягунов медлил. Промах лишил его одного патрона. Уменьшил его шансы. Оставалось восемь патронов. Вместе с тем, предназначенным на крайний случай. Надо было ловить момент.

И когда басмач, скакавший на него, привстал в стременах для выстрела, момент этот настал. В прорези прицела мелькнуло и пропало искаженное злобой лицо с короткой бородой. Конь чернобородого продолжал стлаться в намете, а наездник, выронив винтовку, сползал вбок с седла, заваливался все больше, с его головы слетела и упала на песок лохматая шапка.

Выброшенная затвором из патронника гильза дымилась на песчаном отвале окопчика. И снова взгляд ловил на мушку конного басмача, того, заходившего сбоку по склону песчаного холма. Чего он хотел? Отвлечь на себя внимание, чтобы дать возможность своему напарнику приблизиться и верным выстрелом закончить погоню. Чернобородый не успел сделать этот выстрел, и мчащийся разгоряченный конь волочил по песку смертельно раненого хозяина.

Теперь он не представлял опасности, и досада Ягунова на себя за прежний промах, та досада, которая подхлестнула его и помогла сосредоточиться, пропала, сменилась уверенностью в себе, спокойной уверенностью, не дающей растеряться в бою и подавить в себе страх. Страх одиночки, застигнутого вооруженными конниками в пустыне, где негде укрыться, где нет ни деревца, ни овражка. И неоткуда ждать помощи.

Из двух басмачей остался один и держался на безопасном расстоянии, недосягаемом для винтовочного выстрела. Понял, что имеет дело с метким стрелком, под чьи пули лучше не попадать. Ягунов следил за ним в прорезь прицела, но не стрелял, берег патроны.

На голове басмача белела чалма и казалась насаженной на черное острие мушки. Так и хотелось нажать на спусковой крючок. Нет, следовало воздержаться, ждать, когда враг пойдет на сближение.

Несколько раз верховой останавливал коня и, вскидывая карабин к плечу, стрелял. Выстрелы доносились до слуха, как резкие хлопки кнута.

Солнце стояло высоко, в самом зените, и горячим был не только песок, но и сам воздух, дышать им стало трудно, как в раскаленной сухой бане. К горлу подкатывала тошнота.

Время шло, и беспокойство за товарищей в окруженном кишлаке подхлестнуло Ягунова к действию. Осторожно, боясь спугнуть, он стал подползать к коню, который не добежал до окопчика и, свернув в сторону, остановился. Нога убитого под-

вернулась в стремени, а голова и руки касались песка. Возможно, у него осталась фляжка с водой, а в подсумках патроны.

Конь, рыжий жеребец, стоял неподалеку, метрах в тридцати от окопа и, повернув голову, косил глазом на убитого хозяина. Заметив ползущего к нему человека, он всхрапнул, заволновался, переступил задней ногой брошенный повод и стреножил себя. Этим и воспользовался Ягунов. Ему, сельскому парню, было не занимать умения обращаться с лошадьми. Ездить верхом он научился с тех пор, как стал помнить самого себя. Не раз падал с необученных трехлеток, и среди сверстников-односельчан быстрее его никто не мог поймать и вскочить верхом на коня.

Он успел схватить запутавшегося жеребца за уздечку, нащупал у пояса убитого фляжку, подсумок с патронами. Басмач в белой чалме, пустив скакуна во весь опор, приближался. Ягунов не мог стрелять по нему, мешал повод, за который держал жеребца. Освободить из стремени ногу убитого не оставалось времени. Прыжком бросил себя в седло, сорвал винтовку из-за плеча. На этот раз басмач упередил его выстрел. Пуля попала в левое плечо. Почти не целясь, выстрелил по белой чалме один раз, второй. Теперь у него были патроны, вражеские патроны, два полных подсумка.

На всем скаку басмач повернул назад, уходя из-под выстрелов.

«Промазал, жаль»,— гримаса боли исказила Ягунову лицо, он не удержался и еще несколько раз выстрелил в сторону удалявшегося верхового. Плечо, задетое пулей, болело, рукав гимнастерки пропитался кровью. В нагрудном кармане нащупал перевязочный пакет, забинтовал рану. Рука поднималась, и ею можно было владеть. Убедившись в этом, освободил ногу убитого из стремени, повернул коня вслед за басмачом. Он уходил от него, не жалея своего скакуна, и скрылся за вершиной дальнего бархана.

Опасность миновала. Из перестрелки с бандитами ему удалось выйти победителем. И теперь у него был конь, отбитый у врага, запас патронов, фляжка с водой. Рука потянулась к фляжке. Несколько глотков. Только несколько глотков. Истресканные сухие губы стали будто чужими, почти бесчувственными. Почти сутки во рту не было ни капли. Казалось, что уже никогда больше не удастся напиться воды досыта. Полфляжки выпил не отрываясь, забыв, что хотел сделать несколько глотков. Отнял горлышко от губ, завернул крышку.

Перестрелка с басмачами отняла у него не менее часа. Надо спешить, надо наверстать час. С лошадью ему повезло. Не придется шагать по сыпучему песку, выбиваясь из последних

сил. Послушный поводьям, жеребец понес его быстрой иноходью. При спуске в глинистый такыр Ягунов осадил коня, привстал в стременах, поднял бинокль к глазам. Через такыр, пыля, шли курсанты его батальона, за плечами взблескивали остриями винтовочные штыки. Он опустил бинокль. Жеребец взял с места вскачь, будто почувствовал нетерпение всадника скорее встретить своих. Из-под копыт брызгами разлетелся песок.

В обратный путь Ягунов повел передовой отряд курсантов выручать товарищей, попавших в окружение басмачей. Отряд подоспел вовремя. Окруженные отстреливались последними патронами.

Вечером по батальону зачитали приказ, в котором курсанту Ягунову была объявлена благодарность.

* * *

Он очнулся от дремотного забытья. Светилась лампочка над столом, из-за закрытой двери в штаб доносились голоса, стук пишущей машинки. Часы на руке показывали ровно шесть. В это время Ягунов всегда привык вставать и никогда не изменял этой давней привычке. Он убрал койку, аккуратно и ровно заправил края байкового армейского одеяла, проделал утреннюю гимнастику, побрился. Вода в жестяном умывальнике была холодной, как лед. Экономно, стараясь не пролить из ладоней ни капли, сполоснул лицо и сразу почувствовал себя бодрее. Из штаба по-прежнему слышались голоса, охрипший басок Сидорова недовольно выговаривал:

— У тебя своя голова на плечах есть. Думать самому надо, а не ждать у моря погоды. С меня командир спросит, что я ему скажу? То-то и оно-то, что ничего. Так и договоримся: к вечеру все подготовить, чтобы телефонная связь со всеми батальонами была нормальной. Об исполнении доложите.

Ягунов расправил под ремнем гимнастерку, надел шинель. Стало ясно: начштаба разговаривает с начальником связи гарнизона. Отчитывает с утра пораньше. Молодой, а толковый офицер Сидоров. Обстановку схватывает на лету. Ясное, оперативное мышление.

Стук на машинке прекратился.

— Сводка готова, товарищ старший лейтенант.

— Давайте сюда,— опять донесся басок Сидорова.— Посмотрим, что нового на фронтах...

Ягунов открыл дверь и вышел в штаб.

Начался новый день обороны.

12

Политрук Лунин отсыпался после возвращения из Малых каменоломен. Его разбудил друг, командир роты Ярков.

— Вставай!— тормошил его Ярков.— Время — вечер...

Лунин поднялся с разостланной на каменном полу плащ-палатки, сидя привалился к стене, протер глаза. В штольне стоял полумрак, небольшой костер горел посредине, красноватые блики трепетали по стенам.

— Тут, брат, такие новости.— Ярков сел рядом на плащ-палатку.— Сегодня ночью всей ротой идем в бой.

— Перед боем никогда не мешает хорошо выспаться,— потянулся Лунин.— Про эту новость я догадывался с утра. Только о своей догадке помалкивал. Утром вернулся из штаба — смотрю: тебя нет. Устал чертовски. Лег и сразу уснул.

— Я хотел тебя еще в обед разбудить, да ладно, думаю, пускай спит. Хлеб и кашу я на твою долю оставил. Порубай, а там, глядишь, и до ужина недалеко.— Ярков достал из ниши в стене котелок.— Остыла каша, подогреть надо.

Друзья подсели поближе к костру, и, пока каша подогревалась и Лунин ел ее, Ярков сообщил ему еще одну новость, касающуюся Лунина лично.

— Иду я, Коля, нынче с нашего энпэ по центральному тоннелю... И представляешь, кого встретил? — Ярков заговорщически улыбнулся.— Нет, ты даже не представляешь...

— Ну кого же? Говори не тяни. Заладил: представляешь — не представляешь.

— Подумай, может, сам догадаешься. Может, сердце что подскажет...

Лунин поскреб ложкой по дну котелка, собирая остатки подгорелой каши.

— Ты мне загадки не загадывай.

— Ладно, так и быть,— махнул рукой Ярков.— Боюсь, у тебя от нетерпения аппетит пропадет. Давай ешь спокойно и слушай.— Иду я к тебе в штольню, а навстречу Шура...

— Шуренок! — чуть не подскочил от радости Лунин.— Как здесь оказалась? Давно? Где она сейчас...

— Так и знал — аппетит у тебя пропадет. Не волнуйся, сообщу все по порядку. Она, между прочим, сразу про тебя спросила. Говорю, не беспокойся, жив-здоров, ночью ходил на задание, вернулся невредимый и сейчас спит. Я ее проводил по коридору до штольни. Приглашала нас приходить, теперь знаю, где она приютилась. Народу у них в штольне — битком! Когда бои вокруг Аджимушкая начались, многие, говорит, из поселка попрятались в каменоломни. Так она здесь и оказалась.

— Значит, Шуренок тут! — раза три повторил Лунин.— Пойдем, я хоть погляжу на нее...

— Поглядишь, поглядишь,— радовался радости друга Ярков.— Нисколько не изменилась, все такая же красивая. Давай побрейся, а то зарос бородой, как партизан, и сходим к ней в гости. Только ненадолго, а то мне опять на энпэ идти надо.

Шуренок, Шура Клинкова, дочь хозяйки, у которой друзья жили на квартире до наступления немцев на Керченский полуостров полмесяца назад, работала медицинской сестрой в городской поликлинике. Во время наступления немцев часть, где оба служили, перебросили из поселка Аджимушкай за Керчь, и после двухнедельных оборонительных боев судьба снова свела друзей с Шурой, под землей. Ярков замечал раньше, что Николай и Шура тянутся друг к другу и теперь был искренне рад за своего товарища.

Лунин побрился на скорую руку безопасной бритвой. Бритва с запасными лезвиями оказалась в ранце убитого немецкого пулеметчика и пригодилась как раз кстати. Во всей роте имелась только одна трофейная бритва из золингеновской стали, и брились ею по очереди.

Друзья вышли из штольни, прошли узкой галереей в центральный широкий тоннель. По этому тоннелю камень вывозили на поверхность в вагонетках по рельсам, под его сводами свободно проезжали грузовики. Сейчас в тоннеле стало тесно от многолюдства и приходилось пробираться с осторожностью, чтобы не наступить кому-нибудь на руку или ногу.

В конце тоннеля Ярков свернул в боковой коридор. В отдалении горел костер, и, придерживаясь руками за стены, они пошли на его свет. В этом коридоре было свободнее, но зато темно, и огонь костра в темноте, когда его загораживали, почти совсем пропадал. В том месте, где горел костер, коридор закончился тупиком. У огня сидели кто на ящиках, кто на обломках досок — женщины и старик с длинной до пояса бородой. Старик что-то выстругивал из доски изогнутым садовым ножом.

Лунин узнал среди женщин Шуру. Она сидела вполоборота к огню, подперев рукой подбородок, и смотрел перед собой.

— Шуренок! — вырвалось у Лунина.

Она встрепенулась, повернула голову на голос из темноты и порывисто бросилась навстречу, еще не видя его самого, устремилась наугад туда, откуда он позвал ее. В этом порыве была и нечаянная радость, и вся невысказанность того сокровенного, в чем она еще боялась признаться себе самой и что жило в ней и требовало своего исхода.

Костер, у которого они сидели теперь на перевернутом снарядном ящике, горел ярче. Шуренок держала руки Николая в своих ладошках и не выпускала их, словно боялась, что вот он сейчас встанет и внезапно пропадет в темноте, так же, как внезапно появился. Лицо ее разрумянилось и от волнения, и от жара костра. Она сбросила с головы платок. Длинные золотистые волосы тяжелой волной упали ей на плечи.

— Вы поговорите,— извинился Ярков,— а мне пора идти.

Он поправил за спиной автомат и скрылся в непроглядной тьме каменного коридора. Ему еще надо было зайти в штаб батальона, доложить о готовности роты к ночной атаке, окончательно согласовать порядок взаимодействия с другими ротами, побывать на своем наблюдательном пункте. Ярков вышел в центральный тоннель. Штаб батальона располагался в штольне северного сектора обороны, и он направился туда. У поворота в низкую галерею, которую надо было обязательно миновать по дороге в штаб, он остановился покурить возле группы бойцов, коротавших время у костра. Плечистый моряк в одной тельняшке колол толстенную плаху топором и подкладывал щепки в огонь.

— Не найдется закурить? — спросил Ярков похожего на цыгана усатого красноармейца.

Усатый достал из кисета щепоть махорки, высыпал лейтенанту в ладонь, продолжая что-то рассказывать бойцам с нарочито-серьезным лицом. Ярков, свертывая самокрутку, прислушался к рассказу.

— В детстве сметану я, братцы, до страсти любил,— продолжал усатый.— А корова у нас осенью перед самыми колхозами сдохла, озимей на поле объелась. Без молока, понятное дело, плохо. В шабрах у нас Кармазиха жила, жадная и вредная баба, спасу нет. Все, бывало, матери на меня жаловалась. То лук я у нее будто дергаю, то морковь. Может, у нее кто и дергал, только я знать ничего не знал, ни телом, ни духом. Она, знай, на меня грешит. «Твой, говорит, Авдотья, больше некому».— «Да ты видала, что ли?» — мать спрашивает.— «Раза два, отвечает, видала, да поймать не поймала. В синей рубашке — твой, кроме кто же будет. Он, дьяволенок, прыткий, разве я пымаю».

Мать мне раза два порку задавала, ни за что ни про что. Я себе думаю: чем ни за что терпеть, лучше уж за дело. Ладно, чем бы этой Кармазихе отомстить?.. Погреб ее на задах, за двором. Бывало, подоит корову, молоко в горшках в погреб снесет. Сметану она сымала и в город на базар продавать носила. А нам по соседскому делу хоть бы раз когда к празднику молока принесла. Другие носили, а она — нет. Дождешься.

Одним словом, смекнул я насчет кармазихиной сметаны. Радуюсь. И ей наврежу, и удовольствие свое справлю. Подследил, когда она вечером корову подоила и горшки в погреб спустила. Я, как кот, наблюдаю. Смерклось совсем. У Кармазихи огня нет, думаю: спать легла. Прокрался огородом к погребу, вертушок с двери отвернул — и к творилу. А творило тяжеленное, дубовое — еле приподнял. Открыл его, вниз по лесенке спустился. Темно, вроде как в нашей катакомбе. И холод такой же. Я горшки нащупал, которые теплые — трогать не стал. Три холодных нашел, с отстоем. Спил сметану с одного, до второго очередь дошла.

Пью — языка не чую, больно сласть. Выпил, отпыхиваюсь, а третий все равно оставлять жалко. Только принялся за

остатний, слышу: скрип дверь. Я с перепугу горшок из рук бух на пол. Горшок — вдребезги.

Кармазиха услыхала, леший ее не вовремя принес, давай ругаться: «Видно, говорит, творило опять забыла закрыть, опять чей-то кот залез, поди, окаянный, сбаловал, все горшки повалял. Вот я его щас палкой».

Чую — беда мне... Кармазиха уже вниз по лестнице ноги спускает. Что делать?

Бойцы у костра поджимали от смеха животы. Усатый на полном серьезе продолжал:

— Что делать? Она вниз, а мне вверх надо из погреба. В темном переполохе я и схватил ее за ногу. Кармазиха недурикой как закричит — да прямо на меня мешком свалилась, а с меня — на горшки, все молоко разлила. Пока она вставала, пока очухалась от страха — я из погреба пулей вылетел. Как шальной.

Прибег домой, скорее на сеновал. Лежу, ворочаюсь. Еле уснул. Утром слышу на крыльце Кармазиха матери всю эту историю по-своему представляет. «Не совру, говорит, Авдотья, вечорышка не то домовой, не то черт в мой погреб залез. Я страсть как перепугалась и не разобрала кто. Весь лохматый, как собака, а бельмы огнянные. Как выскочит из погреба-то, тока хвостищем своим поганым меня по лицу хмысь. Все горшки, окаянный, изгадил, перебил. Теперь придется горшки новые на базаре покупать. У тебя, Авдотья, случаем не осталось ли святой воды? Окропить погребицу хочу, а то нечистый дух повадится — какая сметана будет. Пра, ей-богу, пра».

Мать не верит. «Так уж, говорит, и нечистый... Сбаловал кто-нибудь из ребят».

Кармазиха на своем успоряет. Пошла в избу за матерью. В залавке у нее всегда бутылка со святой водой стояла. Отлила ей в пузырек, жалко, что ли...

А я лазить в погреб к этой самой Кармазихе зарекся с того разу, чуть заикой с перепугу не стал. Шут с ней, со сметаной. Живот потом с нее болел. Переел лишку, видно.

После Кармазиха за святую воду горшок молока матери принесла. «Больше, сказывала, не ходит, отвадился...»

Еще, братцы, была со мной другая оказия,— цыганистый боец подождал, пока все перестали смеяться.— Хотите верьте, хотите нет — врать не стану.

Ярков хотел послушать, что будет «заливать» усатый, но надо было идти. Он прикурил от уголька, завернул за поворот. «Весельчак, видать, этот усатый. Где-то я его видел? Кажется, из второй роты. Сам духом не падает и других веселит. Вот он каков, русский человек. Трудностям не поддается, виду

не подает. В любой самой тяжелой обстановке держится. Нет, наш народ не сломить».

Из коридора перед штабом доносились переливы гармошки. Кто-то играл белорусскую «Лявониху». Лейтенант пригнулся и оказался в помещении. Электрическая лампочка под потолком моргала, по неровным стесам каменных стен метались тени. Бойцы, свободные от дежурства, отдыхали.

На гармони играл толстогубый сержант в шинели нараспашку. Сидя на снарядном ящике, он вовсю растягивал меха, наклонял лохматую голову к гармони, то резко и высоко вскидывал ее и останавливал взгляд на пляшущем. Плясал щуплый солдат в больших кирзовых сапогах, с вывертом отбрасывал ноги в стороны, в лад ударяя по коленям сложенной пилоткой:

А Лявониху Лявон полюбил,
Лявонихе черевички купил.
Лявониха — душа ласковая,
Черевичками поляскивала...

«И здесь унынию не поддаются,— улыбнулся Ярков.— Как это важно — хорошее настроение перед боем».

Вслед за ним в штольню вошли четверо бойцов с ведрами. Их посылали на кухню за обедом. Гармонь сразу замолкла, все засуетились, загремели котелки, ложки. Каждому досталось по ковшу супа с кониной и по куску хлеба своей, подземной выпечки.

Перед боем полковник Ягунов в сопровождении старшего батальонного комиссара Парахина побывал во всех батальонах подземного гарнизона. И везде, в каждом подразделении, где они были, шла подготовка к ночному выступлению. Бойцы разбирали и чистили оружие, проверяли боеприпасы. Когда руководители обороны зашли в подземный коридор, где располагалась рота лейтенанта Яркова и политрука Лунина, там заканчивалось открытое партийно-комсомольское собрание.

— Послушаем, комиссар,— предложил Ягунов Парахину. Они встали позади бойцов. Выступал пожилой старшина, перепоясанный пулеметной лентой.

— Чего много говорить,— простуженно басил старшина.— Картина, хлопцы, чрезвычайно для всех ясна. Воды нэма, а без нее не проживешь. Так чего же нам тут спочиваты? Кто нам отгонит фашистску поганъ? Цэ для наших рук. Немец пье горилку на Керчи, а мы позаховались под землю в сурчиные лазы и дивимся на ридну землю, як та скотина. Вдарить надо

по фрицу, да так, чтобы знал, с кем дело имеет. Здесь кто-то кричал: оружия нэма. Нам оружие никто не принесет. Добудем его у врага в бою и будем бить фрицев.

— Правильно! — раздались одобрительные голоса.

— Других предложений у меня нет, — кончил свою речь старшина.

Решение собрания было единогласным: беспощадно громить врага, с бою добывать оружие, боеприпасы.

До собрания лейтенант Лунин вернулся в расположение роты вместе с Шуренком. Они решили не разлучаться.

— Будешь нашим ротным санинструктором, — сказал Ярков. — Я доложу об этом комбату. Думаю, возражений не будет.

— Ой, мальчики, как хорошо все получается, — осталась довольна Шуренок. — Ты, Саша, просто гений! Умеешь устраивать все-все.

— Ладно, ты всегда любишь преувеличивать...

— Нет, серьезно! Сегодня такой день. Встретила вас... Мне повезло. Я всякое думала. Ждала — напишете. Каждый день ждала. Хотя бы строчкой узнать, что с вами. Спрашивала про вашу часть — никто ничего не знает. Кто-то из бойцов сказал мне вчера здесь, будто ваш полк попал в окружение у Багеровских каменоломен.

— Было такое дело. — Ярков прислонил к стене вычищенный автомат. — Отрезал нас немец и с флангов, и с тыла. На его стороне танки, самолеты, артиллерия. А у нас от полка и четвертой части не осталось. Я тоже на том свете был бы, если б не Коля. Контузило меня, мина в самой близи разорвалась. Всего землей завалило. Очнулся — жив, голова, руки-ноги целые. Пополз назад, к окопу. Смотрю — немецкий танк. Заметил, развернулся и прямо на меня. Деваться некуда. Бежать не могу. Да и куда от танка убежишь? Словно ножом полоснуло: конец... Метров десять танк до меня не дошел. Рвануло позади его. Я подумал — на мину наскочил. Поднял голову. Танк весь в дыму, горит факелом. Танкисты открыли люки — наружу полезли. А по ним из автомата. Ни одному не удалось уйти. Подбегает ко мне Николай. Оказывается, это он танк кумулятивной гранатой с кормы рванул. Да так удачно. Сам жизнью рисковал, а меня спас. Ночью остатки полка пробились из окружения и вышли к Керчи, заняли оборону у Аджимушкая. Так, Шуренок, мы оказались здесь. Когда бои шли на поверхности, мы два раза проведывали квартиру. Никого не застали. Думали, эвакуировались на таманскую сторону.

— Вы у меня теперь самые близкие. Кроме вас, никого у меня нет, — вздохнула Шуренок. — Мама погибла под бомбеж-

кой в Керчи. Пошла к себе на работу и попала под бомбежку. Я плакала-плакала... Даже похоронить не пришлось. В цех попала фугаска, а мама не успела уйти в бомбоубежище. Мне все рассказали. Я ходила после туда, на судоремонтный. Посреди цеха — большая воронка. Нашла мамин платок. Это все, что от нее осталось.

Шуренок уткнула лицо в колени и как-то вся сжалась, сидя на камне у тлеющего костра. Выплакавшись, она подняла голову:

— Вы меня извините, мальчики...— Глаза ее блестели от слез и были широко открыты, губы слегка вздрагивали.— Когда я выплачусь, мне становится легче.

* * *

Командир 46-й немецкой пехотной дивизии генерал-майор Гакциус нервничал. В комнате было душно. Он расстегнул ворот кителя, вытер платком лысеющий лоб. Взглянул в окно. По склону горы Митридат грудились развалины Керчи. За ними синело море. Его надежда отдохнуть в Крыму не оправдалась. Отдыхать было некогда. Керчь захвачена. Весь Керченский полуостров в руках доблестной немецкой армии. Но до сих пор не удается выбить из каменоломен засевшие там красноармейские части.

Гакциус ждал прихода капитана Фрейлиха, командира 88-го саперного батальона, занимавшегося взрывными работами в районе Аджимушкайских каменоломен. Настроение у генерала было плохое. Испортил его командующий армией в Крыму Манштейн. Вызвал к себе и устроил разнос. Из-за этих недобитых в катакомбах Аджимушкая и упорно сопротивлявшихся частей Крымского фронта, которыми командовал полковник Ягунов.

Гакциус вынужден был признаться, что испробовал все меры, чтобы заставить подземный гарнизон сдаться в плен, прекратить сопротивление и сложить оружие. Его дивизия оставила базировавшиеся под землей подразделения Красной Армии без воды. Без воздуха. Без пищи. В районе каменоломен находятся постоянно два полка и батальон саперов, много военной техники. Входы и выходы из подземелий завалены взрывами. Нет, оказывается принятых мер недостаточно.

Раздумья генерала нарушил дежурный офицер. Доложил, что прибыл капитан Фрейлих.

— Пропустите,— коротко распорядился генерал и застегнул китель.

В двери показался капитан Фрейлих. Молодцеватый, в ладно пригнанной форме. Щелкнул каблуками, выбросил правую руку вперед:

— Хайль Гитлер.

Гакциус не ответил на приветствие, недовольно спросил:

— Когда, капитан, вы со своими саперами по-настоящему возьметесь за дело по уничтожению противника в каменоломнях? До сих пор район каменоломен в Аджимушкае контролируют солдаты полковника Ягунова.

— К сожалению, господин генерал...

— Дерзкие нападения красноармейцев из подземелий наносят урон нашей армии,— перебил его Гакциус.— Подземный гарнизон словно бельмо на глазу... Не бесплотные призраки эти защитники каменоломен. Мы лишили их всего, что необходимо для жизни. Но они живы и продолжают борьбу. Чем это объяснить, капитан?

Фрейлих пожал плечами:

— Они фанатики, господин генерал. Большевистские фанатики...

— Эта песня о фанатиках мне уже знакома,— нахмурился Гакциус.— Фанатики, как и все люди, состоят из плоти и крови. Уничтожить их мы можем и должны. Командование разрабатывает дополнительные меры для такого уничтожения. Вашему батальону саперов, Фрейлих, придется заниматься непосредственной реализацией этих мер. Будем использовать газы... Подробные инструкции скоро получите. Без промедления установите тесный контакт с прибывшей в Керчь зондеркомандой 10-Б. Ясно, капитан?

— Да, господин генерал.

— Предупреждаю, что все надо будет держать в секрете. Можете идти. Желаю успеха.

Фрейлих вытянулся:

— Слушаюсь.— Механически повернулся и, провожаемый взглядом генерала, вышел из кабинета.

* * *

Над каменоломнями опустилась ночь. Готовые к бою, бойцы подземелья ждали сигнала атаки у выходов на поверхность. Ровно в половине первого ночи в штольню к радистам зашел полковник Ягунов.

Начальник главной рации Ермаков доложил:

— Связь с Малыми каменоломнями хорошая. У них все готово к атаке.

— Можно начинать,— полковник сдвинул обшлаг гимнастерки, взглянул на часы. Было тридцать пять минут первого. Он поднял на столе телефонную трубку, соединился со штабом.

— Подать команду к выступлению!

Ермаков надел наушники, настроился на волну и привычно заработал ключом. В эфир полетел условный сигнал атаки. Радист рации Малых каменоломен принял этот сигнал.

Совместное выступление подземных бойцов полковника Ягунова и гарнизона Малых каменоломен против врага началось.

Неприятель не ожидал внезапного удара. С криками «ура» подразделения устремились на поверхность через разминированные проемы. Вражеские огневые точки, окружавшие каменоломни, оказались подавленными в первые же минуты атаки. Цепи атакующих преодолели заграждения колючей проволоки и устремились к поселку. В ночном небе над Аджимушкаем вспыхнули осветительные ракеты, выхватывая из темноты дома, изгороди, дворовые постройки. Гарнизон поселка оказался застигнутым врасплох. Солдаты спросонья выскакивали из домов в одном нижнем белье и, беспорядочно отстреливаясь, отступали в глубь улицы.

Рота лейтенанта Яркова одна из первых ворвалась на окраину поселка с северной стороны. Разрывы гранат, винтовочная и пулеметная стрельба, крики «ура»—все смешалось. Из крайних домов гитлеровцев не пришлось выбивать — они в панике оставили их почти без сопротивления.

Ударная группа атакующих под командованием полковника Ягунова отрезала врагу дорогу к отступлению с западной стороны, бойцы Малых каменоломен — с южной. С востока, от каменоломен, в глубь поселка, немецких солдат оттеснили две роты под командованием подполковника Бурмина. Острота боя нарастала с каждой минутой. Вражеские пулеметчики засели на чердаках, в палисадниках — простреливали промежутки между домами, не жалея патронов. Стреляли больше вслепую, не видя противника. Наступающие подразделения подземного гарнизона продвигались от дома к дому короткими перебежками. То на одной, то на другой улице высоко в небо то и дело взлетали ракеты. Бойцы ложились, вжимаясь в землю, прятались в укрытия и, выждав момент, когда ракеты гасли, снова поднимались, бежали в темноте, врывались в дома, вступали с противником в смертельную схватку. У многих воинов подземного гарнизона не было оружия. Но и безоружные, они, увлеченные общим порывом атаки, решительно бросались на врага, душили солдат противника руками, отбирали винтовки, автоматы, гранаты, сумки с патронами и награбленным у населения продовольствием.

Ожесточенный бой завязался у здания школы, где находился штаб немецкого гарнизона. Полковник Ягунов отдал приказ окружить штаб и захватить его. Большое белое каменное здание школы почти беспрерывно освещалось ракетами. Засевшие там гитлеровцы ожесточенно отстреливались. Из окон, с чердака все злее и злее хлестали пулеметные и автоматные очереди. Площадка перед школой, ровная и голая как ток, простреливалось вдоль и поперек. Бойцы Ягунова залегли за каменной изгородью школы. Из-за изгороди нельзя было подняться. Пули выбивали каменную крошку, с коротким свистом проносились над головой. Ягунов распорядился установить в школьном саду захваченный у врага миномет и открыть по штабу огонь. С первых залпов крыша на школе задымилась. Бойцы поднялись в атаку. Некоторым смельчакам удалось пробежать опасное пространство от изгороди до школьного здания. В окна полетели гранаты. Взрывы, дым, крики, стрельба, звон стекол. На помощь горстке бойцов, ворвавшейся в штаб, подоспела рота лейтенанта Яркова. Борьба завязалась внутри здания. Фашисты перестали пускать осветительные ракеты. В дыму и темноте — неразбериха. По лестнице со второго этажа кто-то скатился лейтенанту под ноги. Он перепрыгнул через упавшего, швырнул вверх гранату. Взрыв, стоны. В несколько прыжков Ярков оказался на втором этаже. Бежать дальше по коридору мешал автоматный огонь. Вражеский автоматчик залег в противоположном конце коридора за сваленными в кучу партами. Бьет очередь за очередью. Не дает поднять головы. Как назло, не осталось ни одной гранаты, в диске — ни патрона. Сзади по лестнице — топот, ругательства. По голосам слышно — свои.

— Ложись! — крикнул Ярков.

Бежавшие распластались возле него, короткими очередями ударили по фашистскому стрелку. Автомат в конце коридора смолк. Лейтенант подбежал к укрытию из парт с пистолетом наготове, нашарил возле убитого гитлеровца автомат, четыре магазина с патронами. Торопливо рассовал их по карманам. Двое бойцов из его роты кинулись вверх по узкой лестнице на чердак. Ярков устремился за ними. Снизу доносились винтовочные выстрелы, автоматная трескотня, разрывы гранат. Осмотрели чердак, нашли два брошенных гитлеровцами ручных пулемета. Очевидно, когда начался минометный обстрел, пулеметчики побросали оружие и разбежались. В некоторых местах кровля была сорвана, в отверстия лоскутами свисало рваное железо. Ярков выбрался на крышу. То здесь, то там, в разных местах поселка продолжалась перестрелка. Повинуясь каким-то механизмам боя, она то затихала, то разгоралась с новой

силой. Кое-где еще взлетали ракеты. Догорая, они искристо рассыпались в посветлевшем к рассвету небе. Лейтенант снял пилотку и вытер разгоряченное лицо. Внизу громыхнули и смолкли винтовочные выстрелы. На чердачной лестнице слышались шарканье ног, возбужденные голоса солдат.

— Ура-а-а! — донеслось с лестницы.

Воины подземного гарнизона овладели штабом.

Подходил к концу и бой за поселок. Немецкие солдаты в спешке покидали дома. Бойцам Ягунова с самого начала удалось овладеть инициативой, внести в ряды гитлеровцев дезорганизованность и панику. Командующему аджимушкайским гарнизоном подполковнику Рихтеру показалось, что поселок окружают десантные части Красной Армии, высадившиеся с Тамани и поддержанные защитниками каменоломен. Рихтер срочно связался с немецким командованием в Керчи и сообщил об этом, прося подкреплений. При отступлении сам он едва не попал в плен к бойцам подполковника Бурмина, отрезавшим врагу пути отхода на Керчь.

Полковник Ягунов оперативно руководил боем. Окружение гарнизона противника и его уничтожение осуществлялось по намеченному плану. Полковник понимал, что удержать поселок надолго в руках защитников каменоломен не удастся. С часу на час следовало ожидать подхода фашистских танков и пехоты из Керчи.

В разбитые окна школьного класса брезжил рассвет. Сюда, в классную комнату, где расположился Ягунов, поступали последние сведения о завершении ночного боя. До захвата штаба в этом классе был кабинет самого Рихтера. На стене кособоко висел большой портрет фюрера в золоченой рамке. Из рамки торчали осколки стекла, разбитого разрывом гранаты, и сам портрет в нескольких местах был продырявлен. На полу кабинета валялись обрывки каких-то бумаг, в углу у двери лежал на боку открытый сейф.

Ягунов в одной гимнастерке сидел за дубовым столом в мягком кресле подполковника Рихтера, читал оставленные в беспорядке бумаги. Ввели пленного, рыжего оберлейтенанта. Обер остановился перед столом, исподлобья косясь на полковника. Руки, связанные за спиной, нервно подергивались.

Ягунов приказал развязать пленному руки, по-немецки спросил:

— Из какой части?

Обер переступил с ноги на ногу:

— Восемьдесят восьмого пехотного полка.

— Каковы планы немецкого командования в отношении каменоломен?

Обер-лейтенант сделал вид, что не понял вопроса.

— Я спрашиваю, что намерено предпринять командование для разгрома подразделений Красной Армии, окруженных в каменоломнях?

— Мне ничего не известно,— пожал плечами пленный.— Я всего-навсего командовал ротой. Лично считаю: принятых мер вполне достаточно для того, чтобы окруженные красноармейцы прекратили бессмысленное сопротивление и сдались в плен.

— Что имеется в виду под этими мерами?

— Подземный гарнизон не продержится долго без воды, продовольствия и без воздуха. Саперам отдан приказ взорвать все выходы из каменоломен. Вы знаете, наши саперы присту-

пили к его выполнению. Всех, кто находится в каменоломнях, ждет участь быть заживо погребенными под землей. Разумнее сложить оружие. Надеяться на помощь Красной Армии бесполезно. Она уже развалилась под ударами немецких войск, как развалился ваш Крымский фронт. Не нынче — завтра русский народ будет освобожден от большевиков, Советской власти и станет свободным.

— Свободным под гнетом гитлеровского режима? Не так ли! — Крутые желваки обозначились на скулах полковника.— Освободители... Фашизм принес на нашу Родину смерть, жестокость, насилие. Кого вы пытаетесь обмануть?

— Немецкая армия хочет...— хотел было продолжать обер, но осекся под суровым взглядом командира гарнизона.

— Я знаю, и весь наш народ знает, чего хочет Гитлер и фашистская армия,— еле сдерживая гнев, отрезал полковник.— Отвечайте только на мои вопросы.

После допроса Ягунов приказал увести пленного. Некоторые сведения, сообщенные обер-лейтенантом, заинтересовали командира. В особенности о дислокации фашистских войск в Керчи. Конечно, их следовало проверить, уточнить и затем передать на Большую землю. «Для этого надо,— подумал полковник,— послать разведчиков в город, попытаться установить связь с партизанским подпольем, если оно есть. Может, такое антифашистское подполье уже действует в Керчи, только в каменоломнях ничего не знают об этом? Связь с партизанами очень и очень необходима для дальнейшей борьбы. Такая борьба может вестись успешно, подразделения каменоломен доказали это в ночном бою, доказали разгромом фашистского гарнизона и захватом поселка Аджимушкай». Несмотря на нервное напряжение, бессонную ночь, полковник Ягунов находился в приподнятом настроении. С улицы в окно доносились голоса солдат. У колодца посреди школьного двора звенели ведра, бойцы сбросили шинели, ватники и гимнастерки, умывались, всласть пили воду. Здесь же светловолосая девушка в синей вязаной кофте, это была Шуренок, перевязывала раненых. Она вместе с ротой участвовала в ночном бою, оказывала первую помощь бойцам, получившим ранения.

Солнце еще не взошло, но стало совсем светло. Мимо школы в каменоломни прогнали трофейных лошадей. Туда же несли ящики с боеприпасами, мешки с мукой и крупой, захваченные со складов у врага, доски, жерди, охапки хвороста. На школьный двор въехала парная повозка. В нее погрузили тяжелораненых для отправки в подземный госпиталь.

Передышка после боя длилась недолго. От Керчи на поселок шли немецкие танки. Тяжелый гул моторов нарастал.

Ближе, ближе. За танками на автомашинах двигалась пехота. Полковник Ягунов приказал всем подразделениям организованно отступить в каменоломни.

Танки подошли вплотную к катакомбам, открыли обстрел из пушек по проемам. Особенно сильный огонь танкисты сосредоточили по центральному входу. Снаряд за снарядом ударялся в стену из глыб известняка. В воздух летели осколки металла и камня. Стена долго не поддавалась. И лишь когда фашисты догадались стрелять бронебойными, в стене удалось пробить брешь. По этой пробоине стали вести обстрел сразу четыре танка. Брешь в стене становилась шире и шире. Снаряды пролетали внутрь катакомбы. Пятеро бойцов роты лейтенанта Яркова, они несли здесь наблюдение, были тяжело ранены. Ярков отдал приказ отойти в глубь тоннеля и перегородить проход новой стеной. Немецкие автоматчики сделали попытку ворваться через проем в катакомбу. Солдаты Яркова затаились за стеной и не открывали огня. Фашисты стреляли в темноту длинными очередями. «Устроим им западню,— шептал бойцам Ярков.— Пусть побольше набьются в катакомбу».

По тоннелю гитлеровцы приближались все ближе к завалу. На мгновение вспыхивали карманные фонарики. Лучи света выхватывали из мрака закопченные каменные стены, фигуры вражеских солдат.

Командир роты отдал команду. Лихорадочно заработали автоматы в руках бойцов. Плотная огневая завеса преградила дорогу в глубь катакомбы. Гитлеровцы в спешке стали отходить назад, к выходу. Лунин одну за другой выпустил в темноту тоннеля две осветительные ракеты. Они с треском, рассыпая снопы искр, ударились в стены, отскочили и завертелись на каменном полу. Ослепительный свет залил тоннель. Ища укрытия, вражеские автоматчики заметались вдоль стен. Всюду их настигали пули.

Попытка просочиться внутрь окончилась для фашистов неудачей.

13

Полдня танки продолжали обстрел катакомб из пушек и пулеметов. Все это время камнерез Данченков и двое саперов, поочередно сменяя друг друга, пробивали под землей проход к наружному колодцу. Проход начинался наклонно в полу штольни, соединявшейся с центральным коридором. Наружная стена штольни находилась прямо против колодца. Первые метры прохода под стеной оказались самыми трудными. За стеной грунт пошел мягче. Пласт твердого известняка, как и пред-

полагал Данченков, по толщине был метра два. Они пробились под этот пласт. Вода в колодце залегала на глубине шести метров. Камнерез утром, до подхода немецких танков, рулеткой точно измерил и глубину, и расстояние до колодца. Всего следовало пройти под землей восемнадцать метров. Пять из них — под стеной каменоломни, остальные за ее пределами.

Работали, сидя на коленях, при свете керосинового фонаря. Узкое пространство каменного мешка мешало движениям. Кирка, ломик и саперная лопатка — другого инструмента не было. Щебень насыпали в ведра и выволакивали по наклонному проходу наверх, в штольню.

— К утру будем у воды,—подбадривал саперов камнерез.— Только, ребята, надо потише стучать. Немец наверху услышит, тогда не сдобровать. Рванет бомбу — и поминай, как нас звали! Еще малость пороем — и на обед.

Данченков подхватил ведро щебенки пополам с глиной, пригибаясь, поволок наверх. В углу штольни он опорожнил ведро и хотел спуститься обратно. До слуха его из центрального тоннеля донеслись встревоженные голоса, топот ног, крики: «Газы! Газы!» Камнерез торопливо бросился назад к проходу, где оставались саперы.

— Немедленно вылезайте! — громко приказал он.

Не зная, в чем дело, саперы схватили фонарь и выбрались ползком наверх.

В центральном тоннеле к выходу бежали перепуганные женщины с детьми. От него внутрь растекались мутные волны дыма. Сверху в проем тоннеля свешивался толстый шланг. Из него валили желто-зеленые клубы. Током воздуха их втягивало в глубину центрального тоннеля. Толпа женщин добежала до выхода. По ней ударили пулеметные очереди. Те, кто оказался впереди, попадали, сраженные пулями. Раздались крики о помощи, стоны, пронзительный детский плач.

Людьми завладела паника. Из боковых коридоров в центральный тоннель бежали новые и новые толпы. Бежали к выходу, ничего не зная о том, что попадут там под пули. Газ плотной завесой заволакивал отсеки, штольни, просачивался все дальше. В главном коридоре под потолком, в клубах ядовитого дыма и газа, еле виднелись электрические лампочки. Люди метались от стены к стене, натыкались друг на друга в удушливом мраке в поисках спасения, задыхались и падали на каменный пол подземелья.

Мысль о семье пронзила Данченкова. Неужели не хватит сил добежать до штольни, где остались жена, дочка и Павлик? Судорожный приступ кашля заставил его остановиться. В горле першило, и во рту появился противный металлический

привкус. Он торопливо снял с шеи шерстяной шарф, облил из фляжки водой и завязал себе нос и рот. Кашель прекратился. Шатаясь, словно пьяный, камнерез двинулся по коридору. Фонарь еле видным пятном мерцал в руке. До штольни еще два поворота. Дышать стало немного легче. Чем дальше Данченков продвигался в глубь катакомб, тем меньше становилась концентрация газа. Его вытягивало сквозняками наружу через многочисленные щели и небольшие проемы в стенах. Затеплилась надежда застать семью живой. Только бы не поддались панике и не бросились к выходу в центральный коридор. Оттуда не выйти живыми.

Он прошел еще один поворот. Оставалось совсем немного. Сердце учащенно билось в груди, холодная испарина выступила на лице под шарфом. Перед глазами встала картина гибели людей в центральном тоннеле у выхода. Неужели фашистам удастся задушить газами всех, кто укрылся в каменоломнях? Неужели ничего нельзя сделать, чтобы помешать зверской расправе, спасти людям жизнь?.. Надо действовать. Преградить движение газов в отдаленные галереи стенами из камня, соорудить там газоубежища. Скорее, сказать об этом Ягунову.

У входа в штольню Данченков упал. Фонарь стукнулся о выступ в стене, откатился в сторону и погас. На какое-то время он потерял сознание. Очнулся в штольне и вначале не понял, где он и что с ним случилось. В свете фонаря над ним склонилось лицо жены. Она прикладывала к его лбу смоченное водой полотенце.

— Живы?

— Не беспокойся... Все живы,— жена поправила фуфайку в изголовье.— Мы ждали тебя, знали — ты придешь. Я догадалась занавесить вход одеялами. Но газ не дошел сюда.

— Если бы ты видела, что творится в центральном тоннеле...— Данченков не мог договорить, приступ кашля сдавил ему грудь. Он откашлялся и попытался встать.

— Лежи, лежи,— попросила жена.

— Мне надо в штаб. Пусть Павлик проводит меня в штаб. Превозмогая слабость, Данченков поднялся на ноги:

— Помоги мне, сынок... Пойдем к Ягунову. Я покажу, где строить газоубежища. Пока нас всех не задушили.

Павлик лучинкой зажег от костра фонарь, перекинул себе за плечо отцовский автомат, поглубже нахлобучил шапку.

— Я готов, папа.

— Завяжи рот и нос мокрым полотенцем,—приказал отец.— Сложи в несколько раз. И мне тоже. А ты, мать, не беспокойся,— обратился Данченков к жене.— Устроим газоубежища — тогда все переберемся туда.

* * *

Газовая атака застала лейтенанта Яркова в подземном госпитале. Он забежал сюда мимоходом передать раненым бойцам роты курево — полевую сумку с трофейными немецкими сигаретами. По единодушной оценке бойцов сигареты были дрянь, пресные, как трава, но другого курева не было. Ярков отдал сигареты и направился к выходу. Из коридора донеслись встревоженные голоса. Еще не зная, что случилось, он приготовил автомат и выбежал из госпиталя. По коридору бежали солдаты, на ходу вытаскивая из сумок противогазы и натягивая на головы. Ярков спохватился: его сумка с противогазом осталась в ротной штольне. Надо успеть добежать туда.

Там, где коридор соединялся с центральным тоннелем, в лицо ударил резкий запах. Горло и грудь внутри обожгло и сдавило. Он зажал нос и рот перевязочным пакетом, стараясь дышать через слой марли. Только бы не упасть, скорее добежать до расположения роты. Застигнутые врасплох газовой атакой, люди, словно безумные, метались по темному подземному коридору, со всех сторон неслись отчаянные крики о помощи, проклятья фашистам. Впереди лейтенанта упала на каменный пол женщина с ребенком на руках. Он наклонился над ней, пытаясь помочь подняться.

— Спасите дочурку,— чуть слышно выдохнула она. На губах упавшей показалась кровавая пена.— Спаси...— Судорога исказила бледное, как мел, лицо женщины.

Ярков поднял с пола завернутого с головой в стеганое одеяло ребенка, прижал к груди и побежал дальше, свернул куда-то в боковой коридор. Он не знал, жива ли девочка, которую держал на руках, но продолжал думать, что она жива, что надо найти где-то хотя бы небольшую щель, выходящую на поверхность, и отдышаться.

Несколько раз, не замечая ничего вокруг себя, он останавливался, прижимаясь к холодной стене коридора и выключая электрический фонарик. Перед глазами плясали радужные круги, и сердце гулко стучало: жить, жить, жить... Ноги плохо слушались его, словно чужие, тошнота противным комом подкатывала к глотке, но он шел и шел. Ему казалось, что он заблудился на дне какого-то наполненного ужасом лабиринта и из него никогда не выйти, потому что выхода из этого лабиринта не существует. Перед собой в свете фонарика Ярков явственно увидел большой серый шар величиной с автомобильное колесо. Откуда взялся шар — было непонятно, но он катился и притягивал к себе, как магнит притягивает железо. Внутренне Ярков противился желанию двигаться вслед за шаром, но что-то, что было выше его сил, толкало его следом.

Это было видение, возникшее в затуманенном сознании из мрака и плутавшее во мраке по бесчисленным подземным пещерам.

Узкий штрек вывел лейтенанта к обвалу в наружной стене. Сквозь щели в беспорядочном нагромождении огромных каменных глыб пробивался снаружи свет и свежий спасительный воздух.

На поверхности гремели взрывы. Казалось, что вот-вот рухнут тяжелые плиты, нависшие над ним, и похоронят его под своей тяжестью. Там, откуда ему удалось вырваться, его ждала смерть, гибель от удушья. Здесь свободно дышалось, и то, что ему удалось спастись из цепких объятий смерти, давало надежду на жизнь.

Он развернул одеяло, заглянул в лицо ребенка. Девочка не дышала. Ее уже ничто не могло спасти. Даже самый чистый-пречистый воздух. Ярков опустился на колени и долго держал девочку перед щелью меж каменных глыб. Поток воздуха струился снаружи и шевелил русую прядку на лбу ребенка.

Над степью заходило солнце. Закатные лучи скользили по поверхности каменоломен, обезображенной взрывами снарядов и бомб, по выжженной огнем траве. Теплое сияние заката коснулось детского лица, закрытых глаз, синего треугольничка полураскрытых губ. Она, казалось, спала и сейчас проснется, шевельнутся сомкнутые ресницы, оживут глаза, легкая улыбка заскользит по недвижно застывшим губам.

Под стеной лейтенант выдолбил ножом неглубокую яму, осторожно опустил в нее девочку, накрыл сверху плоской каменной плитой.

Ночью, когда ядовитый газ и дым вытянуло из каменоломен, проветрились подземные коридоры и штольни, он вернулся в расположение роты. Его уже считали погибшим.

14

По совету камнереза Данченкова полковник Ягунов отдал приказ о строительстве газоубежищ. Подземные тоннели в глубине каменоломен закладывали перегородками из каменных плит. Камни тесали, чтобы они плотнее ложились друг к другу. Это была тяжелая, изнурительная работа. До самого позднего вечера работать пришлось в противогазах, пока не рассеялся удушливый газ.

Павлик помогал отцу тесать тяжелые плиты известняка. Дышать в противогазной маске было трудно. Ждали сигнала отбоя газовой атаки. Время тянулось томительно-медленно. Лицо под маской покрылось испариной. Отец сделал сыну знак, чтобы он отдохнул. Павлик отошел в сторонку, присел

рядом с костром на камень. Руки, сбитые об острые края ракушечника, болезненно ныли. Он заметил это только сейчас, когда присел отдохнуть. Хотелось пить. Во фляжке у пояса оставалась вода. Но чтобы сделать несколько глотков, следовало снять противогаз. Павлик знал: снимать противогазную маску нельзя до команды — «отбой». В школе всех ребят на уроках военного дела научили обращению с противогазом. Павлик в своем классе был даже чемпионом. Он быстрее всех пробежал в маске стометровку и точно попал деревянной гранатой во «вражеский окоп». Тогда на уроке ему хотелось подольше не снимать противогаз, показать перед мальчишками и девчонками свою выносливость.

Костер догорал. Павлик подбросил в слабеющее пламя щепки, сухие ветки акации, обломок доски. Огонь ожил, багрово озарил стены тоннеля, работающих саперов.

По тоннелю из темноты к саперам подошла группа военных в противогазах. Посвечивая электрическими фонариками, осмотрели кладку. Самый высокий из них (Павлик догадался, что это командир гарнизона полковник Ягунов) обменялся жестами с отцом. Ягунов повернулся к костру и увидел Павлика. Вместе с отцом он подошел к нему и ласково потрепал по плечу. Разговаривать в противогазах было трудно, приходилось объясняться с помощью рук. Командир гарнизона показал Павлику, чтобы он пошел вместе с ним. Павлик встал, поправил на боку сумку от противогаза и зашагал за Ягуновым. На каждом повороте, где они проходили, стояли часовые в противогазах. Часовые охраняли и вход в штаб, плотно занавешенный брезентовым пологом. Ягунов откинул край полога, потянул на себя дверь и подтолкнул Павлика, пропуская его вперед. В штабной штольне было светло от электрической лампочки; наклонившись над столом, с кем-то разговаривал по телефону начальник штаба Сидоров.

Командир гарнизона снял с лица противогазную маску. Павлик сделал то же самое, спрятал маску в матерчатую сумку, вытер лицо рукавом ватника, размазав по щекам пыль и копоть.

— Устал?— Ягунов пододвинул Павлику стул.— На-ка платок, утрись хорошенько.

Начальник штаба охрипшим голосом продолжал кричать в телефонную трубку:

— Саперов больше нет. Поймите, капитан, нет! Два взвода строят газоубежища. Расчищайте завалы своими силами... Что? Большие потери? Надо держаться, капитан. Надо!

Сидоров бросил трубку на рычаг, откашлялся, доложил Ягунову:

— В юго-восточном секторе попытки врага ворваться в каменоломни отбиты. От взрывов произошли обвалы...

Телефон на столе начальника штаба настойчиво зазвонил. Сидоров опять взял трубку:

— Да, да... Слушаю вас. Это я, товарищ комиссар. Да, да... Полковник только сейчас вернулся от саперов. Да, он здесь. Передать трубку? Сейчас...— Начальник штаба встал со стула.— Вас спрашивает комиссар Парахин, товарищ полковник.

Ягунов подошел к аппарату. Парахин докладывал из северного сектора: фашисты прекратили накачивать газ через центральный тоннель и бросать дымовые шашки. Остатки газа и дыма вытягивает наружу через проемы в стенах.

— Передайте подполковнику Бурмину,— сделал распоряжение Ягунов,— чтобы у всех выходов на поверхность и в местах обвалов выставили усиленные караулы, а сами возвращайтесь в штаб.

По тоннелям и штольням дали команду отбоя газовой атаки.

Поздно ночью в штабную штольню зашел камнерез Данченков. Он едва держался на ногах.

— Газоубежище под госпиталь готово,— доложил Данченков командиру гарнизона.— До утра успеем перегородить еще два тоннеля.

Полковник Ягунов снял пенсне, прикрыл ладонью воспаленные глаза. Камнерез сидел перед ним осунувшийся, на лбу резко обозначились глубокие морщины, пересохшие губы запеклись коркой и потрескались, руки в серой известняковой пыли и ссадинах.

— О колодце,— через силу продолжал Данченков.— За сутки саперы прошли четыре метра. Я только что оттуда.

— А что с подземным ходом к наружному колодцу?

— Наполовину прокопали, больше не успели. Стал немец газы пускать, пришлось оттуда сматываться. Теперь бы, пожалуй, у самой воды были...

— Значит, скоро будет у нас вода?

— Обязательно, Павел Максимыч. Капля за каплей камень долбит. Так и мы. Гранит пробьем, а к воде выйдем.

— Идите отдыхать, Николай Семеныч,— сказал Ягунов.— Может, в госпиталь надо лечь на день-другой?

— Малость отравы фрицевской прихватил,— откашлялся Данченков.— Пойду на поверхность, ветерком с моря освежусь, очищу легкие — и больше мне никакого лечения не потребуется. А где помощник мой, Павлуха?

— Спит,— полковник показал в угол штольни, где стояла койка.— Помощник спит, умаялся парень.

Отец подошел к низкой железной кровати. Павлик спал, накрытый байковым солдатским одеялом, и во сне совсем по-детски шевелил губами.

15

Полковник Ягунов и камнерез Данченков вместе вышли из штабной штольни. Фонарь «летучая мышь» плыл сквозь темноту. Данченков держал его в левой руке, а правой придерживал автомат, перекинутый через плечо. За поясом подземного проводника торчала рукояткой вниз кирка. Ягунов заметил, что Данченков всегда носит ее при себе, как солдат винтовку.

Камнерез вывел командира к старому обвалу. Когда-то давно потолок каменоломни в этом месте обрушился и перегородил тоннель нагромождением громадных каменных плит. Сюда, в эту заброшенную штольню, можно было попасть узким извилистым ходом.

Данченков поставил фонарь на выступ в стене, достал из-за пояса кирку, вскарабкался по камням к потолку штольни, поднырнул под край плиты и пропал. Сверху, где он находился, слышалось лишь шуршание. Затем наступила тишина. Полковник Ягунов стал дожидаться возвращения камнереза. С поверхности донеслись тяжелые раскаты, словно по каменоломням ударила артиллерия. Стены штольни вздрогнули. Подземелье чутко отзывалось на каждый раскат.

Вернулся Данченков, довольно потер задубевшие руки.

— Можно вылезать наверх, Павел Максимович. Немцев вокруг обвала нет. Я осмотрел. Подышим свежим воздухом. Там гроза собирается, темень.

Ягунов вслед за камнерезом поднялся на поверхность. Снаружи края обвала были пологими и густо заросли жестким душистым полынком. Степь затаенно лежала вокруг, дышала запахами нагретой земли и травы, безмолвная, полная ожидания грозы. Гроза надвигалась с моря. Порывы ветра ласкали лицо, раздували траву.

Всего несколько метров отделяли Данченкова и полковника Ягунова от узкой щели в каменоломню. Они лежали на траве над обвалом с автоматами наготове и молчали. Они дышали воздухом степи, вольным ветром, пили его, как воду.

В небе по краям туч трепетали отсветы молний, все раскатистее гремел гром, и все чутче вслушивалась степь в приближение наступающей грозы. Земля ждала благодатного

живительного ливня каждым кустиком, каждой травинкой. И внимала громовым раскатам с нетерпеливой дрожью.

Гроза разразилась над каменоломнями. Гром гремел беспрерывно, ослепительный свет молний далеко озарял степь. Гроза гремела и сверкала, темнота ночи разверзалась над каменоломнями и снова смыкалась, шло беспрестанное борение света и тьмы, тьмы и света. И ни капли дождя не упало на землю.

Ветер унес грозовые тучи в сторону Тамани. На небе проглянули звезды. Грозовая канонада удалялась все дальше и дальше, удары грома рокотали глухо и успокаивающе. Где-то в низине подала голос земляная лягушка, и будто колечко звеняще покатилось. Так Павлу Максимовичу всегда казалось. Еще с детства. Теплыми летними сумерками перед дождем в тишине засыпающего от дневных забот села всегда слышался этот живой и однообразный звук. Без него не было бы всей полноты очарования этих тихих задумчивых вечеров. Гасли огни в домах, все стихало, и за темными огородами возникал из самой тишины этот звенящий звук. Кто-то невидимый катил и катил звуковое колечко. Может быть, это колечко было не одно, и они катились, звеня и обгоняя друг друга.

И докатились сюда, до каменоломен, из незабытого детства, из родимых мест. Или это бежит из-под горы светлый родниковый ручей, бежит и журкует, переливаясь с камушка на камушек. Из-под горы за речкой Чеберчинкой... Какая в этом роднике вкусная вода! Не нагревается в летнюю жарынь, студеная как лед. Не мерзнет в зимнюю стужу, курится белым парком и бежит, бежит к реке родниковый ключ, звенит ледышками в береговой промывине.

Или это так звенит весенняя капель светлым апрельским днем, частит вперегонки из-под обветшалой застрехи во дворе в снеговые соты.

Снег волглый, напитался водой. Сколько его нанесло всюду за долгую зиму. На поля, в овраги, огороды. Снег толстым пластом слежался на соломенной крыше. Радостно забраться на верх избы, на самый конек, и деревянной лопатой сбрасывать вниз оползающие снеговые груды.

От высоты дух захватывает. С поднебесной выси светлым ручейком расплескалась трель жаворонка. Скворец промыл звонкое горлышко снеговой водой возле завалинки под окном, уселся на скворешню и славит приход весны на все лады.

Ветер рябит лужу у крыльца, кренит белый кораблик из тетрадного листа, гоняет его с края на край. Кренится кораблик, но не тонет, скользит по воде. Чем не кругосветное путешествие его плавание?..

Рушатся, оседают горбатые сугробы на огороде и в палисаднике, под снегом копится вода, ищет дорогу, чтобы сбежать к речке говорливым ручьем. И находит, проточила вешняя веселая вода себе русло, журчит мимо кустов акации, вдоль изгороди.

От снежной бабы посреди огорода остался один подтаявший нижний ком. С каким старанием лепил ее в сырой снегопад, обливал в мороз колодезной водой из ведра! Чтобы дольше стояла. Любовался ею из окна. А потом забыл, забросил. И скоро ничего не останется от нее. Превратится она в несколько пригоршней воды и скатится, пропадет в торопливом весеннем ручье. Сольется этот ручей с другими ручьями с полей, переполнит полая вода речку, взломает лед, зашумит, разольется, выйдет из берегов, затопит прибрежные ветлы, деревянный мост. Нет ей останова, веселой весенней воде. Нет ей удержу.

Обмоет она землю, напоит ее влагой, заблещет в лесном озерке и большой судоходной реке, плеснет в море белогривой волной. И свершится ее круговорот. Прольется вешним ливнем из грозовой тучи, блеснет дождинкой на цветке, мелкой осенней изморозью затянет поля, упадет легкой снежинкой на руку. И пойдет укрывать снег притихшую землю, и снова будут ребятишки играть в снежки. И будет стоять на огороде или среди улицы снежная баба... Звенеть ребячий смех. Искриться на солнце снег.

Уйдет в прошлое война. Трудная война с фашизмом. В тяжелой войне нет легкой победы. Сколько осталось дней до нее? Возможно, лет?.. И все-таки она будет. Народ, вставший на защиту своей Родины, своей свободы, нельзя победить. Русь пытались стереть с лица земли несметные орды Чингиз-хана и Батыя. Топили русский народ в крови, жгли огнем русские города и села, разоряли белокаменные храмы. Стоном стонала русская земля. Но не покорилась врагу. Сбросила с себя ненавистное монголо-татарское иго. Дала отпор Русь псам-рыцарям Тевтонского ордена меченосцев, и шведским завоевателям, и наполеоновским полчищам. Всем, кто посягал на ее свободу и независимость во все времена. Так было, и так будет.

Тикали часы на руке. Время бежало. И думы бежали, сменялись. Возвращали прошлое. Забегали в будущее. В будущее, в котором нет войны. Нет людских страданий, убитых, военной разрухи, разора, голода, материнских слез, плача детей, лишенных крова, бесприютных сирот, нескончаемых бездомных дорог, беженцев, ищущих пристанища, холодных пепелищ, взрывов бомб, артиллерийского обстрела, горечи невосполнимых потерь и тяжелых утрат, пропавших без вести, калек, пикирующих самолетов, танковых атак, фашистских лагерей смерти.

В будущее, в котором нет всего того, что порождает войну. Неразумных политиков, расового превосходства, насилия. Ради этого будущего надо одолеть фашизм. Это будущее пока можно лишь представить. Судьба ли увидеть его, пожить в нем?..

Его не увидят те, кто сложил свои головы за родину. В смертельных боях. На фронтах от Кавказа до Балтики. И здесь, в каменоломнях Керчи. Кто лежит здесь в братских могилах под землей. Кто погиб здесь под завалами каменных глыб, умер от ран, задохнулся от газов, скончался от жажды и голода, холода и болезней. Кто отдал жизнь в схватках с врагом во время атак. И кто еще отдаст.

Впереди много боев. Много смертей. Из могилы невозможно увидеть свет. Свет жизни. Он станет светить живущим. Солнцем в голубом небе. Утренней зарей. Золотым облачком на закате. Вечерней звездой. Манящим огнем в ночи. Каплей росы. Улыбкой на лице любимой. Радостью в материнских глазах. Зарницей над хлебным полем.

Живым помнить о погибших. Живым жить за них. За всех, кто погиб. Продолжать борьбу. Победить. Отстроить заново все, что разрушено войной. Восстановить из руин города и села. Посадить сады. Растить детей.

Живым не забывать погибших. Не вернувшихся с войны. К ожидающим матерям. Постаревшим от горя, проплакавшим глаза по своим сыновьям. К скорбным седым матерям. К своим женам, невестам. К любимым. К детям.

Встанут на пепелищах новые дома. зарастут травой окопы. Заживут раны войны. Заживут, затянутся, но не перестанут болеть. Горькая память войны в сердце. Живые придут к могилам. К братским могилам. Сколько их на русской земле оставит война. Придет безногий инвалид на костылях. Помолчит. Вытрет ладонью солдатскую слезу. Придет сгорбленная мать-старушка. Тяжело вздохнет. Зашепчет что-то чуть слышно. А что — знает она одна.

Придет молодая женщина. Положит на камень цветы. Постоит в печали.

Смолкнут возле могильной плиты дети. Смолкнут, задумаются...

Часы на руке отсчитывали время. Секунду за секундой. Катилось над степью светлое звуковое колечко. Мысли сменялись, торопились к пределу, за которым нет войны. К мирной жизни.

Живые думают о жизни.

Но война была рядом. Вблизи. И она вмешалась, разрушила мир, мир тишины и короткого спокойствия, в котором несколько минут жилось и думалось полковнику Ягунову.

В стороне, над дорогой к поселку, вспыхнула ракета. Возможно, немецкой охране что-то показалось подозрительным. Автоматная очередь затрещала и смолкла. Из каменоломен не ответили ни выстрелом.

Осветительные ракеты стали взлетать одна за другой, автоматная и пулеметная стрельба с вражеской стороны раздавалась в разных местах.

Данченков подполз к полковнику, приподнялся на локтях:

— Дрейфят... Видать, боятся ночного налета.

— У страха глаза велики,— сказал Ягунов.— Пусть постреляют, а нам пора назад. Надышались.

Остаток ночи Данченков провел без сна. Пребывание на свежем воздухе целительно подействовало на усталый организм. Он чувствовал себя совсем здоровым, боль в груди утихла, перестала кружиться голова. Вернувшись с поверхности, Николай Семенович разбудил Павлика и проводил его в штольню к матери, а сам с бойцами из саперного взвода принялся за прежнюю работу — копать подземный ход. Немецкие пулеметчики за ночь несколько раз обстреливали колодец и не давали запасаться водой.

На этот раз у Данченкова и саперов были с собой противогазы на случай повторения газовой атаки. Вода теперь была совсем рядом от них, и это подбадривало работавших. Кирка удар за ударом отбивала слоистый известняк, и каждый удар приближал к воде на несколько сантиметров. «Только бы не ошибиться, не уклониться в сторону от колодца»,— думал камнерез.

По расчетам, до колодца оставалось немногим меньше метра, когда Данченков почувствовал, что кирка от удара не отскочила, а провалилась внутрь по рукоятку, вошла в пустоту — раздался всплеск. Это упал в воду отбитый кусок камня. Он вытащил кирку и в несколько ударов расширил отверстие настолько, что в него можно было свободно пролезть. Данченков просунул голову в колодец. Вода была рядом, у самого лица. Сверху падал дневной свет, и вода мерцала и отражала его. Снаружи доносилась стрельба. Он посмотрел наверх и увидел чистое небо. Оно сияло в колодезном проеме ровной бездонной синевой. Сияло успокоительно-мирно.

Сапер позади звякнул котелком. Данченков взял котелок, зачерпнул до краев воды и подал бойцу:

— Пей...

Пили досыта. За все дни. За себя и за погибших.

Данченков вернулся в штаб, отстегнул от пояса фляжку с водой, поставил на стол командира гарнизона.

Полковник Ягунов понял все без слов.

16

Шура Клинкова освоилась с обязанностями санитарного инструктора. Комроты где-то на складе раздобыл ей солдатскую шинель, кирзовые сапоги и шапку-ушанку.

— Полной обмундировки нет, но ничего,— остался доволен Ярков, когда Шуренок примерила шинель.— Вид у тебя теперь настоящий, как и полагается бойцу. А главное — теплее будет.

Санинструктор повернулась кругом, шутливо взяла под козырек:

— Разрешите обратиться, товарищ лейтенант...— и, не выдержав, рассмеялась.

Николай Лунин, он мешал в большом котле над костром кашу из концентрата, подул в ковш.

— Ну-ка, санинструктор, снимай пробу.

Шуренок взяла у него ковш, попробовала, нарочито-строго покачала головой:

— Чего-то в этой каше не хватает. Кажется, сливочного масла...

— Так точно!— весело отозвался Лунин.— Сливочного масла.

— Почему не положили?— продолжала шутливый розыгрыш Шуренок.

Лунин вытянулся в струнку, притворно заморгал:

— Виноват... Исправлюсь... Недогляд...

Бойцы, сидевшие в штольне, рассмеялись.

Шуренок стала разливать кашу ковшом в котелки. Командир роты достал из сумки ложку и только хотел приняться за еду, как взрыв наверху потряс штольню. С потолка посыпалась пыль и каменная крошка.

— Поесть спокойно не дадут,— проворчал Ярков, ладонью прикрывая котелок.— Будто метят под самый обед.

Над штольней рвануло еще сильней. Потолок заходил ходуном, казалось, он вот-вот рухнет на головы бойцов.

— К выходу!— крикнул командир роты и сорвал с плеча автомат.— Всем отходить в центральный тоннель!

Бойцы поднялись со своих мест. Зазвякали опрокинутые в спешке котелки с недоеденной кашей. В потолке штольни от стены к стене наискосок разбегалась трещина. Она расширялась на глазах. Политрук Лунин схватил Шуренка за руку и потащил за собой к выходу в центральный тоннель. Оттуда гремели разрывы гранат, сухо, как удары кнута, хлопали винтовочные выстрелы. Голос командира роты раздавался впереди. В тоннеле было темно. Лунин не выпускал руку Шуренка

из своей. Они добежали до проема в наружной стене. Его перегораживали груды камня. Стена полуобвалилась от взрывов. «Где же бойцы, дежурные бойцы отделения, охранявшие вход?» — промелькнуло в голове Лунина. Он выглянул наружу в щель. Из лощины со стороны церкви к колодцу бежали немецкие солдаты.

Под стеной раздался слабый стон. Шуренок включила карманный фонарик. Раненый красноармеец лежал на боку. Ноги его были завалены, по лицу сочилась струйка крови. Шуренок положила фонарик, торопливо достала из санитарной сумки флакон с йодом, перевязочный пакет и забинтовала рану. С трудом она освободила ноги раненого из-под камней, оттащила его от стены в глубину тоннеля и вернулась к Лунину.

Политрук следил в щель за приближением противника. Еще несколько бойцов подбежало к стене. Чертыхаясь, стали отбрасывать камни, завалившие выход наружу. Наверху снова прокатился взрыв. Щель, в которую смотрел Лунин, завалило. Снаружи рухнула часть стены. То, что происходило теперь на поверхности, у колодца, было скрыто от бойцов рухнувшей стеной. Они не видели, как немецкие саперы подвезли к колодцу взрывчатку и взорвали его. От сильного взрыва обрушился подземный ход к воде, пробитый Данченковым. Когда в завале проделали лаз наружу, колодца уже не было. На том месте возвышалась груда камней. После взрыва гитлеровские солдаты доверху завалили колодезную шахту.

Лунин было высунулся в отверстие на поверхность. По камням вокруг зачиркали пули. Одна угодила в приклад автомата и отколола большую щепку. Вражеский автоматчик замаскировался где-то неподалеку и держал под обстрелом из укрытия весь завал.

Рота лейтенанта Яркова сосредоточилась в центральном тоннеле. О том, что фашисты взорвали колодец, сообщили в штаб батальона. Комбат Бурмин приказал уничтожить вражеских саперов.

Лунину удалось выследить немецкого автоматчика. Фашист укрылся у дороги в окопе, за высоким бруствером из камней. Стоило показаться в проеме, автоматчик не жалел пуль. Политрук распорядился выставить в отверстие каску, надетую на штык, а сам затаился у небольшой амбразуры, проделанной под потолком тоннеля. Метким выстрелом из снайперской винтовки Лунин заставил фашиста замолчать.

— Вперед! — он первым устремился на поверхность через проделанный в завале проем. Распрямляясь снаружи, оглянулся назад. Из каменоломни друг за другом выскакивали бойцы.

Лунин увидел среди бегущих командира роты. Ярков бежал, обгоняя других, ловко перепрыгивая с камня на камень. Сверху, где находились вражеские саперы, ударили хлесткие автоматные очереди. Пули, выбивая фонтанчики каменных брызг, ударялись позади. Лунин выхватил гранату и что есть силы бросил ее наверх. Он видел теперь перед собой обрывистый край взорванной каменоломни. Надо было обежать его, чтобы добраться до врага. Пуля со звоном задела каску и сбила набок. Он поправил ее и еще оглянулся назад. Бойцы бежали двумя группами, с левого фланга за ним и с правого — за командиром роты. Мельком Лунин заметил Шуренка, ветер развевал ее волосы. Позади него кто-то упал. Пули вокруг продолжали сечь каменистую землю, рвали воздух над головой.

Атакующие одновременно выбежали из лощины по обе стороны каменоломни. Лунин увидел какие-то ящики не то со взрывчаткой, не то еще с чем, сложенные у дороги, каски немецких солдат в укрытии у грузовика. Политрук Лунин бежал прямо на них, навстречу пулям, стреляя короткими очередями из автомата. Сбоку, позади слышался топот. Справа к траншее, где засели вражеские саперы, перебежками приближались бойцы во главе с командиром роты. Одни падали и уже не поднимались из высокой травы. Впереди Лунина разорвалась граната. Осколки камней ударили в лицо, грудь. Он упал, прижимаясь к земле. «Нет, кажется, не задело...» Сквозь оседающую пыль увидел выскакивающих из траншеи немецких солдат. Пригибаясь, они убегали к дороге, за ряды колючей проволоки. Лунин поднялся на ноги и дал очередь по отступающему врагу. Бойцы обогнали его, приближались к траншее. Оттуда еще трещали выстрелы, но разящая сила огня ослабла. Отстреливались те, кто прикрывал отходящих к дороге, но отстреливались уже второпях, беспорядочно. Несколько бойцов перемахнули через бруствер. Зеленые каски немецких солдат мелькали по траншее и исчезали в ее глубине.

У Лунина кончились патроны в автоматном диске. Он выхватил из кобуры пистолет и побежал вдоль бруствера, усеянного гильзами. Снизу из траншеи хлопнул выстрел. Лейтенант успел заметить искаженное болью и злобой лицо молодого белобрысого немецкого солдата, без пилотки и с засученными до локтей рукавами френча. Приподнявшись из траншеи, он тянулся к нему рукой с зажатом в ней пистолетом. Рука немца судорожно дергалась, но выстрелов не было. Очевидно, кончились патроны. На плече солдата, Лунин успел это заметить, висел языком оторванный погон, и все плечо было залито кровью. Ударом сапога лейтенант выбил пистолет из руки фашиста, выстрелил и скатился в траншею.

От поселка, из-за дороги, по наступающей роте ударили минометы. Разрывы поднимали в воздух комья земли и клубы пыли. Бойцы попрятались от осколков в отбитую у врага траншею. Атака приостановилась. Поставленная комбатом задача была выполнена, немецкие саперы, взрывавшие каменоломни, отброшены к поселку.

В траншее, растянувшейся вдоль каменоломни, разрывы мин не давали поднять головы, над бруствером свистели осколки. У дороги, куда отступили немцы, было заметно оживление, враг готовился к контратаке. Из-за крайних домов показались грузовики и остановились за колючей проволокой, в три ряда отгораживающей поселок от каменоломен. Из машин стали соскакивать на землю солдаты.

Лунин перевел взгляд в сторону катакомб. Там тоже рвались мины. Сердце тревожно заныло. Он увидел Шуренка. Девушка выносила из зоны минометного огня раненого. Она останавливалась через каждые десять шагов, опускала раненого на землю и после короткой передышки снова подхватывала его под руки и тащила к завалу. Иногда мины взрывались совсем неподалеку от нее, и поднятая взрывами земля и дым мешали видеть Шуренка. Тогда Лунину начинало казаться, что это все, конец. Но рассеивалась, оседала пыль, ветер относил дым, и девушка поднималась с земли жива и невредима, бралась за раненого и, напрягая силы, упрямо преодолевала еще несколько метров. Ветер развевал ее золотистые волосы, сбивал их на лицо, трепал по плечам. Она сбросила шинель и была в своей синей вязаной кофте.

Медленно тянулись минуты. Наконец, Шуренок вместе с раненым скрылась в лощине у входа в каменоломню. От дороги с окраины поселка под прикрытием минометного огня немцы, получив подкрепление, бросились в контратаку. Лунин вставил в автомат запасной диск, уперся локтями в бруствер и приготовился к стрельбе. Закатное солнце светило в глаза и мешало следить за приближением противника.

— Огонь!— донеслось с правого фланга. Кричал командир роты, и то, что он жив, обрадовало Лунина.

— Огонь!— крикнул он.

Пули срезали остатки травы перед бруствером, под ноги в траншею сыпалась земля.

Немцы продвигались перебежками, широко растянувшись перед траншеей и намереваясь обойти роту с флангов и отрезать от каменоломен. Вражеская цепь походила на подкову, изгибалась с краев, надвигалась ближе и ближе. Лунин стрелял скупыми очередями. Фашисты ложились и, выждав, когда стрельба стихала, поднимались, пригибаясь к земле, снова

бежали и на бегу поводили дулами автоматов. Он различал расстегнутые на груди солдат мундиры, каски на головах, слышал треск автоматных очередей.

Цепь в середине подковы редела, расстояние между наступающими солдатами увеличивалось. Зато на флангах их скапливалось больше, продвижение здесь замедлилось. Бойцы сосредоточили всю силу огня по флангам. Немцы залегли и стали продвигаться ползком. В траве закопошились каски. Ближе к траншее место было ровным и открытым. Лишь кое-где раскачивались на ветру светло-зеленые кустики полынка, да чернели плешины выжженной и обезображенной взрывами земли. Миновать этот открытый промежуток под пулями фашисты не отваживались. Но удержаться долго на флангах под губительным огнем было невозможно. Несколько вражеских солдат попытались подняться и с криком: «Форвертс!» — бросились наискосок к левой стороне траншеи, где находился Лунин с бойцами.

Первым бежал офицер в фуражке с высокой тульей и с гранатой в откинутой назад руке. На мундире офицера колотился и поблескивал крест. Экономя патроны, Лунин приложился к автомату, нажал на спусковой крючок. Офицер споткнулся на бегу и ничком ткнулся в землю, так и не успев бросить гранату. Почти одновременно по атакующим ударили из автоматов и винтовок бойцы роты. Ни одному солдату не удалось ворваться в траншею. Они так и остались неподвижно лежать там, где их настигли пули.

С правого фланга траншеи, где находился командир роты Ярков, немцы также атаковали, но и там атака была отбита.

Лунин приподнял каску, вытер вспотевший лоб, посмотрел в сторону каменоломен. Кто-то бежал оттуда. Кто? Политрук напряг зрение. Связной? Нет, кажется Шуренок... Синяя кофта, колотится на боку санитарная сумка, развеваются волосы. Зачем она бежит сюда? Ее же заметят немцы. Тогда...

Теперь уже хорошо было видно, что бежала Шуренок. Наверное, за раненым... В груди Лунина тревожно заныло, руки до боли вцепились в край бруствера. Девушку увидали и другие бойцы.

Не добежав метров сто до траншеи, она остановилась, опустилась на колени, раскрыла санитарную сумку, сползла в неглубокую воронку и что-то принялась там делать. Значит, вернулась за раненым. Зачем ей надо было торопиться? Но оттого, что он узнал теперь, почему прибежала Шуренок, ему не стало спокойнее. Немцы пока не стреляли по ней. Но как только она приподнялась из воронки, вытаскивая оттуда бойца, сухо затрещали очереди немецких автоматов.

«Заметили, заметили...»— кольнула догадка, и руки потянулись к автомату. Он выпустил несколько коротких очередей по флангу залегшей вражеской цепи, откуда стреляли по Шуренку, и оглянулся туда, где только что виднелась ее склоненная фигурка в синей кофточке. Девушка ползла, прижимаясь к земле и держа раненого бойца под мышки. Немцы затихли и перестали стрелять. Надолго ли? «Зачем, зачем она вернулась»,— как упрек повторял про себя Лунин. Он щелкнул крышкой автоматного диска. Там осталось всего четыре патрона. И это все. И когда немцы вновь открыли огонь по Шуренку, израсходовал эти последние патроны. Дернулся и не взвелся затвор.

Шуренок продолжала отползать. Пули по какой-то счастливой случайности не попадали в нее. Иногда она почти скрывалась в траве и пропадала из виду. Лунину хотелось выскочить из траншеи и бежать к ней, и он с трудом сдерживал это безрассудное желание. Этим Шуренку не помочь. Но что-то надо было делать. Патроны у бойцов были тоже на исходе. Они стреляли теперь даже не короткими очередями, а одиночными выстрелами. Немцы почувствовали это и вновь попытались ударить с флангов. Над бруствером чаще засвистели пули. Они впивались в землю. Песок и пыль секли лицо, обжигали глаза. На этот раз гитлеровцам удалось ворваться в оставленную ими траншею. Рядом с Луниным вскрикнул и повалился ему под ноги боец с рассеченным пулями лицом. Политрук успел перезарядить пистолет и выстрелил в прыгнувшего на бруствер вражеского солдата. Он покатился вниз, на убитого бойца. Лунин рванул из рук немца автомат и до конца разрядил магазин в бегущих вдоль траншеи фашистов.

Атака и на этот раз была отбита. Оставшиеся в живых немецкие солдаты отошли к поселку.

Лунин вылез из траншеи, вытер грязное, окровавленное лицо и, шатаясь, как пьяный, посмотрел туда, где он последний раз видел Шуренка. Он не мог сказать, сколько прошло времени, когда последний раз ее волосы мелькнули в траве, возле иссеченного выстрелами куста акации, одиноко растущего у каменоломен. Минута или час. Он пошел туда, качаясь, медленно переступая ногами. Но его глаза ничего не видели в том месте, возле куста акации. Значит, Шуренок спаслась. Вот и воронка, откуда она вытащила раненого. Отсюда по траве в сторону каменоломен тянулся полосой след. Скоро он увидит ее там. Увидит, увидит... И вдруг словно темная пелена упала с его глаз. За кустом в неглубокой воронке, вокруг которой чернела выброшенная на траву земля, вверх лицом лежала Шуренок, неестественно раскинув руки. Ветер трепал ее золо-

тистые волосы. На дне воронки шевелился и все пытался приподнять голову раненый боец в пожелтевшей, выгоревшей гимнастерке.

Лунин подбежал к Шуренку и тяжело опустился рядом. Слезы потекли из его глаз.

— Зачем, зачем?..— повторял он сквозь слезы, держа в руках ее еще теплые руки.

Шуренок молчала, глядя недвижными открытыми глазами в закатное багровое небо, и выражение удивления и боли застыло на ее белом, как снег, лице.

17

Две недели старшина Мазин, шофер Ягунова, пролежал в госпитале. Раненая рука заживала медленно. Старшина каждый день просился, чтобы его выписали.

— Чего я здесь лежу, место только занимаю,— донимал он начальника госпиталя.— Люди фрица бьют, а я без дела маюсь.

Мазина выписали. Старшина сложил в свой вещмешок солдатское добро: чистые портянки, нижнее белье, вафельное полотенце, бритву, перекинул за плечо автомат и отправился из госпиталя в штаб. Две недели он не был на поверхности и чувствовал во всем теле слабость. Кружилась голова. Как о чем-то несбыточном думалось о чистом воздухе.

Блуждая в темных переходах, Мазин вышел в центральный тоннель к завалу. Огромные каменные плиты преграждали выход на поверхность. В расщелинах с винтовками и автоматами несли дежурство бойцы. Сквозь трещины и щели внутрь тоннеля голубыми столбами падал свет. Мазин приник к проему наружу, под потолком. Струя свежего воздуха опьянила его. Он закашлялся, щуря отвыкшие от солнечного света глаза. Рядом с ним у проема лежал красноармеец с ручным пулеметом.

— Закурить нет, браток?— обернулся к нему пулеметчик.

Мазин откашлялся, вытер выступившие на глаза слезы:

— Нет, сам у тебя собирался подстрелить.

— Откуда у меня курево, от сырости, что ли,— пулеметчик отодвинулся чуть в сторону, давая Мазину возможность устроиться поудобнее возле проема.

Вверху заработал автомобильный мотор, затем заглох. Пулеметчик выругался:

— Подъехали, душегубы. Теперь жди газовой атаки.— И не спеша стал расстегивать противогазную сумку.

— Гранаты есть?— решительно спросил Мазин.

— Не суйся... Пока не поздно — жми до ближнего газоубежища. Иначе без противогаза пойдешь к богу в рай. Понял?

— Понял... Давай гранаты,— со злой настойчивостью потребовал Мазин.

— Я смотрю, тебя не отговоришь,— пулеметчик отцепил от ремня две противотанковые гранаты.— Упрямый.

Мазин здоровой рукой засунул гранаты — одну под ремень, другую в карман:

— Таким мать родила...

Он сбросил вещмешок и протиснулся сквозь отверстие наружу.

Наверху у саперов что-то не ладилось, слышались удары по чему-то металлическому, доносилась хриплая перебранка. Наружная стена обвала, прижимаясь к которой лежал Мазин, неровными уступами поднималась вверх метров на семь и ко-

зырьком нависала над ним. Среди камней повсюду, будто рассыпанные пригоршнями, валялись осколки снарядов и мин, винтовочные гильзы.

Что делали немцы наверху, Мазин не знал, он не видел их. «Только бы успеть забраться наверх,— думал он.— Там станет видно, что делать... Лишь бы не погибнуть сейчас, вот здесь, у стены...» Он боялся погибнуть, не осуществив своего замысла.

Он не хотел терять жизнь бесполезно, бессмысленно. Все для него заключалось теперь в одном — добраться до верха незамеченным и попытаться взорвать вражескую газовую установку. Цепляясь за выступы в скале, Мазин поднялся вверх метра на четыре. Фашисты не стреляли.

«Не заметили... или задумали играть, как кошка с мышью». Еще осталось немного. Большая серая плита ракушечника, нависшая козырьком, была рядом, но она мешала ему. Он прополз под плитой по выступу, цепляясь за острые края, чтобы не сорваться вниз. Выбрал место, где удобнее встать на ноги и приготовиться к броску. Это была расщелина с кустом сирени наверху. Скала в этом месте обвалилась при взрыве, но сирень уцелела на самом краю. Солнце светило из-за скалы, и в его свете куст, казалось, горел светло-зеленым огнем. Лишь одна ветка была перебита пулей или осколком и, надломленная, свешивалась вниз. Листья на ней свернулись, порыжели.

Мазин собрал все силы, подтянулся на здоровой руке и перевалился на верхний, последний уступ. Отсюда можно было одним прыжком выскочить на поверхность каменоломен. Старшина приподнял голову и выглянул из-за сирени. Автомобиль с газовой установкой стоял напротив. Два гитлеровца с автоматами наготове шли от машины прямо на него. Он успел дать по ним очередь из автомата и выпрыгнул из укрытия. На бегу выхватил из кармана гранату и швырнул в автомашину...

Жгучая боль пронзила Мазину грудь. Один из автоматчиков, оставшийся в живых, лежа на земле, почти в упор бил по нему короткими очередями. Падая, но все еще отчетливо видя автомобиль, он бросил вторую гранату. Теперь он знал, что сделал все, что хотел сделать. Сознание этого еще жило в нем, а сам он лежал без движения, распростертый на каменистой, нагретой солнцем земле, и ничего не чувствовал больше, ничего не слышал. Примятый кустик полыни торчал под головой, но он не видел ни этого маленького сизого кустика, ни большого синего неба, ни яркого солнца. Неподалеку горела, чадила удушливым дымом взорванная машина, и запах этого дыма и отравляющего газа из пробитой желтой автоцистерны дурманил чистый утренний воздух.

18

Взрыв наружнего колодца лишил подземный гарнизон воды. Из скудных запасов на каждого бойца выдавали по половине стакана в сутки. Защитники каменоломен умирали от жажды.

День и ночь не прекращалась работа в подземном колодце. Саперы под руководством камнереза Данченкова упорно пробивались сквозь камень к воде. Пядь за пядью, выбиваясь из последних сил, люди штыками долбили неподатливую скалу. Круглая шахта ушла в глубину на двадцать пять метров. Воды все не было. С затаенной надеждой встречали саперы каждое ведро из глубины. И каждый раз ведро было наполнено камнем. Скрипел колодезный ворот, и снова ведро опускалось вниз, а куча щебня, выброшенного в отвал, росла и росла.

Слабость валила саперов с ног. Отдыхали у костра, вспоминали довоенную жизнь.

— И во сне еда с ума не йдет,— шуткой подбадривал бойцов Данченков.— Вздремнул сейчас, а перед глазами, даже самому не верится,— полный чугун наваристого борща. Ну, думаю, теперь досыта нахлебаюсь. Полез в сапог скорее за ложкой, достал, разогнулся — борща и след простыл. Вроде и не было. С досады даже проснулся. И во сне похлебать не пришлось, вот оказия какая!

— Какие у меня дома жинка щи готовила,— вздохнул рябой солдат, прикручивая обрывком телефонного провода оторванную подошву сапога.— Такие щи, прямо объеденье. Придешь домой, я на элеваторе грузчиком работал, умоешься, честь по чести, за стол ужинать сядешь. Жена этих щей из печки достанет. Снимет сковородку с чугуна — дух на всю избу. Таких щей ни в одном ресторане днем с огнем не сыщешь. Навару сверху на палец. Схлебаешь этих щей полную чашку — и сыт по горло,— рябой полоснул ладонью по худой, заросшей черной щетиной шее.— С хорошей еды и сила во мне была. Мешки с зерном по одному на каждое плечо навалишь, несешь — хоть бы что. Вот оно что значит харч. Сейчас дай — и полмешка не унесу. Ветром качать стало.

Рябой сапер прикрутил подошву, приподнялся с кучи щебня, топнул ногой:

— Порядок... А то и сапог каши просил.

На дне колодца три раза постучали об ведро — сигнал подъема наверх. Бойцы стали вращать рукоятку ворота. Струной натянулся трос, накручиваясь на барабан. Над отверстием колодца показалась голова в каске, плечи. Еще один поворот барабана — и боец уперся ногами в доски, положенные попе-

рек колодезной шахты, выпростал из-под себя деревянный брусок, привязанный к тросу. Шатаясь, подошел к костру и обессиленно повалился на кучу щебня.

— Ну что?— спросил Данченков.— Никаких признаков?

Боец покачал головой, сплюнул тягучую горькую слюну:

— Никаких... Сплошной камень, кажется, конца ему не будет. Сил больше нет... Одна злость осталась. Руки в кровь сбил. Штык не выдержал — сломался.

— Зубами будем грызть камень, а до воды дойдем,— решительно сказал рябой сапер. Он сдвинул пониже на лоб каску и стал спускаться в колодец.

Данченков выбрал из отвала кусок ракушечника, подошел поближе к огню и долго вертел камень в ладонях, рассматривая его со всех сторон. Задумчиво произнес:

— Еще метра полтора-два и начнется водоносный слой. Камень помягче пошел, с прожилками песка.

Камнерез потуже затянул ремень поверх ватника, привязался к тросу. Саперы начали спуск. Узкая горловина колодца щербатилась острыми краями. Трос раскачивался, и Данченков задевал за края плечами. В самом низу на дне желтым пятном светился фонарь. Глухой стук доносился из глубины. Данченкову казалось, что он летит в преисподнюю. Работавшие внизу двое саперов заметили его и прижались по сторонам шахты, освобождая ему место.

Работать втроем в каменном мешке было тесно. Не хватало воздуха. Фонарь моргал: язычок пламени метался из стороны в сторону, словно пойманный мотылек. Болела спина, ныли руки, с трудом разлипались губы, жесткие, как корка. Не выдержал, ничком ткнулся на кирку молоденький боец. Рябой сапер посветил ему в лицо фонарем.

— Скорее наверх,— прохрипел Данченков.

Они привязали парня к тросу. Он был без сознания и часто-часто хватал спертый воздух открытым ртом. Наверх просигналили: поднимать! Трос напрягся и пошел вверх.

Данченков и рябой сапер остались на дне колодца вдвоем. Сантиметр за сантиметром крошился камень под ударами кирки и штыка. Упорство людей было тверже камня. Он уступал. Моргнул и погас фонарь. Плотный мрак сомкнулся и затопил дно колодца. В темноте на ощупь собрали каменную крошку в ведро. Сапера бил затяжной кашель. Откашлявшись, он стал шарить в кармане спички.

— Не трать,— сказал Данченков.— Фонарь все равно гореть не будет. И нам надо скорее наверх. Иначе задохнемся. Воздух весь выдышали. Придется подождать, пока хоть немного просвежится.

Сапер все-таки нашел спички, долго чиркал по обшарпанному коробку. Наконец ему удалось зажечь. Огонек трепыхнулся и показался неожиданно ярким. Он бережно поднес его к фонарю, коснулся фитиля.

— Ну вот, видишь, горит. Значит, есть еще кислород.

Они склонились над светлым трепетным лепестком. Им хотелось, чтобы он не умирал... Они смотрели на него, боясь погасить своим дыханием, и старались не дышать. И огонек горел, освещая щербатые стены колодца.

— Живет!— сапер опустил стекло фонаря.— Если огонь живет, и мы будем жить. Фриц нас газами душил — не задушил. Теперь здесь, у самой воды, я из мертвых встану, а водички досыта напьюсь.

Сверху кричали, кто-то спускался вниз, луч электрического фонарика скользил по стволу колодезной шахты.

— Что случилось?— командир взвода саперов, спустившийся в колодец, соскочил на выступ возле Данченкова.— Почему погас фонарь?

— Воздуха не хватает,— камнерез тяжело задышал в лицо комвзвода.— Фонарь потух. Мы спички нашли, снова свет восстановили.

— Немедленно наверх! Я приказываю, Николай Семенович,— распорядился командир взвода.

Молоденький сапер, вытащенный из колодца, лежал на куче щебня у костра и бредил. Ему расстегнули ворот гимнастерки. Во фляжках ни у кого не нашлось ни глотка воды, чтобы дать парню. Павлик сложил из плит стенку до верха штольни, приник к потолку губами и принялся сосать камень. За несколько минут ему удалось таким образом добыть с полстакана воды. Шатаясь, с кровоточащими, истрескавшимися губами, он подошел к отцу и отдал ему фляжку. В ней было несколько глотков. Данченков влил их в рот бредившему бойцу.

Через сутки саперы пробились к воде.

Вода! Она сочилась со дна колодца. Долгожданная, спасительная. Она сочилась сквозь камень, скупая, как солдатская слеза. Тридцать метров каменной толщи скрывали ее от измученных, изможденных голодом и жаждой людей. Тридцать метров твердой скальной породы. Не все дождались этой воды, так и не утолив смертельной жажды.

Данченков при свете фонаря руками осторожно расчищал водоносную жилу. Она билась упругими толчками, все сильнее, сильнее, заполняя водой углубление на дне. Камнерез снял с

головы каску, зачерпнул воды и вылил в ведро. Он наполнил его до краев и подергал за трос. Ведро, расплескиваясь, поплыло вверх.

Вода все прибывала. Данченков зачерпнул каской и долго, не отрываясь, пил.

Осмотреть колодец прибыли полковник Ягунов и начштаба Сидоров.

— Отведайте, Павел Максимыч, своей водички,— Данченков подал командиру полную кружку.

Ягунов отхлебнул несколько глотков, передал кружку Сидорову:

— Пейте. Надо немедленно организовать доставку воды в госпиталь и на кухню.

Полковник подошел к колодцу, снял фуражку и заглянул в отверстие. Оно зияло как открытый рот, и щербатые края отверстия напоминали истресканные губы. Он включил фонарик и посветил внутрь. Глубоко внизу блеснул, отражая свет, живой глазок воды.

19

Командир роты лейтенант Ярков во время ночной атаки прикрывал отход в каменоломни. Постепенно стихла перестрелка, подземные бойцы вернулись в катакомбы, захватив с собой отбитое у врага оружие, продовольствие, боеприпасы. Ярков лежал за выступом скалы на поверхности у выхода и прислушивался к тишине, сжимая в руках автомат. Близился рассвет. Сверху донесся шорох. Кто-то осторожно спускался вниз.

Ярков отодвинулся за скалу, тихо окликнул:

— Кто?

— Свои,— отозвался женский голос. Это была связная керченских партизан, посланная в каменоломни. Она обошла скалу, за которой лежал Ярков, и он, не сводя с нее автомата, поднялся навстречу.

— Я провожу вас в штаб батальона,— он пропустил девушку вперед. Узкая щель под скалой едва различалась. Они протиснулись внутрь. Ярков завалил выход камнем.

— Как здесь темно,— проговорила связная, включая электрический фонарик.

Ярков перекинул автомат за плечо:

— Вы не боялись, что вас могли убить?

— Когда идешь на задание, лучше не думать об этом,— сказала связная.

Они пробирались в темноте по каменному лабиринту подземелья. На поверхности один за другим раздались взрывы. Фашисты с рассветом начали свою разрушительную работу. Стены каменного коридора содрогнулись, сверху посыпались камни. Ярков остановился, прижимаясь к углублению в стене и закрывая собой девушку.

Они вначале не представляли, что случилось, и пытались пробраться дальше, но проход впереди оказался заваленным рухнувшими глыбами. Пришлось повернуть назад. И когда на обратном пути им встретился еще завал, стало понятно, что положение безвыходно. Коридор оказался завален с обеих сторон, и они долго и безрезультатно обследовали каменные стены, освещая их фонариком.

— Побереги батарейку,— сказал Ярков, садясь у стены.

Девушка села рядом.

— Что будем делать?

— Попытаемся разобрать завал.

Это было безнадежным делом, но он сказал так, чтобы успокоить ее. Отстегнув от пояса гранаты, Ярков сложил их в углубление у стены рядом с автоматом, пошел к завалу.

Острые камни врезались в руки. Он отбрасывал их вниз от потолка коридора, освобождая узкий лаз, и казалось, что прошла целая вечность, а он продвинулся лишь на полметра. Тяжелые глыбы известняка оттаскивали вместе, пока не натолкнулись на большой обломок скалы. У них не хватило сил сдвинуть его.

— Я не могу больше,— сказала девушка.— Давайте отдохнем.

Он посмотрел на нее и молча согласился. Она выключила фонарик.

— Этот камень попался совсем некстати. С мелкими мы справлялись легко.

— Попытаемся справиться и с этим.

— Каким образом?

— У нас есть гранаты. Надо только кусок провода или проволоки. Посвети-ка наверх.

Луч света уперся в потолок тоннеля.

— Вот сюда, левее. Где-то должна быть электрическая проводка.

— Вижу,— сказала девушка.

— Остаток прежней роскоши,— Ярков вытер липкий пот с лица полой ватника.— Хочешь глоток воды?

— Нет. Я еще потерплю. Воду тоже надо беречь. Скорее бы разобрать завал. Нелепо погибать, не выполнив задание.

— Никто не собирается погибать,— Ярков рассчитывал, что

завал начнут разбирать навстречу им, с противоположной стороны. Но он знал и другое: людей оставалось мало, и завалы просто не успевали расчищать.

Связная сидела рядом: он слышал ее горячее дыхание у своего лица. Свинцовая усталость разливалась по телу. Ярков задремал, словно провалился в черную яму. И сразу исчезли боль, усталость и жажда, которые мучили и одолевали его.

Когда он проснулся и открыл глаза — мрак преисподней был вокруг и немая тишина. Ярков протянул руку и наткнулся на плечо девушки. Она включила фонарик.

— Я не хотела будить тебя. Ты так долго спал. Возможно, мне показалось, что долго. В темноте теряешь представление обо всем. И о времени тоже. Можно сойти с ума. Одна я не вынесла бы здесь... У какого-то писателя есть рассказ об отце, воспитавшем своих сыновей под землей. Они никогда не видели солнца. Увидев солнце, сыновья должны были погибнуть. Они знали об этом, но с нетерпением ждали выхода из-под земли, к свету...

Луч фонарика высвечивал из тьмы нежный овал девичьего лица. Ярков встал, чтобы принести гранаты. Девушка пошла за ним, спотыкаясь о камни. Он снял с себя ватник.

— Надень и оставайся здесь. Я сейчас вернусь.

Гранаты были противотанковые. Он привязал проволоку к одной так, чтобы сорвать предохранитель, далеко протолкнул ее под обломок скалы и завалил камнями. До другого конца провода было метров пятнадцать. Он сложил впереди себя невысокую стенку из камней, улегся за ней и дернул за провод. По тоннелю глухо прогрохотало, посыпались обломки камня. Кусок плиты раскололся. Пришлось взорвать еще одну гранату, чтобы освободить проход. В горле першило от каменной пыли, и никак не удавалось сдержать приступ кашля. Во рту появился тошнотворный привкус.

— Что с вами?— спросила девушка.

— Пустяки, пройдет...

— Выпейте воды.

Он отвинтил крышку, поднес фляжку к пересохшим губам, с трудом удерживаясь от больших глотков.

— Возьми,— он протянул ей воду.— Здесь еще есть немного.

Через сутки, а они не знали, что прошли сутки, им удалось расчистить узкий проход в завале на несколько метров. Чаще и чаще приходилось отдыхать. Во фляжке не оставалось ни капли воды, и все слабее светил фонарик. Работали на ощупь. Глухо стукались камни, откатывая вниз от потолка.

Так они разбирали завал. И вновь натолкнулись на огромную глыбу, осевшую с потолка коридора до самого пола. Им стало ясно, что с этой глыбой не справиться. Фонарик совсем померк. Сдавленный темнотой, свет все уменьшался, на полу перед ними оставалось небольшое желтое пятнышко. И впервые за все время девушка заплакала, уткнувшись мокрым лицом в плечо Яркова, и он слышал, как она плачет, вздрагивая телом.

— Перестань!— собственный голос показался ему жестким и чужим.— Мы пробьемся и через эту скалу. Будем долбить ее автоматом, ножом. Успокойся. Перестань.

Она долго не могла успокоиться. Он гладил ее плечи, лицо, а молчаливый мрак обступал их со всех сторон. Ничьи голоса не проникали сюда сквозь толщу камня, и неизвестно было, что происходит за обвалом. Лишь изредка доходили слабые толчки отдаленных взрывов, и тогда с потолка и стен осыпалась каменная крошка. Иногда камушки падали через ровные промежутки времени, и казалось, что это падают капли воды.

— Будь у нас вода, нам не о чем было бы беспокоиться,— сказал он.— Завал преградил путь к северо-западному сектору. Его обязательно разберут. Надо держаться.

Девушка успокоилась.

— Да, надо держаться. Установить связь с гарнизоном каменоломен — мое первое партизанское поручение. Я должна передать сведения о защитниках катакомб руководству партизанского подполья. Фашисты распространяют в городе слухи, что дни подземного гарнизона сочтены.

Ярков взял руку девушки в свою.

— Это брехня... Вы скажете об этом, когда вернетесь. Гарнизон продолжает и будет продолжать борьбу.

— Я передам...— Девушка помолчала.— Если удастся. Если бы удалось... Вы до войны не были в Керчи?

— Не довелось...

Девушка улыбнулась. Он не видел, что она улыбнулась, но знал, догадался об этом.

— Город возродится из пепла, как сказочная птица Феникс. Мы пройдем по его улицам в мирное время. Поднимемся на гору Митридат. С горы виден весь город и море. На море никогда не устанешь смотреть. Оно всегда разное. Я в сорок первом окончила школу. Мечтала стать художницей. Мечтала писать море...

Стены коридора содрогнулись. Ярков насторожился. Взрыв был где-то неподалеку. Он привстал на колени, вслушиваясь в наступившую тишину.

— Может быть, расчищают завал...

— А если это фашисты?

— Живыми не дадимся. У нас есть патроны. И две гранаты.

От слабости у Яркова кружилась голова, и ему начинало казаться, что по ту сторону скалы слышатся разговор и стук. Неужели это галлюцинации?

— Вы не слышите голосов?—Он ждал, что скажет девушка.

— Нет...

— Очевидно, мне показалось.— Он отполз к завалу. Но и отсюда ничего не было слышно. Темнота разъединила их, замкнутая со всех сторон каменными стенами.

Оставались еще две гранаты, и Ярков с трудом отыскал их там, где они лежали, в углублении у стены, рядом с автоматом, холодные и гладкие на ощупь, как отполированные камни. Обессиленный, он привалился спиной к стенке.

— Почему вы молчите?—словно издалека услышал Ярков голос связной. Он хотел ответить. И снова, теперь уже ближе, прогрохотал взрыв. Девушка подползла к нему:

— Слышите!

С той стороны завала несколько раз ударили о скалу, потом опять раздался взрыв. Завал разбирали наши саперы. Хорошо слышались и голоса работающих. И теперь Ярков и связная знали, что это свои и что они спасены.

20

На краю поселка Аджимушкай в церкви немцы устроили склад взрывчатки и авиабомб. Фашистские саперы подвозили взрывчатку и бомбы на автомашинах к каменоломням, закладывали в пробуренные над подземными помещениями шурфы и производили взрывы. Командование гарнизона решило уничтожить вражеский склад.

Полковник Ягунов и начальник штаба Сидоров посоветовались с Данченковым. Ягунова интересовал вопрос: нельзя ли выйти к складу подземным ходом, пробить отверстие в полу и устроить взрыв.

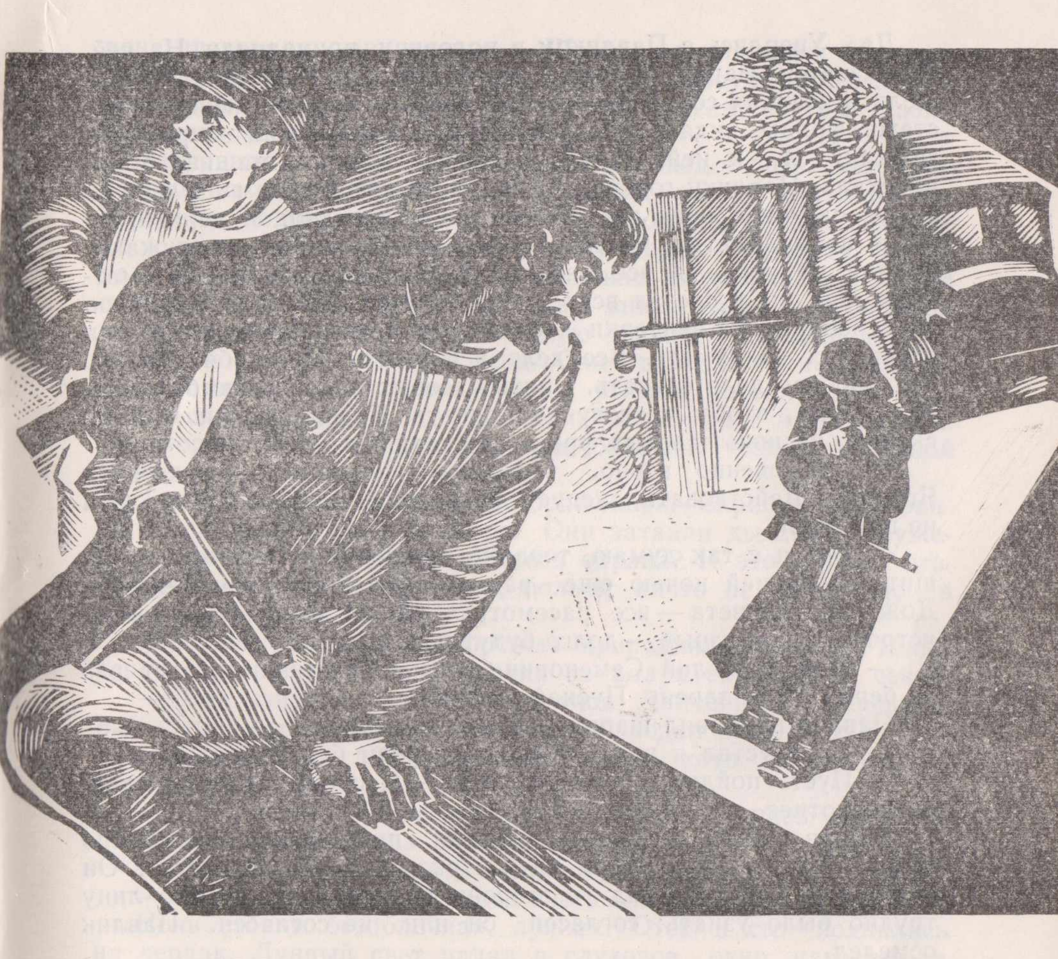
Пожилой каменотес вместе с Павликом ушли обследовать ближайшие к складу подземные выработки. Отец и сын долго не возвращались. Ягунов беспокоился: не попали бы под обвал.

Вернулись Данченковы через сутки. Командир угостил обоих горячим чаем:

— Ну, где пропадали?

Данченков-старший прихлебнул из кружки, опустил глаза.

— Рассказывай, рассказывай,— Ягунов достал из стола схему каменоломен.

— Не много мы выходили, Павел Максимович,— тихо проронил Данченков.— Близко к церкви нет ни одного тоннеля. Лазили-лазили. Все напрасно. Под землей к складу не пройти. Тогда мы с Павликом решили выбраться на поверхность под самым носом у фрицев. Как раз напротив церкви, через дорогу. Вот в этом месте,— камнерез отчеркнул ногтем на схеме.— Разыскали подземный ход и ползком пробрались в подпол того самого дома, о котором я вам когда-то говорил. Сидим, слушаем — нет ли в дому немцев. Чуем, вроде тихо.

— Только мыши пищат,— вставил Павлик.

— Мыши — шут с ними,— продолжал отец.— Уперся я плечом в половицу у стенки — не поддается. Что такое? Знаю, половица не прибита, должна открыться.

Да... Уперлись с Павликом в половицу, приподняли. На ней, оказывается, лавка стояла у самой стены. Вылезли. Сквозь щели в ставнях солнышко светит, дверь в коридор из избы настежь, фрицы, видать, расхлебянили. А коридорная закрыта на защелку. Я — к ней. Задвинул засов. Слышно, машина мимо проехала. Павлику говорю: «Караупь у двери». Сам на чердак. Через слуховое окно все как на ладони видно. У церкви, до нее с полкилометра, машина стоит, немцы ящики разгружают. Уехала машина — я все наблюдаю. Охрана — четыре автоматчика. Так бы и срезал всех, руки чешутся. Уж больно хорошо их с чердака из винтовки достать. Да нельзя прежде времени переполох поднимать. Все дело испортишь. Про себя смекаю, как удобнее дело сделать. Снять часовых надо ночью без лишнего шума, чтобы тревогу не поднять. Только сперва узнать, сколько на ночь часовых фрицы выставляют.

— Совершенно верно, Николай Семенович,— согласился Ягунов.— Действовать следует наверняка. Чтобы комар носа не подточил.

— Вот и я так думаю, товарищ полковник. Поэтому разрешите нынешней ночью еще раз сходить туда, понаблюдать. Дождусь рассвета — все рассмотрю. А на следующую ночь устроим такой взрыв — долго будут вспоминать.

— Иди, Николай Семенович. Только Павлика на этот раз не бери. Устал парень. Пускай отдохнет.

Павлик поправил шапку, заерзал на стуле.

— И не устал я вовсе. Мы по очереди будем наблюдать.

— Пусть пойдет,— попросил отец.— Я с ним привык. Вдвоем поохотнее.

Ягунов ничего не сказал. Павлик продолжал беспокойно ерзать. Пустят его с отцом идти в разведку или не пустят? Он осторожно косил взгляд в сторону полковника. По его лицу трудно было узнать: согласен он или не согласен. Павлик осмелел.

— Я и один не боюсь пойти в разведку, если надо.

Ягунов притворно нахмурил густые брови, но Павлик заметил за стеклышками пенсне смеющиеся глаза полковника. «Значит, разрешит!» — он чуть не подскочил со стула.

Ягунов выдвинул ящик стола.

— Раз отец просит — тут ничего не поделаешь. На, держи,— он протянул мальчику электрический фонарик.— Трофейный. Тебе, как разведчику, дарю. Бери, бери...

Павлик так и просиял, даже спасибо забыл сказать.

Ночью Данченковы отправились на свой наблюдательный пункт. Николай Семенович прикрутил фитиль фонаря, чтобы поменьше выгорело керосина. Шли молча. Несколько раз ох-

рана проверяла у них пропуска. Штольни и коридоры были наполнены густым мраком. Лишь в отсеках газоубежищ, где располагались подразделения гарнизона, горели костры, своим чередом шла воинская жизнь.

Миновали поворот, за которым был вход в штольню с потайным выходом. Павлику не терпелось скорее выйти на поверхность подземелья, взобраться с отцом на чердак, затаиться и вести наблюдение за врагом. Фонарик — подарок Ягунова — был у него пристегнут к пуговице на фуфайке. Иногда отец просил сына посветить, а сам внимательно разглядывал стены каменных коридоров, каждую трещину, каждый выступ.

Вот и засыпанный ими вход. Они отвалили от него камни, пригибаясь вошли внутрь. Павлик пыхтел позади отца; пробираться приходилось где ползком, а где и на четвереньках. Просторно было лишь в подполе, большой четырехугольной яме.

Тишина дома казалась настороженной. Скрипнула половица. Отец тронул сына за плечо. Они затаили дыхание. Неужели на ночь в доме расположилась охрана? И это могло быть. Но сколько ни вслушивались, больше ничто не выдавало в доме чьего-то присутствия.

Николай Семенович осторожно приподнял половицу. Испуганная кошка метнулась с печки на пол и скрылась в сенях.

— Вот шишига!— тихо выругался Данченков.— Перепугала!— Отец протиснулся боком наверх, подал руку сыну.

— Кошка, что ли?— спросил Павлик, хотя догадался, на кого это выругался отец.

— Она самая. Домоседничает без хозяев, мышей ловит.

Павлик вытер с лица липкую паутину:

— Хорошо бы ее с собой взять... Крыс ловить.

— Они ее, сынок, сами в два счета слопают.

Ночь стояла безоблачная, лунная. Отец и сын поднялись на чердак. Лунный свет падал в слуховое окно, нагретая за день черепичная крыша дышала теплом.

Улицу, церковь через дорогу было хорошо видно. Тень от колокольни доставала чуть не до самой дороги. Под колокольней по обе стороны прохаживались четыре солдата в касках и с автоматами. Охранники сходились у двери, обходили церковь по двое и снова сходились у колокольни.

— Светлынь какая! День и день,— прошептал Павлик.

— Да,— вздохнул отец.— В такую светлынь попробуй сунься к церкви незаметно... Надо невидимкой быть... Ты, сынок, ложись отдохни, а я понаблюдаю.

Под крышей на слеге висели полынковые веники. Павлик снял связку и улегся у печной трубы. Веники пахли сухим

настоем, чуть горьковатым и пряным. Дома на чердаке мать тоже всегда хранила веники из полынка. Павлик ходил с ней и сестренкой за полынком в степь за Керчь. Мать любила собирать разные травы, рассказывала, чем полезна каждая. Слушать ее было интересно.

Павлику представилось, что он лежит не на чердаке заброшенного дома, а в степи на теплой, нагретой солнцем земле, среди зеленых кустиков душистого полынка. Высоко в небо взлетают жаворонки, и льются, льются с небесной высоты звонкие радостные трели.

Он незаметно задремал, и все смешалось, поплыло перед глазами: сестренка с букетиком синих подснежников, мать у жарко горящей печки, отец с фонарем в руке.

Данченков стоял у слухового окна, наблюдая за часовыми. Затарахтел мотоцикл из-за церкви со стороны поселка и промчался по дороге на Керчь. Снова все стихло. Из соседнего дома, стуча сапогами, вышли четыре немецких солдата и, переговариваясь, затопали к складу. «Смена караула,— подумал Данченков.— Так вот где у них караульное помещение. Под боком. Следует поиметь в виду». Сменщики подошли к церкви. Они постояли, покурили. Четверо, отстоявших на посту свое время, направились к тому же самому дому. Они прошли совсем рядом за углом, не подозревая, что за ними следят с чердака.

На рассвете отец разбудил Павлика.

— Что, сынок, выспался? Пора уходить...

Луна стояла за домом, под крышей сеялась серая полутьма.

21

Днем Данченков отдыхал в штольне рядом со штабом, где жили разведчики. Жену и дочку после первой газовой атаки Николай Семенович через подземный ход вывел к заводскому поселку, откуда они пробрались благополучно домой в Керчь.

Вернувшись с наблюдательного пункта, он подробно доложил в штабе о том, что ему удалось увидеть. До обеда успел хорошо выспаться и чувствовал себя бодро. Ночь, проведенная на свежем воздухе, действовала на организм подобно чудесному лекарству. В штольне, кроме Данченкова и Павлика, находилось еще пятеро разведчиков. Сержант Михеев брился у костра безопасной бритвой, глядя в осколок зеркала. Рядом с ним сидел Павлик.

— Что, в гости готовишься?— весело спросил Данченков.

— Немного надо себя образить,— в тон ему усмехнулся Михеев.— А то фриц испугается незваных да небритых, пло-

ко встретит. Я люблю, когда меня шнапсом встречают, шнапсом провожают. Раз у меня была такая оказия... Добреюсь — расскажу. Два дела сразу делать нельзя — и языком трепать, и бриться. Порезаться могу.

— После тебя, Михеев, моя очередь бриться,— Данченков подошел к костру.— Мне тоже вроде не годится фрицев пугать.

— Подходи кому не лень...— Сержант подпер щеку изнутри языком и усердно стал скрести черную густую щетину.

Павлик с нетерпением ждал, когда Михеев побреется. Ему хотелось поскореее услышать рассказ разведчика. Напротив Павлика на большой глыбе ракушечника примостился командир разведчиков лейтенант Шилов в опаленной шинели и что-то записывал в общую тетрадь. Лейтенант вел дневник и в свободное время заносил в него события из жизни подземного гарнизона.

— Ладно, сойдет,— Михеев оглядел себя в зеркальце.— Сразу на десять лет помолодел. Держи, Семеныч.

Данченков взял бритву.

— Вы что-то рассказать хотели,— не выдержал Павлик.

— Ладно, так и быть, расскажу,— махнул рукой Михеев, весело морщась.— Дело было этой зимой за Камыш-Буруном. Наш резервный батальон там десантом высадился. На другую ночь посылают в разведку. Тьма непроглядная, дождь, ветер. Хороший хозяин в такую погоду собаку не выгонит. Ну а нам, известное дело, не привыкать. Самое время. Отправились. Наказ командира — «без языка не возвращаться» — в голове держим. Промокли до нитки, с ориентира сбились. Что ты будешь делать? Ищем немцев, а их и след простыл. Отступили. Лазили-лазили по грязи — наткнулись на какой-то хутор.

Пробрались огородами к одному дому, притаились за сараем. Смотрим, открывается дверь, вышел кто-то — не разобрать в темноте. Стал спускаться с крыльца, видно, поскользнулся, выругался по-немецки... Мы — ухо востро. А немец прямо к сараю, сам в наши руки прет. Сцапали его. Офицер оказался. С перепуга не пикнул. Хотели уходить. Я немцу рот варежкой заткнул. Чтобы не заорал случаем. Чую, от него спиртным так и прет. Пьяный в стельку. Чего еще? Язык есть, прямо подфартило!

Своим говорю: «Обождите, ребята, надо в хату заглянуть». Приготовил гранату, сунулся к окну. Смотрю: лампа над столом горит, на столе закуска, бутылки стоят. И двое офицеров меж собой балакают. Об чем — не разберу. Все гут да гут. Ладно... Думаю про себя: надо вам компанию составить, а то третьего не хватает. Вдвоем пить не гоже... Сам тихонечко отошел от окна да к двери... Гранату в руки. «Хенде хох!» им

скомандовал. Они, понятное дело, не особенно обрадовались, но тут, как говорится, деваться некуда. Кликали гостей черти с лыками. Хочешь не хочешь, а принимай в компанию. Правда, мы долго засиживаться за столом не стали, погрелись шнапсом, хоть он и не про нашу честь был приготовлен, да и восвояси. Захмелевших хозяев с собой прихватили.

Дорогой хмель у них быстро выветрился. Нам назад куда веселее было возвращаться, и ветер в спину. Вот, значит, такое дело было. Кое в чем я немного лишку прибавил. Без этого какой рассказ! Ну, а что пьяных фрицев мы без единого выстрела взяли, был такой факт. Да мало ли других случаев было и поинтересней...—Михеев потрепал Павлика по голове.— Вот так, Павлуха. У меня дома такой, как ты, парень растет. Любители мы с ним по грибы ходить. Грибов у нас в рязанских лесах — косой коси. И грузди, и рыжики, и волнушки. На всю зиму припасали. Рязанский наш край всем богат: зверем, птицей и рыбой.

Шилов перестал писать.

— Мы, Михеев, с тобой земляки. Я ведь тоже рязанский.

— Ну,— удивился старшина.— Где только своих ни встретишь. Вы, товарищ лейтенант, в какой части раньше воевали?

— В дивизии у Ягунова. Он у нас командиром был одно время до назначения на новую должность.

— Значит, хорошо его знаете?

— Знаю.— Шилов спрятал тетрадь в полевую сумку.— Я его еще по Бакинскому пехотному училищу знаю. Довелось у него учиться тактике. Курсанты его любили. Строгий, но справедливый. Мне училище пришлось перед самой войной окончить. Полковник Ягунов, мы его батей звали, тогда заведовал кафедрой тактики. Любимая его поговорка: «Тяжело в учении — легко в бою». Суворовская поговорка.— Шилов задумался, глядя на огонь из-под длинных, как у девушки, ресниц.— Зимой сорок первого училищный батальон находился на многодневных учениях далеко от города, в горах. С нами был Ягунов.

Помню, поднялся ураган, метель — зги не видно. Дороги к лагерю замело — ни пройти ни проехать. Батальон остался без продовольствия. Ждем, когда из училища машины проберутся. Ягунов в самый разгар метели взял с собой двух курсантов и ушел с ними в город. Как они добрались до училища в такую круговерть — не знаю. На другой день пурга еще сильнее разбьюжилась, не унимается. Смотрим — две танкетки к лагерю подошли. Полковник вернулся! Продовольствие доставил.

Случалось, на занятиях по тактике примешь решение отступить — потом перед Ягуновым краснеть приходилось. Не в его характере были такие решения. Проанализирует снова вместе поставленную задачу и докажет несостоятельность отступления. Потом я Павла Максимовича здесь в Крыму встретил. Не думал, что под его командованием воевать придется. А пришлось. В дивизии он о себе хорошую память оставил. На днях на докладе в командирской штольне сижу. Пристально так на меня посмотрел, улыбнулся: «Из Бакинского училища?» — Узнал меня...

По лицам разведчиков было заметно, что они довольны рассказом про своего командира.

22

Ночью группа разведчиков отправилась взорвать склад. Данченков и Павлик пошли провожатыми. В дом напротив церкви пробрались подземным ходом.

По черепичной крыше накрапывал дождь. Луна пряталась за тучами. С чердака Данченков всматривался в слуховое окно. Церковь тонула в темноте.

— Ночка самая подходящая,— сказал сержанту Михееву Данченков.— Как по заказу.

Сержант ничего не сказал, молча согласившись с камнерезом. Он был назначен командиром группы и отвечал за уничтожение склада. Михеев раздумывал, как лучше снять часовых. Без шума. Иначе немцы поднимут тревогу. Тогда дело примет нежелательный оборот и вряд ли удастся живыми вырваться из заварухи. Темная ночь, конечно, выдалась на руку. К складу можно подобраться незаметно. Но темнота скрывала часовых. Может, немцы усилили охрану из предосторожности. И такое не исключено.

Несколько раз в той стороне, где находилась церковь, вспыхивали огоньки. Что они означали? Гадай не гадай — не узнаешь.

Михеев и Данченков спустились с чердака. Разведчики (в группе без сержанта было шестеро) сидели кто на сдвинутой к середине комнаты лавке, кто на полу и шепотом переговаривались. Михеев развязал оставленный на столе вещмешок, проверил на ощупь бутылки с зажигательной смесью, завернутые в обмотки, и снова завязал. Если удастся прорваться к церкви и проникнуть внутрь, склад взрывчатки можно будет забросать противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Михеев еще раз напомнил разведчикам, как надо действовать. Двое получили задание уничтожить фашистов в караульном помещении. Снять часовых и взорвать склад — самая ответственная часть задуманной операции — ложилась на самого Михеева и остальных бойцов.

— Я пойду с вами,— тихо, но решительно сказал Михееву камнерез.— Мало ли что может случиться. А ты, сынок, жди нас у дома за изгородью. В случае чего отходи подземным ходом в каменоломни. Понял?

— Понял,— сдержанно ответил Павлик.

Разведчики бесшумно вышли наружу и пропали в темноте. Павлик остался один. Он приготовил автомат и, пригнувшись, вынырнул из дверного проема, осторожно прокрался к невысокой палисадниковой изгороди из камня, смутно белевшей перед домом. В палисаднике и позади дома темнели яблоневые деревья, и дождь дробно шлепал по листьям и по лопухам, росшим под изгородью. Иногда казалось, что кто-то идет по улице прямо к нему, и сердце Павлика начинало тревожно колотиться, словно хотело выпрыгнуть из груди. Сжимая автомат, он всматривался в темноту, но шаги утихали, и только снова шлепал по лопухам крупный редкий дождь, и порывы ветра раскачивали верхушки яблонь, осыпая на землю дождевые брызги. Иногда ветер стучал оторвавшейся ставней, и мальчик вздрагивал, плотнее прижимаясь к стене. Окружавшая его темнота была наполнена разнообразными звуками, от которых он отвык, находясь под землей. Ему послышалось, что где-то далеко в поселке залаяла собака и смолкла. И этот лай дворняжки, уцелевшей от немецкой пули, показался Павлику знакомым. Может, это лаяла собачонка его друга? Он вслушивался, но дворняжка больше не подавала голоса. Жив ли его закадычный дружок — Павлик не знал. Если все обойдется хорошо и удастся взорвать склад, надо будет попросить у отца разрешения наведать Сережку. Только бы все обошлось хорошо. Вернуться назад — пара пустяков.

Павлик испытывал на своем посту сложные чувства. Ему было страшно и за самого себя, и за жизнь отца, и за разведчиков, за весельчака Михеева. И готовность прийти им на помощь, когда это понадобится, желание что-то сделать для них помогало Павлику перебарывать страх. Вместе с тем он переживал и чувство гордости за свою причастность к заданию. Конечно, разреши ему отец, он бы тоже вместе с ним отправился к складу. Но отец наказал дожидаться здесь. Что значат сказанные им слова: «В случае чего...»? Неужели, может получиться так, что назад придется возвращаться одному? Без отца. Без Михеева и остальных разведчиков, к которым

он успел привыкнуть. Ему стало страшно от этой мысли — остаться одному. Он зябко поежился, словно под рубашку за спину ему насыпали пригоршню холодного колючего снега.

Капли дождя разбивались об камни изгороди, попадали Павлику в лицо, звонко ударялись о каску. Край луны выплыл из-за тучи, и сразу посветлело перед домом. Темный силуэт колокольни выступил из темноты и снова пропал. И в это время до слуха мальчика от церкви донесся сдавленный вскрик. Он жутко прозвучал в тишине и внезапно оборвался. Тревога охватила Павлика. Ему показалось, что прошло много времени и что у разведчиков что-то случилось. Самое ужасное, чего он так боялся. Может быть, отца уже нет в живых. Или он лежит, истекая кровью у склада, не в силах подняться с земли. Почему до сих пор нет взрыва? Почему? Что с теми, кто ушел к караульному помещению? Павлик не мог ответить на эти вопросы, и мучительное беспокойство все сильнее овладевало им. Рука, которой он держал дуло автомата, стала горячей и потной. Он вытер ее о штанину, пристально всматриваясь через дорогу в сторону церкви. То, что делалось возле склада, от него скрывала темнота пасмурной ночи.

Под прикрытием этой темноты разведчики с двух сторон подползли к церкви по мокрой траве. Данченков, прижимаясь к земле, заметил у колокольни силуэт часового. Метрах в двух позади Данченкова затаился Михеев. Часовой включил фонарик, посветил на дверь с большим замком и, убедившись, что все в порядке, погасил свет. С другой стороны колокольни к двери подошел другой часовой. Обменявшись короткими фразами, они разошлись.

— Вернутся, тогда и...— прошептал сержант.

— Понял,— шепотом ответил Данченков.

Они метнулись к двери и затаились в нише справа, где начиналась винтовая лестница на колокольню. В проем лестницы тянуло сквозняком, и пахло отхожим местом.

— Скоты,— выругался Михеев.— Нашли место...

Ждать пришлось недолго. Послышались шаги. Разведчики затаили дыхание. Часовой подошел к двери, осветил ее лучом фонаря, стоя спиной к нише, где притаились Михеев и Данченков. Момент был самый подходящий. Сержант ударил в затылок немца прикладом автомата. Часовой пошатнулся и с глухим стоном повалился под ноги разведчику. Они втащили его в нишу, заткнули пилоткой рот. И вовремя. Второй часовой подходил к двери, на ходу прикуривая от зажигалки. Метрах в двух от разведчиков он остановился, по-видимому,

дожидаясь своего товарища и попыхивая сигаретой. Михеев и Данченков бросились на него одновременно. Сержант перехватил руку часового на спуске автомата и заломил назад. Немец вскрикнул, но Данченков сдавил ему горло. Сигарета вылетела у него изо рта. Михеев запрокинул фашиста на спину. Падая, часовой пнул Данченкова ногой в живот. Тупая боль перехватила камнерезу дыхание. Он разжал руки. Сержант насел на немца и прикончил ударом ножа. Сорвав с него автомат, кинулся к двери склада. Теперь оставалось сбить запор и ворваться внутрь.

Несколько минут они возились с большим амбарным замком. Замок не поддавался. Отблеск света скользнул по обитой железом двери. Данченков оглянулся. В темноте от поселка быстро двигалось светлое пятно. Одно. За ним второе. «Патрульные мотоциклы... Неужели сюда?.. Тогда не успеем. А, может быть, не сюда?» — тревожно подумал Данченков. Оглянулся и Михеев. Полосы света от фар выхватывали из темноты пустынную улицу поселка.

— Откуда вынесло...— выругался сержант.— Всю обедню испортят!

Мотоциклы приближались к складу. Убитого часового втащили под лестницу. Другой, оглушенный ударом сержанта, со связанными руками и заткнутым ртом лежал в проходе на колокольню.

Михеев достал из вещмешка связку гранат, приготовил автомат, отрывисто зашептал камнерезу:

— Мы видим их, а они нас нет... Преимущество на нашей стороне. Огонь откроем первыми.

Столбы света уперлись в дверь. Первый мотоцикл остановился напротив колокольни. Ехавший позади высвечивал фарой двух немцев на переднем мотоцикле. Один из них, сидевший в прицепной коляске, выпрыгнул из нее и, держа автомат у пояса, направился к двери. Второй мотоцикл свернул, объезжая церковь.

Медлить было нельзя. Тата-та — прорезали ночь автоматные очереди. Михеев и Данченков одновременно обстреляли водителя мотоцикла и автоматчика. Погасла фара. На полных оборотах заработал мотор и сразу заглох. Выпустив по длинной очереди, разведчики прекратили стрельбу. Прислушались. Второй мотоцикл тарахтел где-то за церковью. И снова сухо и торопливо застучало автоматное та-та-та. Оттуда, где тарахтел мотоцикл. Михеев и Данченков не знали, что четыре других разведчика также, как и они, удачно сняли часовых, охранявших склад с другой стороны. Они-то и обстреляли вражеского мотоциклиста.

Осветительная ракета взлетела над поселком. Немцы подняли тревогу. Выстрелы доносились и от караульного помещения. Разведчикам еще не поздно было добежать от склада до дома с потайным ходом, где их дожидался Павлик. Вернуться в каменоломни. Михеев подумал об этом. И о том, что взрыв склада придется отложить до другого раза. Отложить... Он прогнал эту мысль.

— Беги назад!— крикнул сержант Данченкову.— Пока не поздно. Управлюсь теперь один! Один... Понял? Потом вернусь...

Сержант хотел спасти подземного проводника. И Данченков разгадал его замысел.

— Не выдумывай!— возразил он.— Я останусь...

— Нет!

Сержант сказал это с такой решимостью, что Данченкову стало ясно: никакие уговоры не помогут.

— Скорее!— Михеев подтолкнул его под руку, первым поднялся с выстланного булыжником пола под аркой колокольни и потащил камнереза за собой от церкви.

Из поселка к складу бежали немецкие солдаты, поднятые по тревоге. Вспышки автоматных очередей прорезали темноту.

— Беги! Ну...— сердито и резко сказал сержант. Он повернулся назад, выхватил связку гранат.— Беги! Взорву дверь.

Данченков метнулся к дороге, навстречу автоматной трескотне. Задержать врага, не дать ему прорваться, пока Михееву не удастся уничтожить склад. Задержать любой ценой. Больше Данченков ни о чем не думал.

Сбоку вперебой по немцам ударили из автоматов. Данченков догадался, что стреляют свои, те самые двое из группы Михеева.

Со стороны поселка в направлении церкви вспорхнула ракета. В ослепительно ярком свете мелькнули фигуры немецких солдат. Данченков упал, прижимаясь к земле, переждал, пока догорит ракета. И снова сделал бросок вперед, пользуясь темнотой. Из того же самого места взлетела еще ракета. Данченков метнулся к телеграфному столбу, уцелевшему у дороги, и дал очередь по бегущим солдатам. Он успел заметить, как они попадали, залегли.

Разрывом связки гранат дверь сорвало с петель. Волна горячего воздуха и запаха гари хлестнула сержанта в лицо. Он рывком поднялся с земли и подбежал к колокольне. Отброшенная взрывом дверь валялась в проходе. Михеев включил карманный фонарь и бросился внутрь церкви. Луч света выхватил из темноты ящики со взрывчаткой. Сержант остановился, снял вещмешок, достал бутылки с горючей смесью. Их было

шесть. Одну за другой он швырнул бутылки по сторонам. Вспыхнуло пламя, расползаясь по ящикам желтыми языками. Еще у сержанта остались гранаты. Он отстегнул их от пояса. Три гранаты «РГД». Прикинул, успеет ли выбежать наружу. Если бросать по одной — то вряд ли. Не успеть. Может, склад взлетит на воздух от огня? Пламя доберется до взрывчатки, и тогда... А если нет, если взрыва не произойдет? Надо обязательно бросить гранаты. Связать и сразу бросить все три. Сержант нашарил в кармане моток тонкой проволоки, припасенный на всякий случай, замотал рукоятки гранат, дернул кольца предохранителей и бросил связку в середину ящиков. Все напряглось в нем в ожидании взрыва, пока он бежал назад, к выходу. Грохот гулко прокатился под сводами церкви. И затем еще и еще с нарастающей силой. Детонация сделала свое дело. Ударной волной сержанта сбило с ног и швырнуло об стену в нескольких метрах от выхода. Теряя сознание, он увидел ярко-оранжевый свет, столбом уходивший вверх. И что-то дрогнуло и оборвалось в нем, что удерживало жизнь.

Взрывы следовали друг за другом, сотрясая землю. Данченков расстрелял все патроны и успел добежать до изгороди, за которой лежал Павлик. Сюда отступили и другие разведчики. Долго ждали Михеева. И лишь на рассвете вернулись в каменоломни без сержанта.

23

Данченков доложил в штабе об уничтожении склада.

— Да, жаль Михеева,— выслушав, тихо проронил Сидоров.— Замечательный был разведчик. Я сам доложу обо всем Ягунову.

Данченков и Павлик вышли из штаба и направились в штольню к разведчикам. На полдороге они услыхали сигнал газовой атаки. Пришлось изменить маршрут и бежать к ближайшему газоубежищу.

Это была одна из самых продолжительных газовых атак. Она не прекращалась до полуночи. Взрывами фашистские саперы завалили большинство выходов и отдушин на поверхность. В подземные помещения прекратился доступ чистого воздуха. От обвалов пострадал подземный госпиталь и ближайшие к поверхности газоубежища. Ядовитый газ и удушающий дым заполнили проходы, галереи и штольни. Люди задыхались даже в противогазах.

Начальник рации лейтенант Ермаков и дежурные радисты не покидали поста связи, хотя газ просочился в помещение, где размещалась рация. Тускло мерцала в темноте шкала радиоприемника, лампочка под потолком еле виднелась в густом удушливом дыму.

Ермаков чувствовал, что задыхается. Голову сжимало, словно тисками. Несколько раз он пытался установить связь с Большой землей. Радиограммы уходили в эфир из-под каменной толщи. Если бы знать, что свои слышат голос подземного гарнизона, голос борьбы. Хотелось верить, что слышат. Эта вера и была тем единственным, что заставляло его слабеющей рукой держаться за ключ радиопередатчика, отбивать четкие сигналы морзянки. Точки — тире, точки — тире...

Кто-то тронул Ермакова за плечо. Он с трудом узнал начальника штаба. Сидоров протянул ему радиограмму:

— Срочно передать на Большую землю. Передайте и немедленно уходите в газоубежище.

Ермаков покачал головой.

— Это приказ Ягунова, понимаете, приказ... Оставаться здесь невозможно. Вы представляете это,— начштаба в упор смотрел в лицо Ермакову и раздельно произносил каждое слово, как будто сомневался в том, что их смысл понятен ему.

Невысокая фигура начальника штаба в шинели пропала за брезентовым пологом, закрывавшим вход в штольню. В полумраке Ермаков с трудом прочитал текст радиограммы. «Всем, всем, всем! Всем народам Советского Союза...» Рука привычно легла на ключ передатчика. В эфир полетели радиосигналы подземного гарнизона. Точки, тире складывались в слова: «Всем народам Советского Союза. Мы, защитники Керчи, задыхаемся в каменоломнях, но в плен не сдаемся. Всем, всем, всем...» Текст радиограммы прервался на полуслове. Над штольней, где находились радисты, тяжело прогрохотали взрывы. Потолок помещения рухнул, навсегда похоронив под громадными глыбами камня полузадушенных газами связистов.

24

К утру подземные помещения проветрились от едкого дыма и удушливого газа. Всю ночь бойцы расчищали завалы в наружных стенах. Через продыхи и отверстия внутрь каменоломен живительными потоками вливался чистый воздух с поверхности.

Ночью заседал свет обороны. Положение было крайне тяжелым. Гарнизон понес большие потери от газовой атаки. Под обвалом погибли радисты, а вместе с ними под многометровой

толщей камня оказалась заваленной и рация. Связь с Большой землей прекратилась. Иссякли запасы горючего. Остановился двигатель электростанции. Навсегда погасли электрические лампочки в штольнях и коридорах подземелья.

До наступления рассвета полковник Ягунов побывал на всех участках обороны, беседовал с бойцами и командирами. Тусклое пламя фонаря выхватывало из мрака закопченные стены каменных коридоров. Дорогу перегораживали завалы. В центральном коридоре Ягунов остановился у костра. Группа бойцов отдыхала, грелась возле огня. Трепетные блики костра освещали задумчивые, строгие, суровые, мечтательные, тронутые улыбкой лица.

На опрокинутом патронном ящике у костра сидел худой лейтенант с книгой на коленях. Ягунов узнал в нем старого знакомого, командира роты Яркова. Глядя в раскрытую книгу, лейтенант читал вслух с увлечением, то повышая, то понижая простуженный, с хрипотцой голос. Ягунов присел рядом на ящик.

— Читайте, читайте...

В отрывке из «Войны и мира» он узнал особенно любимое им описание Толстым боя батареи капитана Тушина.

Ярков продолжал:

— «...Тушин не испытывал ни малейшего неприятного чувства страха, и мысль, что его могут убить или больно ранить, не приходила ему в голову. Ему казалось, что уже очень давно, едва ли не вчера, была та минута, когда он увидел неприятеля и сделал первый выстрел, и что клочок поля, на котором он стоял, был ему давно знакомым, родственным местом. Несмотря на то, что он все помнил, все соображал, все делал, что мог делать самый лучший офицер в его положении, он находился в состоянии, похожем на лихорадочный бред или на состояние пьяного человека...»

Дочитав главу до конца, командир роты закрыл книгу и, глядя перед собой, молчал, находясь под впечатлением прочитанных страниц.

— Да, на войне важнее настоящая, а не показная храбрость,— задумчиво произнес Ягунов.— Истинная храбрость бывает не заметна и не бросается в глаза. Когда я начинал служить в армии, у нас в роте был такой боец, похожий на Тушина,— Фоменков. Небольшого роста, не особенно разговорчивый. А куда пошлют, на любое задание — безотказный. И все сделает как надо, а станет докладывать, вот как Тушин, смутится, растеряется, сквозь землю готов провалиться. В общем, в храбрецы ни по внешнему виду, ни по характеру не выходил.

В рейде против басмачей Фоменков оказался храбрее наших ротных храбрецов. Понадобилось послать разведку. Вызвали добровольцев. Троих. Фоменков последним вызвался. Вышло тогда так, что напоролись наши разведчики на засаду бандитов. Завязалась перестрелка. Фоменкова ранило в обе ноги. Товарищи его не хотели бросать. А он не согласился, чтобы они из-за него пропали. Пока были патроны — отстреливался, прикрывал отход товарищей. Последнюю пулю для себя берег, да и ту пожалел, выпустил в бандитов. На другой день роте удалось окружить разбойничью группу и отомстить за смерть товарища...

Завязалась непринужденная беседа. Бойцы задавали командиру вопросы, интересовались, скоро ли гарнизону будет оказана помощь наших войск с Таманской стороны.

— Помощь, безусловно, будет оказана,— голос Ягунова покорял силой убеждения.— Чтобы организовать и высадить десант через пролив, требуется подготовка. Наша задача — громить вражеские силы до прихода войск Красной Армии на Керченский полуостров. Фашисты надеялись погубить гарнизон, лишили нас воды. Вы знаете, из этого замысла ничего не получилось. Теперь гарнизон имеет воду в достаточном количестве. Мы вынесли самую продолжительную газовую атаку. Погибли, задушенные бесчеловечными извергами, наши товарищи. Но всех нас не задушить. За нами наша доблестная армия, наша могучая Родина. Я надеюсь, что на вашем участке обороны, как и на других, в любое время фашисты получат отпор.

Бойцы одобрительно зашумели:

— Каждый день пытаются, да не по зубам орешек.

— Заминировали все ходы и выходы, а мы ихние мины разряжаем, взрывчатка против врага в дело идет.

— Вчера поставили в карьере против наших амбразур динамик и давай свою фашистскую агитацию разводить. Мы по тому динамику ударили из пулемета, сразу глотку заткнули. Пусть не рассчитывают на свою радиобрехню. Собака лает, а ветер носит...

В сопровождении командира роты полковник Ягунов осмотрел оборонительные посты. У отверстия, пробитого снарядом в стене, Ягунов остановился, широко вдохнул утренний воздух. В пробоину виднелась всхолмленная степь, проволочные заграждения. Легкие белые облака уплывали от огнистого горизонта. Всходило солнце. Оно поднялось над степью сверкающим шаром, заиграло светлыми переливами на стене каменоломни против пробоины.

Хотелось выйти на поверхность, забыть, что вокруг враг,

смерть, хозяином пройтись по степи, по мокрой от росы траве, дышать и не надышаться вольным воздухом, слушать пение птиц, радоваться жизни, ее преображающему цветению и ликованию. Чудилось, что слабое дуновение ветра доносит от пролива плеск морских волн, крик чаек.

За последнее время командиру лишь несколько раз удавалось побывать на поверхности, во время ночных атак.

Ярков взглянул сбоку на полковника. Свет солнца падал ему на лицо, высвечивал каждую морщинку. Губы командира были строго сжаты, на висках снегом белела седина. О чем он думал, человек, на плечи которого легла вся тяжесть обороны, ответственность перед родиной за каждого бойца, за суровую судьбу подземного гарнизона?

Высоко в небе со стороны Тамани донеслось гудение моторов. Самолетов не было видно, они прошли на большой высоте на запад. Возвращались ли это немецкие бомбардировщики из ночного налета на кавказский берег, или наши шли на помощь осажденному Севастополю?

Полковник молчал. Ему была дорога, как и каждому бойцу подземелья, эта короткая возможность просто постоять спокойно в минуту затишья у отдушины, увидеть дневной свет, солнце, подышать воздухом. Таких минут у него было немного. И он дорожил ими.

Ягунов взглянул на часы. Надо было возвращаться в штаб.

Он шел узким коридором, пробитым в каменной толще. Боец охраны шагал впереди с автоматом у пояса и высвечивал дорогу керосиновым фонарем. Желтое пятно света скользило под ногами по неровному полу. Потолок низко нависал над головой слоистым сводом. Каска задевала за щербатые выступы и глухо звякала. Взрывы на поверхности сотрясали каменные стены. Ягунов знал: рвались тяжелые фугасные бомбы. Сколько их взорвал враг... Чтобы уничтожить подземный гарнизон, похоронить его под обвалами скал. Идти было опасно. В любой момент от взрыва мог обрушиться потолок.

— Товарищ полковник,— услышал он встревоженный голос бойца охраны.— Дальше нет хода. Завал... Придется поворачивать назад.

Фонарь освещал серые глыбы камня. Неприподъемные известняковые плиты. Фугас взорвался над тоннелем и перегородил его наглухо.

— Окажись мы в этом месте во время взрыва — не видать нам белого света,— подытожил осмотр завала боец, поправил на голове каску и выжидательно посмотрел на командира.

— Да,— согласился Ягунов,— повернем назад. Надо пройти к штабу через другой тоннель.

Фонарь качнулся, и пятно света соскользнуло с нагромождений рухнувшего потолка, потеснило темноту перед завалом и двинулось по полу, нащупывая обратный путь.

Свет плыл впереди. Раздвигал тьму подземелья, она смыкалась позади и с боков бесшумной ловушкой, из которой нельзя было вырваться. Керосин в фонаре догорал. Светлый кружок на полу сужался, становился меньше. А Ягунову казалось, что он отстает, что боец, несущий фонарь, ушел от него далеко и вот-вот пропадет за поворотом. Огонь фонаря двигался в темноте, мигал оранжевой звездочкой. Звал за собой.

И он шел за этим мигающим светляком.

От слабости кружилась голова. Вторые сутки на ногах. Без отдыха. Во время газовой атаки надышался хлора. Почти двенадцать часов газового кошмара. В груди жгло и хотелось пить. А во фляжке — ни капли. Отдал свою норму воды раненому моряку.

Головокружение удавалось останавливать, когда он видел себя идущим по земле. По ее поверхности. Он думал об этом и видел то, о чем думал.

Не было каменного подземелья. Под ногами тускло светилась дорога. Кремнистый путь... По сторонам в темноте ночи едва различались села. В избах ни огонька. Все молчало. Ни собачьего лая, ни петушиного крика. Под ногами каменная крошка. Деревянные утлые мосты через овраги. Долог путь. Через молчаливые осенние поля. С холма на холм. Ночной бесприютный ветер — попутчик. Огонь вдалеке. Звезда ли? Свет ли в окне? Надо обязательно дойти. Отдохнуть, обогреться.

Холодна поздняя осенняя ночь. Непроглядна. Пустынны поля. Небо над головой. Низкое темное небо.

В окне догорает свеча. Успеть дойти. Пока свет не померк.

Нет неба над головой. Каска звякнула о каменный свод. Впереди качнулся фонарь в руке бойца. Качнулся и погас.

В центральный тоннель добрались на ощупь. В полной темноте.

25

Каждый день полковник Ягунов с утра переворачивал листок перекидного календаря у себя на столе. Сегодня он, как всегда, ровно в шесть утра при свете керосинового фонаря взглянул на календарь. В глаза ударило: 22 июня 1942 года. Годовщина со дня нападения фашистской Германии на Советский Союз. Минул год тяжелой кровопролитной войны.

Ягунов задумался, подперев голову рукой. Второй месяц продолжается оборона каменоломен, второй месяц врагу не удается сломить сопротивление подземного гарнизона. Сколько пришлось вынести за это время трудностей, лишений и мук! Люди держались на пределе человеческих сил. Откуда брались эти силы для неравной борьбы?

В каком источнике черпали их бойцы и командиры полка подземной обороны? Сотен других полков. В Севастополе и Ленинграде, на Волге и Закавказье. Он понимал: на это невозможно ответить одним словом. В любви к Родине. К своему народу... В той любви к жизни, которая заложена в человеке самой природой... Так бы ответил он, полковник Ягунов. Этот могучий источник питал и его силы в борьбе с врагом. Конечно, можно дать и другие ответы. Это его ответ.

Полковник мысленно задавал себе вопросы и мысленно отвечал на них. Жизнь... Зачем она дана человеку? Чтобы выполнить свое человеческое предназначение. А в чем это предназначение? Смысл жизни? В совершенстве. В нравственном совершенстве. Все безнравственное несовершенно и потому бессмысленно. Бессмысленное не имеет права на жизнь, оно — тупик. Фашизм — тупик. Он безнравствен, а это значит и бесчеловечен. В этом его историческая обреченность. Вечно то, что человечно. Кто это сказал? Кто-то из русских поэтов. Кажется, Фет. Да, Фет. В одном из своих стихотворений. Точнее, им сказано: «То, что вечно, человечно...» Какой глубокий смысл в этих словах...

Год войны. Лишь год. Судя по всему, война будет продолжаться еще долго. До полного уничтожения фашизма. Победа достанется нелегко, ценой миллионов человеческих жизней. Кому-то суждено не дожить до нее. Он не тешил себя иллюзиями. Жестокая война многих лишила иллюзий.

Откровенность с самим собой дается человеку нелегко. Та откровенность, когда знаешь, о чем не можешь умолчать, говоря с собой. Трудно представить, что тебя нет на свете. Все будет идти своим чередом. Будет продолжаться жизнь. Вставать над землей солнце. Падать снег. Плыть облака. Журчать весенние ручьи. Чернеть проталины. Зеленеть трава. Греметь гром. Звенеть на лугу косы в сенокосную пору. Целоваться влюбленные. Цвести сады. Полыхать осенним пожаром леса. Строиться города. Биться о скалы море. Зреть хлеба. Звучать материнская песня над колыбелью ребенка.

Живые думают о жизни. И незачем представлять то, что еще не случилось. За свою жизнь он ответствен перед собой. Но можно ли быть ответственным только перед собой? Ответственность перед собой — это и ответственность перед общест-

вом. Или, если сказать иначе, перед родиной и народом. Перед теми людьми, которые вместе с ним продолжают борьбу в условиях окружения, борьбу во имя торжества жизни над смертью.

Почему он думает обо всем этом? Потому что стремится глубже понять себя. Объяснить свою жизнь. Для этого надо подняться над единичным и частным. Увидеть то главное, значительное, ради чего жил. Для счастья... Такого, которое дает ощущение полноты своих духовных и физических сил в их общественном применении. А не узко личном. Для которого отдаешь эти силы без остатка. Счастье — самоотдача... Во имя общего блага. И в этом его нравственное значение. Об этом есть у Льва Толстого. Сказано так образно, что запомнилось крепко. Что счастье личности вне общества невозможно, как невозможна жизнь растения, выдернутого из земли и брошенного на бесплодный песок.

Незадолго до войны,— теперь ему казалось, что от того времени его отделяет целая жизнь,— он учился на общевойсковых командных курсах в Москве. Тогда и довелось побывать в Ясной Поляне, на родине любимого писателя. Поклониться поросшему травой могильному холмику на краю лесного оврага.

Была весна, начало мая, и в яснополянском лесу и парке окидывались молодой листвой вязы, клены, старые ясени, цвела черемуха. К могиле вела лесная неширокая дорога, усыпанная прошлогодними пожухлыми листьями. К тому месту, на краю Заказа, где великий писатель просил его похоронить. Где, по его детскому поверью, была закопана зеленая палочка, с которой связывались мечты о всеобщем человеческом счастье. О счастье для всех людей на земле.

Голубенькие глазки фиалок проглядывали из палой листвы отлогого овражного склона, зеленела трава на невысоком холмике, сквозил в глубину светлый весенний лес, полный радостных птичьих голосов. От яснополянского дома сюда доносился веселый перестук молотков — кровельщики подновляли крышу на флигеле.

Ягунов постоял в молчании над безымянной могилой, известной всему миру. Ни памятника, ни надгробия, ни надписи не было на ней. Простое возвышение из дерна, поросшее зеленой травой.

От посещения яснополянского музея у него осталась запись в блокноте, с которым никогда не расставался. Это была небольшая книжечка, подаренная дочерью. Книжечка пополнялась новыми записями. За год войны он исписал ее всю, но продолжал носить с собой, в нагрудном кармане гимнастерки.

Ему захотелось перечитать записанное в тот весенний день,

когда он ходил по аллеям в Ясной Поляне, стоял в раздумье в кабинете великого писателя, в той самой «комнате под сводами», где создавались бессмертные главы «Войны и мира», «Воскресения», «Хаджи Мурата». Запись эта из дневника Толстого и мысль, великая в своей простоте мысль, выраженная в ней, казалось, раздвинула каменную толщу холодного подземелья, высветила негасимым светом высокой духовности. Полковник вывернул фитиль фонаря, еще раз перечитывая толстовские строчки.

«...Смотрел на прелестный солнечный закат. В нагроможденных облаках просвет и там, как красный неправильный угол, солнце... Радостно. И подумал: Нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем».

Моргал огонь фонаря, тени пробегали по лицу полковника, погруженного в раздумья. Он все еще видел себя в яснополянских местах. Многие километры отделяли его от тех мест и год войны. Отделяли, но не могли отделить, потому что нельзя отделить от сердца то, что ему близко и дорого. Ни отдалить, ни отделить. Это была та нерасторжимость человека с родиной, которая зовется патриотизмом, нерасторжимость с родной землей в ее величии и в ее малости. Кровная нерасторжимость.

Яснополянские холмы, перелески, березовые рощи, поля раздвигались, ширились и другие холмистые поля, лесные поляны, луговые поймы, речные излуки, пашни, овражные склоны, зеленые косогоры, деревни виделись ему, словно он пролетал над ними, виделась ему родина, ветла под окном материнского дома, покосившееся крыльцо. Сожженные врагом города, взорванные мосты, дымные дороги, толпы беженцев, одинокие колокольни. Скорбный, полный боли и тревоги за человечество взгляд великого писателя из-под седых насупленных бровей. Вопрошающий мудрый взгляд.

Год войны... Оккупанты не пощадили Ясную. Ягунов перелистал блокнот, нашел страничку с записью: «Четырнадцатого декабря 1941 года освобождена Ясная Поляна. Враг отступает из-под Москвы под натиском Красной Армии...» Тогда из газетных сообщений стало известно, что гитлеровские солдаты надругались над усадьбой, домом писателя, устроили в нем казарму, рубили на дрова вековые липы и дубы в яснополянском парке. Что горе, вьюга, распахнувшие все двери в России, вьюга войны, выгоняющая людей из обжитых домов на черные осенние дороги, судьба, не щадящая ни мирной городской

квартиры, ни деревенской избы, ни заброшенного лесного хутора, что судьба не помиловала и дом Толстого. Что и он, толстовский дом, пустился в тяжелый путь под дождем и снегом, по не имеющей края и конца дороге, вместе со всей страной, вместе с сиротами, вместе с народом...

Полковник Ягунов изведал тягость этого пути. Испытал за год войны и горечь отступления, утрат, и радость первых наступательных боев, радость за освобожденные от врага города и селения. Но самое тяжкое пришлось переживать здесь, в окружении. Что выпало на его долю и на долю защитников каменоломен. И что предстояло изведать до конца.

Вчера начштаба Сидоров передал Ягунову толстую тетрадь — дневник политрука Александра Трофименко. Трофименко умер в госпитале. Боевые друзья политрука принесли дневник в штаб. Просили сохранить. Полковник положил записную книжку в карман, взял из тумбочки тетрадь, которой поверял свои впечатления, свои мысли погибший лейтенант полка подземной обороны. Записи в дневнике были поразительным документом силы человеческого духа.

«16 мая 1942 года,— читал Ягунов,— фашисты окружили каменоломни. У церкви пушки, засели вражеские пулеметчики и автоматчики. Большая часть домов в Аджимушкае захвачена немцами. Воду из колодца брать трудно — подход обстреливают гитлеровцы. Враг пытался отрезать переправу через пролив, бросил туда 46 танков, самолеты, несколько дивизий пехоты. Из 46 танков удалось уничтожить 34 и более тысячи фашистских солдат. В каменоломнях, где укрылись красноармейцы и жители Керчи, везде слышится говор. Кажется, здесь расположен подземный город. У многих из гражданского населения нет никаких запасов пищи, нет теплой одежды. Решаюсь завязать разговор с одной семьей. Спрашиваю: «Откуда Вы?» Мне ответила женщина лет тридцати. Сказала, что она из Керчи, работала на металлургическом заводе имени Войкова. Муж в Красной Армии. Трое детей. Старшему, Коле, одиннадцать лет. Не знает, что с ними делать, чем их кормить. Девочка Эдя, ей три года, протянула ручки к матери, попросила воды. «Нету, Эдочка». «Скоро принесут кушать, мам?» Я достал из кармана кусок хлеба и разделил его детям. Ребятишки и не почувствовали, как проглотили эти маленькие кусочки. «Мы уже испытали, что такое жизнь под вражеской оккупацией,— рассказала женщина.— На нашей улице, где мы жили, гитлеровцы многих расстреляли. Что касается хлеба, то если у кого и был, фашисты отобрали все, до зернышка. Трудно вспоминать, как жили под фашистским игом. Лучше умереть здесь в голоде, чем жить в оккупации».

Пока мы разговаривали, вокруг собралось много детей. Они очень мало прожили на свете, но по их худеньким лицам, испуганным глазам можно было судить, как много они пережили. Голубоглазый мальчуган лет семи тронул меня за рукав гимнастерки. «А у меня, дядя, фашисты забрали игрушки... А маму убили... Брата Володю куда-то увезли. Куда — я и сам не знаю. А у вас, дядя, есть дома хлопцы?»

Я улыбнулся, сказал: «Дома у меня есть дети. Грише четырнадцать лет, он ученик восьмого класса. Коля и Володя еще совсем малыши и в школу не ходят. Там, где живет моя семья, гитлеровцев нет. Продолжается нормальная жизнь. Все дети учатся, взрослые работают, сеют хлеб, растят сады». Я заметил, что публики прибавилось. Голубоглазый мальчик, стоявший возле меня, вытирал слезы на глазах... Ко мне подошел связной. Сказал, что меня разыскивает комбат. Я оставил детей и пошел по темному коридору к расположению штаба...

Несколько страниц из тетради было вырвано. Ягунов протер стекла пенсне носовым платком, склонился над дневником.

«24 мая 1942 года. Беспокойная ночь после боя. Оставшиеся на поверхности бойцы гарнизона не дают фашистам покоя. Ночью из каменоломен на помощь нашим вышло несколько групп. Гремит перестрелка. Уже четыре дня, как катакомбы окружены гитлеровцами. День и ночь вокруг не смолкают автоматно-пулеметные очереди, взрывы снарядов. Выйти из-под земли на поверхность почти нет возможности. А как хочется подышать свежим воздухом, увидеть солнце.

Со мной завтракал лейтенант Новиков. Поели плотно. Плохо — нет воды. Новиков взглянул на меня, подумал. Решительно сказал: «Воды достану. Хочешь со мной идти к колодцу?»

Я дал согласие. Новиков взглянул на часы. «Да, мы с тобой нынче рано поели. Еще и четырех нет». Рассмеялись. На поверхности рассвело. Утренний ветерок приветливо встретил нас и помчался дальше, в глубь каменоломен. На душе стало приятнее. Взяли ведро с веревкой, направились в полный рост к колодцу. Заметили фрицы, начали стрелять.

Пули ложатся близко. Пришлось вернуться. Переждали. Сделали еще одну попытку раздобыть воды. Безуспешно.

«Ах изверги,— ругался Новиков,— я с ними померяюсь силой. Разрешите, товарищ политрук. Я засек, откуда стреляет вражеский пулеметчик. Дам ему прикурить...»

Новиков в сердцах бросил ведро так, что оно далеко отлетело в сторону, взял гранату в руку, полез наверх. Что он надумал, я, конечно, не знал. Не прошло и двадцати минут —

слышу взрыв гранаты, земля дрогнула. Стрельба сверху прекратилась. Молодец, Новиков, сделал свое дело.

Жду его возвращения с полчаса. Почему его нет? Неужели с ним что-то случилось? Нет терпения ждать, вылезаю на поверхность. Совсем светло. Солнце. Ползком поднимаюсь на верх катакомбы. Ползу дальше.

Эх, вот почему ты, друг, не идешь. Метрах в пятнадцати от меня, раскинув руки, лежал мертвый лейтенант Новиков. Невдалеке от своего окопа валялся гитлеровский пулеметчик. В окопе торчал дулом вверх ручной пулемет. Теперь стало ясно. Новиков подполз на близкое расстояние, укрыться ему не было возможности — всюду ровная степь. Он не пощадил своей жизни, уничтожил вражеского пулеметчика гранатой. И сам погиб от фашистской пули. Погиб геройски.

Терять время нельзя. Захватываю немецкий ручной пулемет, забираю боеприпасы и убитого товарища. Спустился вниз благополучно, доложил о происшедшем командованию батальона. Теперь надо схоронить Новикова. Выбрали место поудобнее, возле склада. Выдолбили могилку, опустили в нее боевого друга. Сняли пилотки. Я три раза выстрелил из пистолета. Спи, дорогой наш герой! Мы не забудем тебя... Засыпали яму землей и камнями. Постояли в молчании. Это была молчаливая клятва, клятва мстить врагу — поработителям нашей земли.

И мы мстили. Весь день вокруг каменоломен бой. Враг обстреливает все выходы из артиллерийских орудий, минометов. Стреляет куда попало в слепом озлоблении. Но нас, бойцов подземного гарнизона, не сломить. У нас боевые, испытанные командиры. Только вот с водой плохо. Воды хотя бы по сто граммов на человека — жить бы можно. Дети плачут, не дают покоя. Да и взрослые не могут терпеть жажду, во рту пересохло. Еду без воды не приготовить. Детей поим по глотку из фляг, отдаем свои пайки сухарей.

В ночь вместе с комиссаром, комбатом Пановым, начштаба батальона Фоминым дежурили у выходов на поверхность. После смены я ушел спать. Уснул не сразу. Вспоминал родную станицу. Хорошо там, Кавказские горы видны, далеко тянутся грядой. На северном склоне течет река Ахтари. Круглый год журчит чистая студеная вода. А по обеим сторонам реки протянулась станица Ахтырская. Там растут мои сыновья, ждет моего возвращения с победой жена. Так я и уснул, думая о родных местах.

Во сне грудь мою сдавило. Проснулся. Нечем дышать. Кругом крики о помощи, стоны. Фашисты травят нас ядовитым газом. Люди ищут в темноте выход наружу, на чистый воздух. Падают, задыхаются. Я взял на руки двоих ребятишек, понес

к выходу. Не донес. Они задохнулись. Сам, теряя сознание, упал. Кто-то потащил меня к проему, где воздух посвежее. Пришел в себя. Мне дали противогаз. Бросились спасать раненых в госпитале.

Я не в силах описать картину людских мучений... Пусть об этом расскажут каменные стены катакомб. Они были свидетелями...

Газ заполнил подземные коридоры, просачивается всюду смертельными волнами. У выходов фашисты бросают дымовые шашки, рвут гранаты. Всюду смерть. В центральном коридоре, куда я вышел, газов еще больше. Противогаз пропускает отраву.

Больше восьми часов продолжается газовая атака. Пробираюсь вдоль каменной стены. Проход заполнен погибшими. Их много, сотни, они повсюду. Женщины, дети, бойцы полка подземной обороны. Откуда-то доносится пение. Спешу на голоса поющих. Четыре молодых лейтенанта обнялись перед смертью, поют Интернационал. На губах кровь. Им нечем помочь. Как и многим. Нет противогазов. Всюду смерть от удушья. В темном каменном мешке.

Фашисты. Видели бы вы, как умирают советские люди. Они не просят пощады, не встают перед вами на колени. Достойно умирают за любимую Родину...»

Следующая запись политрука в тетради от 28 мая 1942 года свидетельствовала о несломленности бойцов подземного гарнизона, об их стойкости и решимости продолжать борьбу. Об их героизме.

«С такими людьми нас не одолеть никакому врагу, не победить»,— подумал Ягунов. Правдивая исповедь политрука взволновала его, возвратила к тем событиям месячной давности. Трагическим событиям.

«Эта ночь была одной из тех, какую мало кто пережил,— разбирал полковник неровные строчки карандаша.— Оставшиеся в живых собрались группами и обсуждали, что делать дальше. Командование нашего батальона — настоящие большевики. Большевики не страшатся трудностей. Хоть нас душат газами, убивают, оставили без капли воды — будем сражаться. Никто не имеет права хныкать. Придется сооружать газоубежища. На случай новых газовых атак.

Вместе с комбатом Пановым и комиссаром Верхутиным пошли осматривать сектор, занятый батальоном. Вышли из штаба. Почти на каждом квадратном метре лежали погибшие. С распухшими лицами, окровавленными ртами. В разных позах. Погибло много наших боевых товарищей. Панов снял шапку, остановился. Так молча мы стояли несколько минут, не на-

ходя, что сказать друг другу. Вечная вам память, боевые друзья. Навеки вы останетесь в наших сердцах.

— Саша,— обратился Панов к своему заместителю.— Учесть, кто остался в живых, и немедленно похоронить погибших.

Не успели вернуться в штаб, как снова враг предпринял газовую атаку. Душил нас газом до одиннадцати часов ночи. Немногие из батальона остались в живых...

Воды, воды! С боем брать воду уже не с кем. Амбразуры закрыты завалами камня, разбирать их не хватает сил. Кто-то сказал, что сосал влажный камень и этим утолил жажду».

«Дневник политрука надо сберечь,— решил Ягунов.— Как документ. И если никто из нас не останется в живых — его страницы расскажут о нашей борьбе».

Продолжение записи в тетради было с пометкой 26 мая 1942 года. «Полк обороны Аджимушкайских каменоломен сформировался нескоро, из разрозненных частей. Здесь под землей можно увидеть командиров, политработников, бойцов разных родов войск. Со всех армий Крымского фронта оказались здесь люди, и требовалось сначала, в условиях полного окружения, устранить шатание и наладить воинскую дисциплину, какую требует устав РККА. Но в таких условиях, в каких находились мы, это очень трудно. Большая трудность. Только на некоторое время гитлеровцы прекращают травить нас газом. Почти ежедневно закачивают в каменоломни ядовитые газы по 12—14 часов. По подземным помещениям невозможно ходить даже в противогазах.

Но жизнь гарнизона или полка подземной обороны продолжается. Строим газоубежища. В батальоне и других подразделениях полка чувствуется дух борьбы, уверенности в победе над врагом, надежда, что все удастся пережить. Каждый из нас живет тем, что мы выйдем на поверхность для расплаты с врагом...»

Запись оборвалась. Снова остатки вырванных листов. Может, эти листы понадобились для боевого донесения. На следующей полуразорванной странице неровные строчки.

«27 мая 1942 года. Начинает налаживаться жизнь. Наш первый батальон, которым командовал капитан Панов, стал именоваться третьим батальоном. Танково-истребительная рота как таковая перестала существовать. Она расформирована, и теперь мои товарищи разбиты по другим ротам.

Я попал в пятую роту, где командиром лейтенант Веременичев. В моей прежней роте после газовых атак осталось совсем мало бойцов, всего насчитывается восемнадцать человек. Мне известно, что из восьмидесяти семи человек, прибывших со

мной в каменоломни, убито шесть во время ночных боев с фашистами. Остальные задушены газами.

По приказу командования в каменоломнях все, кто мог двигаться, занимались уборкой погибших. Целый день пришлось хоронить своих боевых товарищей. Кровь стынет в жилах. Сколько советских людей нашло здесь смерть, не сдавшись врагу... Безвестные могилы под землей. На них никогда не вырастет, не зазеленеет трава, не взглянет солнце, не прольется живительный дождь. Могилы в холодных камнях. Вести учет погибших по фамилиям не было возможности. За один день, пользуясь передышкой, когда фашисты не закачивали в каменоломни газы и ядовитый дым, который они называют нейтральным, мы только на территории нашего батальона зарыли восемьсот двадцать четыре человека. На территории других батальонов захоронено не меньше, чем у нас.

Сегодня газовая атака была непродолжительной и концентрация газа была слабее, чем вчера. У нас теперь есть газоубежище, где помещается госпиталь и почти весь наш батальон, за исключением охраны. Правда, убежище сделано наскоро и поэтому часть газов пропускает, но в нем можно находиться без противогазов. Больным можно вовремя покушать. Но что можно приготовить поесть без воды?

Вода... Это сейчас самый серьезный вопрос, который стоит перед каждым бойцом и командиром, оставшимся в живых. Борьба за воду уносит все больше жизней бойцов подземного гарнизона. Теперь уже доступа к колодцу нет. Амбразуры почти все завалены камнем. Однако нельзя сложа руки сидеть без воды и ждать смерти. Более здоровые бойцы сосут влажные камни, и некоторые так приспособились, что за два-три часа насасывают почти полную фляжку воды. А ведь это большое дело. Значит, десять раненых могут получить в сутки сто граммов живительной воды. Найдено место, где вода капает сама. Сочится по капле, как человеческая слеза... Слезы людские. Сколько вас пролито на земле!»

И снова вырванные страницы. Продолжение записи было без числа.

«...Так на камне проспал три часа. Холод. Продрог до костей. Решил уйти в газоубежище. Там потеплее хоть немного. В кармане нашел кусочек сахара. Это все, что осталось до завтрашнего обеда. Воды нет. Вчера нашей разведке, правда, удалось достать сорок ведер. Но она разошлась так, что ее никто не видел: по трем госпиталям, по штабам, часть пошла на кухню. Это большое дело — покушать впервые за десять дней горячей пищи. Говорят, что к наружному колодцу рыли подземный ход. Но фашисты услыхали стук или донесли преда-

тели. Враг забросал колодец камнями, песком, а подземный ход взорвали. При этом погибли красноармейцы и сам инженер. Итак, первая надежда добыть воду с помощью подземного хода не сбылась. Внутри каменоломен бойцы роют свой подземный колодец. Сколько надо долбить камень, чтобы достать воду из глубины? Правда, в других условиях это не составило бы для наших людей особого труда, но сейчас, когда люди не видят уже почти семнадцать дней света, не пьют более восьми суток воды, не дышат свежим воздухом, живут во мраке, сейчас сказать им, что до воды надо рыть скалу двадцать семь метров, очень страшно.

Но другого выхода нет. Пробьемся к воде сквозь камень, а врагу не покоримся. Сложим головы в бою, если суждено, а перед Отчизной останемся верны. Умереть за родину — это героизм. Мы должны быть в любую минуту готовы к бою и по приказу командования выйти на поверхность... Уверенность в победе не покидает бойцов батальона. Усиленно занимаемся боевой подготовкой. Не прекращаются учебные занятия. Беда еще в том, что на исходе горючее. Жжем лучины. Раскалываем доски и по одной-две жжем лучины. Я, когда все уснут, тоже достаю припасенные две-три лучинки и записываю свой дневник при их трепетном слабом огне.

Да, трудно, очень трудно. И вспомнились гоголевские строчки из Тараса Бульбы. «...Но разве есть на свете сила, которая одолеет русскую силу!»

Вчера с поверхности возвратились наши разведчики. Говорят, что трава выросла большая, вишни поспевают. Ведь нынче первый день лета. Снаружи, наверное, тепло, солнце приветливо греет. Хочется взглянуть хоть одним глазом на летнее утро и вдохнуть приятный аромат свежего воздуха. А в подземелье осточертевший мрак, неимоверный холод, сырость. Сколько дней сплю, не раздеваясь, в шинели и ватных брюках. Оброс бородой, товарищи не узнают, а я их.

У меня окончательно расстроился желудок. Валяюсь в своей роте. Врач предложил пить чай с сухарями. Это хорошо. Но где брать воду? Я стал сильно кашлять... Дают знать больные легкие да плюс еще газы. Друг мой, Володя Костенко, до сих пор находится в санчасти. Раны уже начинают заживать, чувствует себя хорошо, только жалуется на голод. Филиппов в подразделении вместе со мной. Тоже жиденький, еле ходит, но не больной. Странная жизнь. Встретился с товарищами, а говорить не о чем. Лишь одно — хочется есть, пить.

... Вечером третьего июня комбат принес мне полную кружку воды. Холодной, чистой. Выпил и не заметил, как выпил. Оказывается, воентехник первого ранга Трубилин взялся за

день прорыть подземный ход к наружному колодцу, взорванному фашистами. И прорыл. Под завалами камней в глубине обнаружил свободное пространство, где была вода. Тихонько набрал ведро и выпил со своими саперами. Затем принес целое ведро в штаб батальона. К утру вода была в госпитале, давали уже по двести граммов каждому раненому. Теперь имеем в запасе сто тридцать ведер. Это ценность, которой взвешивается жизнь до трех тысяч бойцов. Вода — это жизнь, а значит, и возможность продолжать борьбу...»

На этом дневник политрука обрывался. Как обрывается туго натянутая струна. Но звучит еще исторгнутый ею звук. Звучит, замирая на высокой ноте. Светлой, жизнеутверждающей тональностью. В ней не безысходность, а призыв к борьбе.

Первый батальон... Третья рота... Ягунов пытался вспомнить политрука Трофименко. В расположении батальона ему, командиру полка подземной обороны, приходилось бывать довольно часто. Трофименко... Фамилия была знакомой. И он вспомнил. Это было после ночной схватки с фашистами.

В штольне тускло горел фонарь, группа бойцов, где их было около пятнадцати, завтракала. Дымил костер из сырых веток. В котелке над огнем закипала вода. Чернявый пехотинец в расстегнутом ватнике. Два лейтенантских кубика в петлицах. Бросил правую руку к козырьку.

— Товарищ полковник, третья рота первого батальона завтракает. За командира политрук лейтенант Трофименко.

— Имеете потери после боя? — поинтересовался Ягунов.

— Нет, товарищ полковник,— ответил политрук.— Из ночного боя рота вернулась без потерь. У врага захвачено три автомата, двадцать гранат и двести винтовочных патронов.

— Значит, есть чем бить фашистов?

— Есть, товарищ полковник, будем громить врага его же оружием,— ответил политрук. Он хотел еще что-то сказать, но приступ кашля помешал ему.

В штольне на стене против входа Ягунов обратил внимание на белое полотнище с изображением Ленина.

— Рисовал я сам,— пояснил политрук.— Масляной краской на простыне. По памяти.

Ягунов поинтересовался:

— Вы не художник?

— Я учитель, товарищ полковник. До войны в школе работал, преподавал историю.

С белого квадратного куска материи смотрели на бойцов умные, с прищуром глаза и, казалось, подбадривали, вселяли надежду. Рядом с портретом на каменной стене алела надпись: «Наше дело правое — мы победим».

— Садитесь с нами, попейте чайку,— пригласил Ягунова и бывшего с ним начштаба Сидорова политрук Трофименко.— Водичкой ночью немного разжились...

Он снова закашлялся и долго не мог остановить мучительный приступ душившего его кашля.

— Спасибо,— поблагодарил Ягунов.— Я уже пил. А вам нужно подлечиться в госпитале,— посоветовал политруку.

Лейтенант вытер комочком платка губы:

— Это от их отравы, надышался ею вдоволь, по горло. Выйдем из каменоломен на свежий крымский воздух — все пройдет, как рукой снимет.

Полковник вспомнил, что у него была еще одна встреча с политруком Трофименко. В штабе первого батальона у комбата Панова. Больше, кажется, не приходилось встречаться. И вот теперь этот дневник, его дневник...

Перебирая и просматривая бумаги на столе, Ягунов брезгливо поморщился. Под руку попалась немецкая листовка, одна из многих, брошенных вчера фашистами в катакомбы. Текст листовки отличался наглостью и фальшью. Кто из гарнизона мог поверить этим словам? «Красноармейцы! Немецкое командование гарантирует вам жизнь, если вы сдадитесь в плен. Вас удерживают большевистские комиссары. Не верьте им. Они фанатики и обманщики. Сопротивление не имеет смысла. Красная Армия развалилась под ударами доблестных войск фюрера. Сдавайтесь в плен, пока не поздно! Помощи ждать не от кого».

Полковник отложил листовку, переставил на нее фонарь. Он видел сам, как относились к этой пропаганде бойцы. Они высмеивали ее. «Пусть побольше бросают этих бумажек. Пригодятся для разжиги и еще кое-какой надобности».

Отсутствие связи со своими на кавказском побережье, откуда ждали высадки десанта, не могло не беспокоить полковника Ягунова. Выход был один — послать через пролив на Тамань связного. Задание ответственное и трудное. Ему придется незаметно миновать посты охранения и выйти к морю, пересечь пролив вплавь.

Ягунов посмотрел на карту. Голубая полоска воды между Керчью и таманским побережьем казалась неширокой. Однако он знал: в самом узком месте ширина пролива четыре-пять километров. Сильное течение. Кого же послать с донесением? Может, лейтенанта Шилова?.. До войны курсант Шилов учился в Бакинском пехотном училище. Почему-то он запомнился Ягунову. И здесь, в каменоломнях, полковник узнал своего воспитанника.

По вызову лейтенант Шилов незамедлительно явился в штаб.

— Проходите, лейтенант, Ягунов ждет вас,— начальник штаба пригласил Шилова в командирскую штольню.

Полковник поднялся от стола навстречу лейтенанту.

— Садитесь поближе к свету. Суть дела, по которому я пригласил вас, вот в чем... «Как он изменился,— подумал Ягунов.— Из мальчишки превратился в обстрелянного, опытного командира. Похудел, возмужал. На войне быстро мужают...» Шилов молча выслушал задание командира.

— Я надеюсь на вас,— повторил Ягунов.— Дело очень ответственное. Донесение о борьбе подземного гарнизона должно быть обязательно доставлено нашим на Тамань. Имейте в виду: сведения, которые вам будут вручены, ни в коем случае не должны попасть в руки врага.

— Я понимаю...

— Выход через двое суток, ночью. За это время успеете отдохнуть и подготовиться. Доберетесь к своим — все расскажете сами. Про наше положение. Про решимость бороться с врагом. Я почему-то верю, что вы сумеете выйти к своим. Хотя может случиться всякое. Будьте готовы к этому. Если вы останетесь живы... Передайте — это моя личная просьба. У меня в Баку остались жена и дочка. Постарайтесь черкнуть им от моего имени несколько строк. Что я жив и здоров, нахожусь в Крыму. Пусть не беспокоятся. Вот и все. Адрес запомните...— Полковник назвал улицу и номер дома.

— Запомню,— поднялся Шилов.— Это рядом с Домом культуры горняков. Я обязательно напишу.

Ягунов встретился взглядом с лейтенантом:

— Я не настаиваю на вашем возвращении назад. Решайте это сами и поступайте так, как подскажет ваша совесть. Вы знаете, почему я так говорю...— полковник потянулся к фонарю, чуть привернул фитиль, убавляя пламя, начавшее покрывать стекло косичкой копоти.— Ну а теперь идите. Приду вас проводить.

Ночь дышала в открытый проем летним теплом. Накрапывал дождь. Лейтенант Шилов ждал у выхода. Приближались последние минуты прощания с боевыми друзьями. Увидит ли он их вновь? С ними приходилось делиться всем: последним куском хлеба, последним глотком воды, щепотью махорки. Каждый день идти на смерть.

В проеме над скалой стояла звезда, переливаясь белым огнем. Отсюда, из подземелья, свет ее казался особенно ярким. За выходом, невидимый в темноте, начинался заброшенный карьер. Когда-то камень в нем добывали открытым способом.

Изрытый ямами, он тянулся от катакомб с полкилометра. Фашисты заминировали карьер. По нему и надо было незаметно пройти, минуя огневые точки. За ночь Шилов надеялся добраться до пролива.

Позади послышались шаги. Подошли полковник Ягунов, начальник штаба Сидоров, подполковник Бурмин.

— Все тихо?— спросил начштаба.

Шилов приглушенно ответил:

— Тихо, товарищ старший лейтенант. Фрицы молчат, вроде их вовсе здесь нет. Проход среди мин расчищен. Проберусь через карьер, а там я вольный казак. Ищи ветра в поле.

— Смотри, будь осторожен,— предупредил Сидоров.— Кто снаружи ведет наблюдение?

Шилов назвал фамилии разведчиков.

— Если до рассвета не успеете выйти к проливу — переправляться на ту сторону не рискуйте,— тихо сказал Бурмин.— Днем переждите наступления темноты в развалинах завода Войкова. Там легко спрятаться. А смеркнется — тогда другое дело. Плаваете вы, я слышал, хорошо.

— Был одним из лучших спортсменов Бакинского училища,— похвалил лейтенанта Ягунов.— По плаванию не раз занимал первые места. И по стрельбе из пистолета. Может, поэтому я его и запомнил.

— Значит, ваш воспитанник?— удивился Бурмин.

— Мой,— в голосе полковника Шилов уловил теплоту.

Фонарь, который Сидоров держал в руке, горел тускло, пламя фитиля едва теплилось; в низкой штольне с неровным, заваленным камнями полом стоять можно было лишь пригнувшись. Шилов не видел выражения лица своего командира, но почему-то подумал, что он улыбнулся, когда сказал «мой», доброй отцовской улыбкой.

Полковник наклонился к проему, прислушался.

— Ну что ж, пора...

— Да, пора,— вслед за Ягуновым отозвался Бурмин.

Провожающие обняли связного. И долго еще стояли у проема, глядя в темноту.

Карьер Шилов миновал благополучно. Наткнулся лишь на проволочное заграждение. Еле продрался под самый низ — пришлось подкапывать землю кинжалом. Теперь посты гитлеровцев, охранявшие катакомбы, остались позади. С таманской стороны донеслись тяжелые раскаты. «Наверное, наши начали артобстрел Керчи»,— подумал Шилов. Небо на востоке начало светлеть. Приходилось торопиться. Вот показались силуэты полуразрушенных цехов металлургического завода, где в мае стойко дрались подразделения Бурмина. Шилову стало ясно,

что до рассвета ему не успеть к проливу. Придется ждать следующей ночи.

Он обходил груды битого кирпича, перевернутые вагонетки, исковерканные нагромождения металлических ферм. При малейшем шорохе останавливался, сжимая в руках автомат. Беспокоило одно: есть ли гитлеровцы на территории завода? Пока окончательно не рассвело — надо спрятаться, чтобы не могли обнаружить. Круглое здание водокачки показалось подходящим укрытием. Дверь покосилась и висела на одной петле. Он приоткрыл ее и вошел внутрь, уселся на ступеньку железной лестницы.

Светлело. Сквозь разбитые окна и сорванную крышу виднелось белесое утреннее небо. С сожалением подумал, что стоят самые короткие ночи. После долгого пребывания под землей не верилось, что над головой не толстый каменный потолок, а небо, высокое бездонное небо. Он привалился к лестнице и стал смотреть вверх. Звезд уже не было видно, небо голубело. Ласточка влетела в окно и вылетела обратно со звонким щебетом. Потом прилетели две сразу и уселись на оконном переплете, охорашиваясь и поглядывая кругом.

«Наверное, здесь где-нибудь гнездо»,— подумал Шилов, улыбаясь птицам. Он боялся спугнуть их и лежал тихо, не шевелясь. Но ласточки пощебетали и улетели, черкнув синеву над водокачкой острыми крыльями, и больше долго не появлялись.

Взошло солнце. Оно лилось в окна щедрыми потоками света, заполнило все помещение водокачки. Шилов поднялся и пошел по лестнице наверх. Поднявшись до окна, огляделся. Солнце стояло над степью в той стороне, где был пролив. Но пролива отсюда не было видно за холмами побережья. Ему не терпелось скорее оказаться там, броситься в воду, плыть к своим. А день только занимался, и надо было ждать и ждать. Ждать наступления темноты.

Он спустился обратно вниз, придвинул к стене обломок доски и улегся на него, закинув руки за голову. Хотелось есть, усталое тело ныло. Весь запас пищи составляли два небольших сухаря и кусок сахара, выданные в дорогу, а также полная фляжка воды, своей воды из подземного колодца. Отстегнул фляжку, сделал несколько глотков. Сухари и сахар решил поберечь до вечера и съесть все перед дорогой. Два сухаря и кусок сахара — вот и все, чем могли поделиться с ним товарищи. Это была дневная норма из тех скудных запасов, которые еще оставались в каменоломнях.

Снова влетели ласточки и уселись на окно совсем рядом с ним. Вдруг их что-то спугнуло. Шилов приподнялся, держа

наготове автомат, выглянул в щель неплотно прикрытой двери. Прямо к водокачке шли три гитлеровца в черных эсэсовских мундирах с автоматами наперевес.

Лейтенант держал палец на спусковом крючке. Неужели заметили? Откуда они взялись? Эсэсовцы остановились неподалеку. Один, долговязый, поднял что-то с земли. Поднятым предметом оказалась красноармейская каска. Он надел ее на торчавший из земли пруток арматуры и что-то сказал. Фрицы в ответ засмеялись. Отошли от каски и стали палить по ней из автоматов. Им долго не удавалось сбить каску, пули со звоном рикошетили, некоторые попадали в стену водокачки.

Стреляли гитлеровцы по очереди. Упражнялись... Мишень, по-видимому, доставляла им удовольствие. Наконец, каска слетела на землю. Эсэсовцы громко захохотали. Долговязый подошел к упавшей каске, поднял и понес к товарищам. Они принялись рассматривать ее, затем, пиная, отбросили в сторону сапогами. К водокачке приближаться не стали.

«Пронесло,— успокоился Шилов.— Значит, фрицы оказались здесь случайно. Патрули из заводского поселка. Могла им придти в голову блажь заглянуть внутрь... Чуть сунулись поближе — пришлось бы открыть огонь. Вовремя смылись».

День тянулся нескончаемо долго. Несколько раз мимо водокачки, невдалеке, проезжали фашистские мотоциклисты. В той стороне, где находились каменоломни, раздавались взрывы. Шилова клонило в сон. Нагретый воздух струился над степью волнами, обтекал вершину Царского кургана. За Керчью виднелась гора Митридат.

Солнце стояло в зените. Шилов нежился на припеке у окна, сняв с себя гимнастерку. Тело стосковалось по теплу, солнечному свету, отогревалось и томительно-сладостно ныло в блаженной теплой истоме. Он подставлял под солнечные лучи спину, грудь, руки, поворачивался то одним, то другим боком.

Ласточки влетали и вылетали теперь, не обращая на него никакого внимания. Ласточкино гнездо оказалось прилепленным над окном снаружи, похожее на небольшую серую корзиночку. Он наблюдал за ними. Когда только успели выстроить? Наверное, после того, как у завода закончились бои. Ласточки напомнили ему родную деревню, солнечный день подмосковного щедрого лета.

После окончания училища ему не пришлось побывать дома, повидаться с матерью. Весь выпуск направили на фронт.

«Так и не повидала тебя, сыночек,— писала ему мать,— не посмотрела на тебя, не порадовалась. Я было ждала, думала — вот-вот приедешь погостить, отпуск тебе дадут после

ученья. Помни мое материнское благословение, пускай оно помогает тебе на войне».

Сколько сердечных слов к матери написал Шилов в своем дневнике. Урывками, в свободную минуту, он доставал из вещмешка заветную тетрадь, писал для себя, делился мыслями с самим собой, писал о своих товарищах, о суровых буднях подземной жизни, о людских страданиях. Скупые строчки ложились на страницы при меркнущем свете костра, под лучом фонарика. Он вспоминал детство и, возвращаясь к той жизни, которой жил до войны, находил в ней то, что помогало ему переносить все трудности и невзгоды. Записи о боях чередовались в тетради с письмами к матери. Отправить их было нельзя, и они так и оставались в тетради.

Перед уходом на задание он оставил дневник начальнику штаба Сидорову.

— Сохрани до моего возвращения...

Начштаба спрятал дневник в сейф, стоявший в нише у стола.

— Не беспокойся, будет в полной сохранности.

Перед заходом солнца Шилов поужинал, допил остатки воды. За день он отдохнул и теперь чувствовал себя бодро. За два часа он рассчитывал добраться к проливу. До рассвета надеялся быть на той стороне.

Быстро темнело. Погасла последняя алая закатная полоска на западе, над горой. Лейтенант вышел из своего убежища, ориентируясь по звездам. Шел не разбирая дороги, торопясь скорее выйти к проливу. Ветра не было несколько дней. Значит, на море штиль. Плыть будет легко.

Начался пологий спуск. Море лежало невдалеке, и он чувствовал его приближение. Ни огонька не виднелось кругом. Каменистая тропка вывела на обрывистый берег. Внизу тихо плескалась вода, набегая на отмель. Он разделся, ощупал на поясе небольшой пакет с донесением, упакованный в водонепроницаемую оболочку. Автомат, сапоги и одежду спрятал под берегом и завалил камнями.

Море встретило его ласковой волной. Оно мягко обдало, плеснуло в лицо солеными брызгами. Плыть было легко. Течение сносило от берега. Скоро его не стало видно в темноте. Кругом вода и звездное небо над головой. Еще на берегу он выбрал ярко сиявшую на востоке звезду и плыл, держась на ее мигающий свет.

Он радостно переживал свою удачу. Просто ему повезло. Не столкнулся с береговой охраной. А доплыть хватит сил.

Пускай даже если далеко снесет течением. На километр-два. Полковник Ягунов предупреждал его об этом. И с теми немцами у водокачки повезло. Значит, родился в сорочке.

Из воды впереди что-то выступало. Подплыл ближе. Полузатонувшая баржа задирала вверх тупую корму. Полежал возле, расслабив руки и ноги. Картина переправы встала перед глазами. Пикирующие вражеские бомбардировщики, взрывы бомб, низкие тревожные гудки судовых сирен, лихорадочная стрельба зениток, солдатская ругань, обрызганные кровью камни на берегу, бревна и доски разбитых плотов в свинцовой, взбаламученной воде.

Рота под его командованием прикрывала переправу рядом с подразделением морских пехотинцев. В каменоломни отошли по приказу Ягунова, когда вражеские танки и пехотинцы вырвались на побережье. В роте после четырех дней боев у переправы осталось сорок четыре бойца. Еще два дня пришлось сражаться на поверхности у катакомб, и в живых из всей роты осталось пятнадцать человек...

Шилов отплыл от баржи. Восточная половина неба светлела, но берега еще не было видно. Отдыхать приходилось все чаще и чаще. Над водой потянуло предрассветным ветром, мелькнула и пропала ранняя чайка.

Таманскую сторону он увидал с первыми лучами солнца. Низкие берега, паромная пристань. «Еще малость,— подбадривал себя,— еще самую малость».

У берега Шилова заметила охрана. Два молоденьких пехотинца вышли навстречу из укрытия, дула автоматов смотрели ему в лицо.

— Свой я! Свой!— хрипло сказал Шилов.— С той стороны... Из Керчи...

Один из солдат, белобрысый, с веснушчатым лицом, снял с себя накидку:

— Накройся! Пойдешь с нами к дежурному, там разберемся.

В штабе полка, охранявшего побережье в районе мыса Чушка, Шилова долго и придирчиво допрашивал скуластый капитан, остроглазый, с седым ежиком короткой стрижки. Донесение командира подземного гарнизона лежало на столе.

— Чем вы докажете, что действительно это донесение Ягунова?— щурил капитан пронзительные глаза.

— На документе есть печать, подпись...

— Печать и подпись легко подделать.

— Проверьте, если не верите мне.

— Как я могу вам поверить?

Шилов потупился. Щемящая боль сдавила сердце. Ему не верят свои. Как какому-то изменнику и шпиону. Не верят ни одному слову.

— В донесении вся правда о положении защитников каменоломен,— он подавил в себе едкую горечь обиды.— И я еще могу многое рассказать к этой правде.

— Объясните тогда, как вам удалось выбраться из катакомб, беспрепятственно переплыть пролив.

— Препятствий было хоть отбавляй, капитан. Чтобы добраться до вас, мне понадобились день и две ночи.

— Хорошо, мы проверим ваши сведения. Вы можете назвать, сколько еще времени могут продержаться защитники каменоломен?

— Не могу. Я знаю одно: подземный гарнизон будет защищать каменоломни до последнего человека. Это слова полковника Ягунова.

— Вы намерены возвращаться назад?

— Да. Но это зависит от вас...

Капитан покачал головой:

— Лично от меня ничего не зависит. Мы отправим вас в штаб дивизии. Там решат, как с вами быть. Я доложу сейчас о вас командиру.

У двери в кабинет полковника Шилов растерялся. Навстречу ему вышел загорелый лейтенант с усиками.

— Мухин!— Он узнал в лейтенанте однокурсника по училищу и своего закадычного друга.

— Неужели ты, Женька...— изумился тот.— Вот так встреча!— Друзья крепко обнялись.

Капитан с удивлением переводил глаза то на одного, то на другого.

— Ты откуда, как сюда попал!—засыпал Мухин вопросами.

— Из Керчи. Потом все объясню.

— А я в адъютантах у командира полка. Вы к нему?

Вечером друзья сидели у Мухина на квартире. Они расстались в первые дни войны и не виделись с той поры. Шилов рассказывал другу о том, как он оказался в каменоломнях, о полковнике Ягунове.

— Неужели Павел Максимович там? — все переспрашивал Мухин.— Вот человек, наш батя! Ты извини, Женька, но это честно, мне просто перед тобой неудобно. Ты год воюешь, а я год в адъютантах.

— Тебе повезло — к начальству ближе. Ладно, не хмурься... Шучу. Насчет десанта в Керчь ничего не слышно?

— Готовимся, Женя, готовимся. Идет дислокация войск. Но конкретно ничего не могу сказать. Оставайся здесь с нами, зачислим в полк. Отдадут приказ — вместе будем освобождать Керчь, гнать фрицев из Крыма.

— Нет, Володя... Вернусь в катакомбы. Я дал слово нашему Ягунову, хотя он не настаивал на возвращении. Расскажу обо всем, что узнал у вас. Ты понимаешь, как это много значит для гарнизона. Мне нельзя не возвращаться.

— Смотри, дело твое...

— Долг солдата — быть там. Я думаю, на моем месте ты бы поступил так же.

Оба задумались.

— Три дня я пробуду у вас. Вообще-то здорово мне посчастливилось, что я встретил тебя. А то ваш капитан меня за предателя принял. Я уж духом пал.

— Не беспокойся, разобрались бы. Как же ты, Женька, изменился! Худущий — страх! Ну говори, говори...

— Нелегко говорить обо всем, Володя. Раненые, больные умирали от жажды. Не было воды. Не хватает слов описать все муки. От газов погибли тысячи людей. Фашисты задушили в катакомбах стариков, женщин, детей... В чем они были виноваты? В том, что они советские люди. Фашистскую заразу надо выжигать каленым железом, иначе она уничтожит все лучшее, что есть на земле.

Друзья долго еще говорили обо всем, вспоминали Баку, учебу, своих товарищей.

В обратный путь через пролив Шилову снарядили лодку, снабдили автоматом, гранатами, тремя банками тушенки и буханкой хлеба. Мухин проводил друга, крепко обнял:

— До встречи в Керчи, Женя!

Провожавшие оттолкнули лодку от берега. Шилов налег на весла. Море слегка волнило, вода плескала в борта. Скоро таманский берег пропал, растаял в чернильной темноте ночи. Лодка шла ходко. За три часа он надеялся достичь противоположной стороны. Конечно, придется как следует нажимать на весла. Лишь бы не сбиться в сторону. Хорошо, что Мухин дал компас. Если все будет нормально на берегу, до рассвета можно добраться до завода. А по-темному махнуть к своим, в катакомбы. Вот будет радости! Главное, выполнен приказ Ягунова. Донесение в руках нашего командования... И письмо родным полковника в Баку написал.

Вспомнил, как однажды видел Ягунова с дочкой. Дневалил в казарме. Полковник зашел с проверкой. С ним — девчушка с косичками, лет пятнадцати. В косичках по белому банту. Посмотрел Ягунов, заметил на полу окурки — откуда только они взялись? Спросил веник, сам подмел. Обошлось без выговора, только и сказал: «Теперь чисто». Как тогда стыдно было! Покраснел, а девчушка на него смотрит, улыбается, голубые глаза щурит.

Лучше бы на гауптвахту посадил, чем так пристыдить. Подумать только — заместитель начальника училища за него пол вымел. Помнит ли полковник тот случай? А ему всю жизнь не забыть про такой урок.

И матери письмо послал. Просил не тревожиться понапрасну. О том, что находится в каменоломнях, написал, о тяжелых боях... Лодку качало на волнах, и под мерные взмахи весел думы уносились к родному дому.

Он греб, не отдыхая. Лишь несколько раз выпускал весла из рук, чтобы проверить по компасу направление лодки. Для

этого приходилось низко наклоняться, пряча свет фонарика. Каменистая круча берега показалась скорее, чем он предполагал. Лодка ткнулась носом в камни. Он забросил за плечи вещмешок, приготовил автомат, прислушался. Плескали, разбивались волны о прибрежные скалы.

Наверх Шилов выбрался, где было поположе, как раз напротив окопчика береговой охраны. Автоматная очередь хлестнула его по ногам. Он броском рванулся под берег, упал, сползая вниз по осыпающимся камням.

Боль пронзила обе ноги ниже колен. Вспыхнула осветительная ракета. Четко застучал пулемет, трассирующие пули понеслись над головой. Отстреливаясь короткими очередями, он надеялся доползти до лодки.

Еще одна пуля угодила ему в левую руку у локтя. Ползти было все труднее. Ракеты высвечивали каждый камень на берегу. Фашистский автоматчик перебежками приближался к нему сбоку, прячась за камни. Шилов затаился и, выждав момент, дал очередь. Гитлеровец ничком ткнулся в землю.

Ползти к лодке теперь уже не имело смысла. Силы оставляли его. Но сознание все еще было ясным. Он продолжал отстреливаться. Большая каменная глыба прикрывала его сверху от пуль. Они чиркали по камню, не задевая его. Еще два автоматчика стали заходить к нему от берега. Они били перекрестным огнем. Стреляли долго, хотя он, мертвый, не отвечал на их выстрелы.

26

Проводив лейтенанта Шилова, полковник Ягунов вернулся в командирскую штольню. Включил радиоприемник. Москва передавала концерт Чайковского. Оркестр исполнял «Allegro con gracia» из Шестой симфонии. Музыка звучала под сводами подземелья, дивная чарующая музыка. Затем диктор прочитал сообщение Информбюро. Советские войска оставили Севастополь.

В штольню вошел комиссар Парахин. Полковник сообщил ему эту новость.

— Да-а,— нахмурился комиссар.— Восемь месяцев держались моряки. Нам надо ответить на это новым ударом по врагу.— Комиссар закинул руки за спину, прошелся из угла в угол, остановился у стола Ягунова.

— Предлагаю завтра ночью ударить по аэродрому противника под Аджимушкаем. За последнее время гитлеровцы сосредоточили там много бомбардировщиков для налетов на Кавказское побережье. Надо пообломать крылья фашистским стервятникам.

Ягунов согласился:

— Предложение хорошее, комиссар. Правда, дело требует серьезной подготовки. Иначе соваться нечего. Аэродром находится под усиленной охраной. Удар должен быть нанесен внезапно. Главное — внезапно.

Сутулясь, вошел Бурмин. Сбросив с плеча автомат, прикурил от фонаря, тяжело опустился на стул.

— Кстати, Григорий Иваныч,— обратился к нему Ягунов.— Одна голова хорошо, а две лучше. Комиссар предлагает ударить по вражескому аэродрому. Чтобы нам глаза не мозолил...

Бурмин сделал глубокую затяжку:

— Прямо мои мысли угадал. Хватит смотреть, как враг у нас чуть не под носом орудует. Самолетов там порядочно. Кавказ бомбить летают. Надо им показать такой Кавказ...

— Добро, Григорий Максимович,— откинулся на спинку стула Ягунов и вытянул под столом ноги. Последнее время у него обострился ревматизм и мучила ломота.— Подобрать ударную группу поручаю тебе, как своему заместителю. Правильно, Иван Павлыч?

Парахин улыбнулся:

— Значит, идея моя, а выполнять операцию будет он. Так не пойдет, Павел Максимович. Разрешите заняться нам этим делом вместе. На паях, как говорится.

— На паях, так на паях. Делить тут нечего. За успешное проведение операции все мы в ответе. Срок, как я говорил, будет зависеть от нашей подготовленности. В медвежью берлогу без рогатины не суйся.

Раздался телефонный звонок. Командир взял трубку. Звонил начальник штаба Сидоров.

— Товарищ полковник,— докладывал Сидоров волнуясь.— Дежурные сообщили: со стороны Тамани слышна артиллерийская канонада. По всей вероятности, наша дальнобойная артиллерия начала обстрел Керчи. Возможно, ночью начнется высадка десанта.

— Поднять все батальоны по тревоге!— распорядился Ягунов.— Каждую минуту быть готовыми выйти на поверхность для оказания помощи десантникам. Усильте наблюдение в восточном секторе. Я сейчас прибуду туда.

Гарнизон подняли по боевой тревоге. Бойцы с оружием в руках заняли места у амбразур и выходов из каменоломен. Ягунов прибыл к наблюдателям в восточный сектор. Со стороны побережья доносился гул канонады. При свете фонаря командир роты лейтенант Ярков узнал полковника.

— Давно начался обстрел?— спросил Ягунов.

— Ровно в двадцать три часа, товарищ полковник. Я засек время. Заговорила наша дальнобойная... Видать, помощь к нам идет.

Человек пять пехотинцев из роты Яркова разбирали в наружной стене проем, заложенный камнем. Другой проем, размером в печное устье, был открыт. Ягунов сбросил шинель и протиснулся через выход наружу. Вслед за ним выполз Ярков. Ночь выдалась ненастной, моросил мелкий теплый дождь. Со стороны пролива явственно доносился прерывистый гул, казалось, что оттуда надвигалась гроза, предвещая свое приближение отдаленными раскатами грома. Слышались и тяжелые разрывы снарядов вдалеке за каменоломнями у Керчи.

Ягунов чутко ловил слухом звуки канонады. Неужели началось? Неужели близится час расплаты с врагом за все муки, вынесенные в подземелье, за смерть удушенных газами, погибших от голода, болезней и жажды?..

Так же думали и остальные защитники каменоломен. Люди сжимали в руках готовое к бою оружие. Глаза наблюдателей зорко всматривались в темноту. Томительное ожидание держало весь гарнизон в напряжении. Гимнастерка на спине Ягунова промокла от дождя. Он послал Яркова за шинелью. Лейтенант вернулся, положил ее рядом с командиром. Полковник подстелил шинель. Уходить назад в катакомбы не спешил.

Парным теплом исходила земля, впитывая дождевую влагу; капли дождя сеялись на лицо.

Враг вокруг каменоломен молчал. Фашистские посты, замаскированные в укрытиях, не подавали ни звука.

Ягунов встал с земли, надел шинель, прислонился к щербатой стене. Казалось, что и степь прислушивается к артиллерийской канонаде.

Высадки десанта гарнизон так и не дождался. Под утро обстрел прекратился. По катакомбам дали отбой. Роты и батальоны разошлись по своим местам. Подготовленные выходы вновь заложили камнем. У бойниц и амбразур остались наблюдатели.

По случаю воскресенья гитлеровцы, как всегда, устроили в этот день выходной. От поселка доносились марши духового оркестра. Фашисты праздновали захват Севастополя. Оккупанты ходили по улицам без мундиров, в одних майках — загорали.

— Устроили себе курорт!— ругались бойцы, наблюдавшие за фашистами.

В дальних штольнях и отсеках подземелья, куда с поверхности не поступал теплый воздух, было особенно холодно, как бывает холодно в глубоком погребе в летний день. Люди жались поближе к кострам, грелись у огня, готовили пищу.

Подземный гарнизон воспользовался передышкой. Раненых и больных из госпиталя выносили к проемам подышать чистым воздухом. Командир роты Ярков со своими бойцами разбирал завал в центральном коридоре. Накануне гитлеровцы произвели здесь сильный взрыв. За грудой камня нашли девочку лет шести. Политрук Лунин взял ребенка на руки. Всхлипывая, девочка прижалась к нему худеньким тельцем. Он принес ее к себе в штольню, посадил на опрокинутый у костра патронный ящик. Лейтенант Ярков пошарил в кармане, протянул девочке сухарь. Она взяла его, зажала в кулачке, сквозь слезы спросила:

— Это на сегодня дядя, или вообще?

Лунин погладил девочку по голове, щемящая жалость схватила за сердце:

— Кушай, кушай... Как тебя зовут?

— Светланка...— Она стала грызть сухарь.

Что значило это «вообще» — легко было понять. Ее напоили чаем, заваренным на траве. У огня личико девочки разрумянилось. Она сидела на ящике, поджав под себя ноги, смотрела на бойцов заплаканными глазами.

— А где твоя мама?— спросил Ярков.

— Умерла... А папа воюет на фронте с фашистами. Далеко-далеко,— девочка наморщила лобик.— Под Ленинградом. Папа — моряк. Я ему напишу письмо, и он приедет за мной, когда немцев прогонят. На наш дом упала бомба... Там теперь большая яма.

— Что нам с тобой делать, Светлячок?..— задумался Лунин.

— Пускай пока побудет с нами, а там сдадим в госпиталь на попечение женщин,— предложил Ярков.

Бойцы вразнобой заговорили:

— Пускай у нас живет...

— Заместо дочери будет.

— Куда ее, сироту, девать? Мы нашли — пусть у нас и находится.

Командир роты махнул рукой:

— Ладно! Пусть будет в нашей роте солдатская дочь. В обиду не дадим. Так, что ли, ребята?

Бойцы одобрительно зашумели:

— Приглядим за девчонкой. Без призора не оставим!

— Имя-то у нее какое — Светланка! У нас в штольне света прибавится.

— Одним словом, Светлячок.

Девочку умыли теплой водой, причесали волосы на прямой рядок. Кто-то успел свернуть ей из лоскутов тряпичную куклу, у кого-то нашлось в запасе несколько кусочков сахара. Сморенная усталостью, всем пережитым, она уснула здесь же на ящике у огня. Лунин подложил ей под голову ватник, укрыл шинелью.

Из штаба батальона за Ярковым прислали связного.

— Немедленно явиться к комбату,— передал боец.

Командир батальона сидел за дощатым столом, склонив крупную стриженую голову, собирал немецкий пистолет. На столе в снарядной гильзе дымил фитиль.

— Отдыхаем, лейтенант?— комбат дулом пистолета поправил нагар на фитиле.

— Не успел,— признался Ярков.— Разбирали вчерашний завал в центральном тоннеле.

— Я вас долго не намерен задерживать. Дело вот какое,— комбат потер припухшие веки.— В другие роты уже сообщено. Есть решение командования гарнизона сегодня ночью совершить налет на вражеский аэродром. Ровно в двенадцать ноль·ноль будет дан сигнал. Основной удар по аэродрому нанесет третий батальон. В задачу нашего батальона входит блокировать дороги к аэродрому от поселка Аджимушкай и помешать гитлеровцам прийти на помощь. Ваша рота, лейтенант, займет керченскую дорогу правее поселка. Как настроение у бойцов?

— Обстрел с Тамани растревожил, товарищ комбат. Ждали десанта...

Командир батальона вздохнул:

— Что поделаешь. По-видимому, предприняли артналет на врага. Будет и на нашей улице праздник.

К полуночи бойцы второго и третьего батальонов заняли исходные позиции у выходов. Ровно в назначенное время прозвучал сигнал атаки. Защитники каменоломен устремились на поверхность. Рота лейтенанта Яркова преодолела проволочные заграждения. Бойцы набрасывали на колючку шинели, ватники и перекатывались на другую сторону. Пулеметы врага из укрытий вели ожесточенный огонь. Прячась за глыбами камней, рота короткими перебежками прорвалась пулеметчикам в тыл. Вспыхивали и гасли ракеты. Яркову незаметно удалось близко подползти к вражескому пулемету в развалинах дома у дороги. Швырнул туда гранату. Пулемет смолк.

Бойцы перерезали дорогу у поселка. Бой гремел на подступах к аэродрому, на северо-западной окраине Аджимушкая. Противник подтягивал сюда свои основные силы. Но батальон стойко удерживал занятые позиции, отражая атаки врага.

Ударная группа под командованием подполковника Бурмина ворвалась на аэродром. В зачехленные бомбардировщики, автомашины-заправщики полетели гранаты, бутылки с горючей смесью. Над взлетным полем взметнулось зарево.

Пожар на аэродроме продолжался до утра.

27

Результаты налета на вражеский аэродром разобрали на заседании совета обороны. Полковник Ягунов не скрывал своего удовлетворения. Бойцы подземного гарнизона уничтожили и вывели из строя двенадцать самолетов противника.

— Это большая удача,— подчеркнул Ягунов.— Позвольте мне зачитать письмо. Его доставили нам защитники Малых каменоломен, наши боевые соседи.

Полковник взял со стола лист бумаги, откашлялся:

— Письмо бойцам и командирам, находящимся в Центральной каменоломне Аджимушкая. 14 июля 1942 года. Дорогие товарищи! Поблизости друг от друга мы сражаемся с ненавистным врагом на своих подземных позициях. Фашисты изощряются в бесчеловечных средствах, стремятся сломить наше сопротивление во что бы то ни стало. Но им не видать победы над нами как своих ушей. Наша героическая Красная Армия продолжает бить фашистов под Воронежем и Ростовом и на других фронтах. Придет время — и Крым будет освобожден от немецких оккупантов. Давайте так бить фашистов, чтобы скорее приблизить этот момент.

Вы уже слышали, как наши орудия крупного калибра с Тамани начали обстрел вражеских позиций на Керченском полуострове. Это большая поддержка нам. Условия, в которых находится наш гарнизон, тяжелые. «Но есть ли на свете такая сила, которая способна сломить русскую силу?» Это слова Тараса Бульбы перед казнью. Каждый наш боец своей ежедневной борьбой, бесстрашием перед лицом смерти подтверждает справедливость этих слов.

Мы слышим над Центральными каменоломнями пулеметную и автоматную перестрелку, разрывы мин. Вы сражаетесь, хотя фашисты ежедневно кричат, что ваш гарнизон уничтожен. Грош цена гитлеровским брехунам. Желаем вам еще беспощаднее громить захватчиков. Смерть фашистским оккупантам!

Командование гарнизона Малых каменоломен Аджимушкая.

Ягунов закончил чтение, добавил от себя:

— К сожалению, мы не можем теперь поддерживать связь по радио с защитниками Малых каменоломен. Поэтому каждое известие о борьбе наших товарищей дорого. Мы подготовили им письмо. Зачитайте письмо, Иван Павлыч,— обратился полковник к комиссару.

Парахин поднялся, держа в руке письмо, другой рукой оперся о край стола:

— Наши боевые товарищи по оружию!— четко читал комиссар.— Мы делаем с вами одно общее дело в тылу у врага— продолжаем борьбу с поработителями нашей Родины. Фашистам никакими мерами не удастся заставить подземный гар-

низон Центральных каменоломен сложить оружие и сдаться в плен. В бессильной злобе гитлеровские палачи пытаются задушить нас газами, завалить грудами камней, уморить голодом. Сознание того, что вы сражаетесь рядом с нами, не сломлены духом и не побеждены, поддерживает силы наших бойцов и командиров. На счету у нас немало уничтоженных вражеских солдат и офицеров, танков и другой фашистской техники. Пока наши руки держат оружие — будем громить врага...

Парахин не дочитал письмо до конца. Над штольней прогрохотал взрыв.

— Спокойно, товарищи!— ни один мускул не дрогнул на лице Ягунова.— Всем немедленно оставить штольню.

«Неужели противнику удалось узнать расположение штаба?— подумал командир гарнизона.— До сих пор местонахождение штаба и командирской штольни оставалось для фашистов секретом. Возможно, нашелся предатель, выдавший гитлеровцам этот секрет. Или взрыв над штабом просто случайность?»

В любой момент мог произойти обвал. За несколько минут штабники и бойцы взвода охраны успели вынести из обоих помещений сейфы, железные сундуки с документами. Сквозь толщу камня с поверхности отчетливо доносился шум работающего бура. Потолок над штабом выдержал два взрыва, и это спасло всех, кто находился здесь, от гибели. От третьего взрыва штольня обвалилась. К обвалу прибыли бойцы Яркова, залегли между обломками скалы. Сверху в провал на веревке спускался в каменоломню солдат в рваной гимнастерке с красноармейскими нашивками и автоматом ППШ.

— Стоп! Не стрелять!— предупредил Ярков.— Разберемся, что за птица.

Солдат спустился до пола штольни и стал отползать в темноту, прямо на Яркова.

До скалы, за которой лежал лейтенант, оставалось несколько метров. Солдат замер, прислушиваясь.

Командир роты гадал, что он станет делать. Подумал: повернет назад — уйти не дам. Черт знает, что у него на уме. Скорее всего этот тип — переодетый немецкий разведчик. Нет, надо его обязательно взять живым.

Лазутчик словно почуял опасность, стал отползать от того места, где его караулил Ярков, в глубь полузаваленного коридора. Лейтенант привстал и задел каской за выступ скалы над головой. Стук испугал солдата. Он вскочил, на мгновение включил электрический фонарик и метнулся за поворот.

«Нет, нет, не стрелять,— удержался Ярков.— Теперь главное не дать ему уйти далеко и затаиться. Иначе не найти в темноте запутанных переходов и заваленных отсеков».

Лейтенанта взяла досада на самого себя. Ушел фриц из-под самого носа.

— Охраняйте провал и не давайте проникнуть врагу,— приказал он бойцам.— Лунин, за мной.

Вдоль стены добежали до поворота. Вдалеке мелькнул и сразу погас острый луч электрического фонарика.

«Ага! У большого завала перед выходом в центральную штольню. Там, у потолка потайной лаз, заложенный обломками камня. Но враг ничего не может знать о нем. А что если знает? Не случайно удалось взорвать сегодня штабную и командирскую штольни. Неужели кто-нибудь выдал схему каменоломен? Если лаузтчик не знает о потайном лазе, он вынужден будет повернуть назад. Других выходов из тупика нет. Тогда еще лучше подстеречь здесь, у бокового тоннеля. Через этот тоннель остался единственный проход в глубь каменоломен».

Неизвестный солдат оказался теперь в ловушке, отрезанный с одной стороны завалом, а с другой Ярковым и Луниным. Они притаились в тоннеле и стали ждать, когда он станет возвращаться от завала. Несколько раз там вспыхивал и гас фонарик.

— Знает, шкура!— выругался Ярков. Теперь он почему-то больше не сомневался в своей догадке. Напрасно потеряно несколько минут. Враг перехитрил их обоих.

Спотыкаясь и падая, друзья добежали до завала. Лунин включил карманный фонарик. Вверху под самым потолком чернел лаз. Все стало ясно.

— Все равно не уйдет!— взяло зло командира роты.— Посмотрим — кто кого.

Они проползли через проход на другую сторону завала. Лазутчик ничем не выдавал себя. Возможно, затаился где-нибудь рядом за камнем или спрятался в какой-нибудь штольне. В напрасных поисках облазили соседние штреки. Лунин по одну сторону коридора, Ярков — по другую. Оставались неосмотренными две полузаваленные штольни перед проходом в галерею направо, откуда начинался длинный, со множеством поворотов тоннель к подземному колодцу. Оба помещения были небольшими.

Ярков сбоку осветил вход и сразу выключил фонарик. Из глубины штольни короткой очередью ударил автомат. Лейтенант плотно прижался к стене. «Ага, здесь! Хватит играть в прятки». Он поднял с пола камень и бросил внутрь. В ответ

снова раздались выстрелы. Пули зацокали по стене напротив. По коридору подполз Лунин. Оставалось ждать момента, когда враг попытается выбраться наружу. Теперь он был обложен, словно медведь в берлоге. Выход из штольни один. И врагу не миновать этого выхода, у которого его караулили. В тишине они слышали, как он ворочался на полу, подползая ближе и ближе к выходу вдоль внутренней стены. И когда Ярков не увидел, а скорее догадался по шороху, что он ощупывает стену рядом, едва не задевая его ноги и все дальше высовываясь наружу, навалился на него сверху всем телом. Вдвоем они едва справились с ним, скрутили руки за спиной электрическим шнуром.

— Давай-ка как следует разглядим его,— Ярков включил фонарик и направил луч прямо в лицо пленному. Он сидел спиной к стене, одетый в красноармейскую рваную гимнастерку, галифе, и злобно сопел, глядя в сторону от света.

— Под нашего брата вырядился,— сквозь зубы процедил Лунин.— Вот рожа только выдает — очень уж справная. Не с катакомбовских харчей. Прямо кирпича просит. По-русски ферштеен?

— Нейн,— немец закачал головой.— Руссиш нейн.

— А ну давай вставай, топай за нами,— подтолкнул его Ярков дулом автомата.— Шнель, шнель... И так с тобой долго проваландались. Не вздумай бежать.

Друзья сдали пленного в штаб.

— Что за ряженый?— удивился Сидоров.— Откуда вы его, ребята, раздобыли? Дезертир, что ли, какой?..

— На веревке сверху спустился в провал. Там, где был штаб,— объяснил Ярков.— Такой дошлый оказался, ходы-выходы под землей хорошо знает. Откуда они ему известны? Надо разузнать...

Сидоров приказал обыскать пленного. Из карманов извлекли две упаковки с каким-то порошком.

— Это что такое?— начштаба показал на коробки.

Немец догадался, о чем его спрашивают.

— Медикамент.

— Проверим твой медикамент,— Сидоров взял со стола кружку, отсыпал в нее немного порошка, налил из фляжки воды.

— Пей,— протянул он кружку пленному.— Тринкен битте. Тринкен! Ну...

Пленный пугливо передернулся, на лице градом выступили крупные капли пота. Кружку взял, но продолжал держать ее в руках.

— Пей, пей,— настаивал Сидоров.— А то, видать, уморился, пока по катакомбам шастал. Путешественник!

Немец отрицательно качал головой.

— Понятно,— Сидоров взял у него кружку!— Значит, не желаешь?

— Я все скажу,— неожиданно по-русски заговорил пленный.— В коробках яд.

— Смотри-ка!— в один голос удивились Ярков и Лунин.— Чего же мозги-то крутил. А то заладил — руссиш нейн.

— С какой целью заслали в каменоломни?— в упор спросил начштаба.

Немец переступил с ноги на ногу:

— Мне приказали отравить подземный колодец. Я не хотел этого делать. Меня послали потому, что я знаю русский язык. Повторяю, я не хотел этого делать. Я просто хотел выкинуть коробки с ядом. Это бесчеловечно — отравлять людей... Я не собирался выполнить приказ.

— Душить людей газами тоже бесчеловечно. Вы знаете об этом?— нахмурился Сидоров.

— Нам говорят, что это нейтральный газ,— хрипло выдавил пленный.

— Кто это говорит?

— Те, кто распоряжается этим, наше командование.

— Вы прекрасно знаете, что это обман,— возразил Сидоров.— Вы пробовали дышать этим нейтральным газом?

— Нет, не пробовал,— признался пленный.— Я не имею никакого отношения к химической команде, которая занимается этими делами. Я учитель русского языка... Меня взяли на фронт по мобилизации и послали в Россию.

— Вам известно, где находится колодец?— Сидоров испытующе посмотрел на немца.

— Нет. Мне дали задание выяснить его месторасположение. Меня послали потому, что я знаю русский язык.

В штабной штольне показались командир гарнизона Ягунов и комиссар Парахин.

— Интересную птицу поймали, товарищ полковник,— доложил начальник штаба.— Я его обо всем не успел допросить. Но и то, что сообщил пленный, очень важно.

— Ну что же, вот вместе и продолжим допрос,— сказал Ягунов, присаживаясь к столу.

— Он, товарищ полковник, хорошо говорит по-русски. К нам заслан отравить колодец. Диверсант. Переоделся в нашу форму. При обыске в карманах обнаружены коробки с неизвестным порошком, по-видимому, каким-то ядом. Вот эти самые, что лежат на столе,— показал Сидоров.

— Может быть, скажете, какой это яд?— обратился к пленному Ягунов.

— Мне ничего не известно, господин полковник. Я знаю только, что им можно отравить много воды. Мне приказали...— Лицо пленного сморщилось в трусливой гримасе.— Я ничего не хотел делать, кроме одного — сдаться в плен. Но я испугался, что меня убьют в катакомбах. Поэтому я прятался от ваших солдат.

— Врет он, товарищ полковник,— не выдержал политрук Лунин.— Я думаю: откуда он знал про потайной лаз у завала в центральном коридоре? Чего-то он темнит. И сдаваться в плен добровольно не собирался. Мы с командиром роты обнаружили его в штольне, где раньше была главрация. Пытался отстреливаться. Схватили его при попытке выбраться из штольни. Прикидывается, будто добровольно хотел сдаться.

— Вам заранее был известен потайной лаз?— продолжал Ягунов.

Немец стал подробно и сбивчиво объяснять:

— Схему подземных ходов нам выдал ваш солдат. Он не захотел погибать под землей и сдался в плен. Ему было все известно: где находится штаб, подземный колодец. Его собирались заслать в каменоломни для диверсионной работы. Возможно, уже заслали. Я больше ничего не знаю о нем.

— Он известен вам в лицо?— спросил Парахин.

— Да, я видел его в нашем штабе: среднего роста, верхняя половина правого уха оторвана. Как это сказать по-русски,— немец угодливо улыбнулся,— кар-наухий? Да?

Ягунов и комиссар Парахин переглянулись. Ночью охрана задержала бойца, пытавшегося проникнуть внутрь каменоломен. Он не мог назвать пароль и сказал, что из взвода связи. Объяснил, будто во время одной из ночных вылазок за продуктами в Аджимушкай был контужен и неделю прятался в поселке. Сведения, сообщенные им, проверили. Задержанный в самом деле оказался из взвода связи, по фамилии Бучма. Его считали погибшим в ночной стычке с гитлеровцами.

Когда о нем доложили Ягунову, он дал указание внимательно следить за каждым его шагом. Исчезновение и появление Бучмы показались полковнику подозрительными, хотя, конечно, подобные случаи, когда бойцы, посланные в разведку или на задание, погибали или возвращались с задержкой, были частыми.

Пока допрос пленного продолжался, Ягунов приказал привести Бучму. Он вошел в штольню, воровато косясь по сторонам, остановился рядом с пленным напротив стола.

— Снимите шапку!— приказал Ягунов.

Бучма нехотя стащил с головы видавшую виды солдатскую ушанку.

— Узнаете?

— Да, господин полковник. Я говорил именно о нем,— подтвердил немец.— Об этом солдате, которого видел у нас в штабе.

Примета, о которой говорил пленный, бросилась всем в глаза.

— Не слушайте его!— побледнел Бучма.— В первый раз вижу этого человека. Не встречал ни в каком штабе.

— Может, вспомнишь,— напрягся за столом Парахин.— Встречались в немецком штабе. Или память отшибло с тех пор, как фашистам продался?

Бучма, словно затравленный волк, озирался под устремленными на него презрительными взглядами. Натужно выдохнул:

— Меня оклеветали... За что?

— Хватит разыгрывать комедию,— прервал его Ягунов.— Захотел стать фашистским прихвостнем, спасти свою подлую шкуру ценой предательства. Но возмездие нашло тебя и под землей. Твои проступки нам уже известны... Поэтому обмануть нас не удастся. С какой целью гитлеровцы заслали тебя в катакомбы — тоже не секрет.

— Пытался выслужиться перед врагом,— Ярков сжал кулаки.— Я б тебя, мразь, будь моя воля, своими руками...

Бучма повалился на каменный пол:

— Простите! В бою кровью искуплю свою вину. Простите...

Ягунов резко бросил в лицо предателю:

— Изменникам родины нет прощения!

28

Июль стоял на исходе. В степи за каменоломнями поспела посеянная весной колхозная пшеница. Каждый день фашисты гоняли население поселка на уборку и молотьбу. В уцелевших садах зарумянились яблоки, налились соком персики и абрикосы. А в катакомбах пухли и умирали от голода бойцы подземного гарнизона.

Почти каждую ночь с Тамани дальнобойная артиллерия обстреливала вражеские позиции на побережье у Керчи. По ночам с кавказской стороны стали появляться наши самолеты и бомбить расположения немецких войск. Бомбы и снаряды рвались на поверхности над каменоломнями, в порту, на станции Керчь и в самом городе. Фашисты в свою очередь вели артобстрел и бомбардировку Таманского побережья.

Вокруг каменоломен на дорогах гитлеровцы установили щиты с надписями: «Зона действия подземных бандитов. Хождение населения строго воспрещается! Лица, застигнутые возле каменоломен, будут расстреляны!»

Кто-то из бойцов содрал со щита фашистское объявление и принес с собой. Объявление показали Ягунову. Полковник прочитал, усмехнулся:

— Не от хорошей жизни написали такое. Боятся нас, как огня.

Он взял со стола синий карандаш, набросал на оборотной стороне листа карикатуру на Гитлера. Фюрер во все лопатки удирал босиком от каменоломен, оставив сапоги.

Сидоров рассмеялся:

— Да вы, Павел Максимыч, талант! Вот не знал. Получилось, как у заправского художника.

— Карикатуры люблю рисовать,— признался командир.— А что фрицам придется драпать от Керчи — в этом нет сомнения. Этой ночью обстрел с Тамани был особенно сильный. Слыхал, поди... Такая канонада гремела. Что нового у разведчиков?— повернулся он к своему заместителю подполковнику Бурмину, заменившему умершего Вершинина.

— Вернулись на рассвете, товарищ полковник. За Царским курганом в степи наткнулись на ток. Два вороха пшеницы. Видимо, фашисты приготовили для отправки. Ток охраняется, но охрана небольшая.

— Фашисты будут есть наш хлеб, а мы станем смотреть,— сказал Сидоров.— На колосках, которые в карманах носим, не продержаться.

— Сегодня снарядим отряд за пшеницей,— ответил Ягунов.— Надо захватить у гитлеровцев побольше хлеба. Нашего, колхозного хлеба. А то очень ловко у врага вышло, словно в пословице: не сеял, не пахал, а жито в амбар собрал. Кто возглавлял группу разведчиков? Данченков... Пригласите его, товарищ Сидоров. Давайте посоветуемся, как лучше организовать вылазку за пшеницей.

Начштаба послал за Данченковым. Камнерез явился, как всегда, с Павликом. Отец и сын остановились посреди штабной штольни. Оба с автоматами. На шапке у Павлика поблескивала красная солдатская звездочка.

— Ну, Павлик, ты настоящий боец,— похвалил мальчика Ягунов.— От отца не отстаешь.— Он пригласил обоих сесть.— У меня, Павлик, для тебя подарок есть...— Командир открыл ящик стола, достал книгу.— Вот давно собирался отдать. Держи. Любишь стихи?

— Люблю,— Павлик взял книгу.

— Это тебе, Пушкин. Помнишь?— Павел Максимович прочитал наизусть:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

Замечательные строки. В них, Павлик, высокий смысл служения Родине. А без Родины нет человека.— Полковник помолчал, встряхнул головой.

— Теперь к делу. Что, думаешь, Николай Семенович, не успеет враг сегодня за день увезти хлеб с тока?

— Кто знает, товарищ командир,— вздохнул Данченков.—

Хорошо бы этой ночкой сделать рейд на ток. Хлебушком разжиться.

Ягунов согласился:

— Совершенно верно. Я за тем и пригласил тебя. Ночью за хлебом пошлем группу человек в двести. Поведешь группу ты. Сколько может унести каждый?

— Возьмем, сколько под силу,— ответил Данченков.— А взад-вперед километров десять...

Данченков подробно объяснил, как надо добираться до тока. Через болотистый луг до Царского кургана. Пшеничное поле начиналось за курганом. В самом конце поля у дороги фашисты и устроили ток, привезли молотилку с локомобилем.

— Ну-ка, Павлик, скажи — много там немцев видел?— обратился к сыну Данченков.

— Что, или он с тобой в разведку ходил?— спросил Сидоров.

— Как сказать... Он мне про этот ток и рассказал,— признался отец.— У него пацан знакомый в поселке живет. Вот он к нему с моего разрешения наведался. А мать того дружка фрицы на молотьбу каждый день гоняют. Они с ней оба ходили на ток. Павлик до обеда на току работал, снопы к молотилке подтаскивал. Вечером вернулся через потайной ход, честь по чести, все рассказал. Мы ночью проверили — все точно, как он обрисовал.

— Рассказывай, Павлик,— попросил и Ягунов.

Приободренный самим командиром, мальчик посыпал скороговоркой:

— Сережка — дружок мой... Сидим мы раз с папкой на чердаке в том доме, где у нас наблюдательный пункт. Смотрю — по улице Сережка идет. Хотел ему свистнуть, да нельзя. А я думал, он с матерью на Тамань эвакуировался. Прошел он мимо дома, ни о чем не догадался. Вчера я к нему сходил. Мать его на ток нас обоих брала. Немцев на току днем было много, на машинах за зерном приезжали. А колхозников гонят работать силком. И Сережкину мать тоже. Она сказала, что ночью зерно остаются охранять два солдата. Из поселка жители ходят пшеницу с тока воровать. Вот немцы охрану и затеяли.

— Ай да Павлик! Все разнюхал, что у фрица делается,— рассмеялся Бурмин.

Ночь выдалась — хоть глаз выколи. Отряд во главе с Данченковым обошел Царский курган и долго пробирался болотистой низиной. Камнерез поглядывал на компас — в темноте бы-

ло легко сбиться с пути. Наконец, под ногами зашелестела колючая стерня. Началось пшеничное поле.

Главное — снять охрану без шума. Отряд разделился на четыре группы. Вперед выслали разведчиков. Повел их Данченков. Вышли на дорогу. Данченкову показалось, что ток остался где-то с другой стороны. Навстречу попались женщины. Очевидно, запоздали с работы. Бойцы затаились. Женщины прошли мимо, переговариваясь меж собой и ничего не замечая в темноте. «Значит, ток недалеко»,—подумал Данченков.

Поползли снова, делая остановки и прислушиваясь. Совсем рядом, недалеко от дороги, вспыхнул огонек. Немецкий часовой надумал закурить. Данченков и политрук Лунин поползли на него. Схватка с гитлеровцем была короткой. Без единого звука сняли и второго часового.

На току виднелись два больших хлебных бурта. Данченков упал на теплый душистый ворох, быстро стал насыпать зерно в мешок. Вскоре на ток подоспел весь отряд. Изголодавшиеся люди второпях с жадностью набросились на хлеб, горстями набивали зерно в рот, наполняли мешки — кто сколько мог унести.

На завтрак защитники подземной крепости получили по миске горячей пшеничной каши.

29

Полковник Ягунов был обеспокоен. Уже более недели в каменоломнях не появлялась связная из Керчи. Командование гарнизона не знало, что фашистам удалось разгромить партизанскую группу. Среди схваченных гестапо патриотов-подпольщиков оказалась и связная, доставлявшая сведения партизанам о подземном гарнизоне. Партизанская рация передавала эти сведения на Большую землю. Арестованных расстреляли. Связная была та самая девушка, с которой лейтенант Ярков попал под завал. Всякий раз, когда она появлялась в каменоломнях, им удавалось повидаться. И Ярков с нетерпением ждал этих коротких свиданий под землей. Расставаясь, они никогда не знали, придется ли им увидеться вновь. В те минуты свиданий у костра в штольне они были по-своему счастливы. Счастливы тем, что видят друг друга при трепетном свете костра среди тяжелого мрака, сидят вместе, не размыкая рук, говорят о самом сокровенном и не могут наговориться. Она дала ему свой керченский адрес.

Связная приходила в каменоломни через каждые три дня. И всегда ее встречали в условленном месте в одно и то же время. Но вот прошло десять дней, а она все не появлялась.

Полковник Ягунов приказал выяснить, в чем дело. На задание вызвался идти лейтенант Ярков. Он уже несколько раз заходил к начальнику штаба Сидорову с просьбой послать его в Керчь. Ему разрешили.

Лейтенант переоделся в гражданскую одежду. Через потайной выход выбрался на поверхность. Утром он уже был в Керчи. Улицы города поразили безлюдьем. Редко попадались прохожие. Лица людей хмурые, озабоченные. От многих домов остались одни развалины. Хромой старик-грек, он возвращался с базара с пустой кошелкой, показал Яркову нужную улицу. Лейтенант разыскал дом под нужным ему номером. Дом был с небольшим палисадником. Кусты сирени загораживали окна. Он отвел калитку и взошел на крыльцо. Дверь оказалась закрытой. Ярков постучал.

— Кто?— спросил испуганный женский голос.

Лейтенант не знал, как отозваться, что ответить.

— Мне Веру,— назвал он имя связной.

Дверь открылась. На пороге стояла невысокого роста женщина, повязанная черным платком. Ярков удивился. Сходство было поразительное. Тот же вырез полных губ, те же серые глаза, тот же круглый с ямочкой подбородок.

— Веру увели немцы...

Ярков предполагал, что это могло случиться. Но по дороге сюда он все еще надеялся увидеть Веру. Она не могла прийти в каменоломни по многим причинам. Ей могли дать другое задание. Послать на связь с партизанами, действовавшими в горах... Теперь все рухнуло. Осталась беспощадная правда: Веру увели немцы.

— Вы знали мою дочь?

— Да,— сдавленно сказал он.

— Пройдите,— пригласила мать. Она закрыла дверь на засов. Ярков вошел в комнату. На стене тикали ходики, с фотографии в рамке смотрела Вера. Удивленно, чуть улыбаясь полными губами.

Мать вернулась вслед за ним, села против него за стол, утирая глаза концами платка. В каменоломнях Вера рассказывала ему о матери, об отце, пропавшем без вести в первые месяцы войны. Вот теперь ее мать сидит перед ним. Что она ему скажет о ней? Может, жива? Отрешенно, через силу она сказала:

— Ее расстреляли за Керчью на станции «Семь колодезей». Неделю назад. Вместе с другими партизанами.

Тоненькая ниточка надежды оборвалась. Надежды на то, что Вера жива. Все, о чем он говорил с ней, о чем мечтал, придется похоронить. Чем же остается жить? Почему так все

получилось? Обрывки мыслей лихорадочно проносились в сознании. Жить ненавистью, одной ненавистью к фашистам. Но разве так можно жить? Он пытался найти утешение себе и матери Веры. И не находил. Все слова казались лишними.

— Вы тоже партизан? — нарушила молчание мать.

Ярков покачал головой:

— Я из каменоломен.

Мать тихо проронила:

— Она бывала там... Несколько раз.

— Там я и познакомился с ней.

— Она говорила мне об одном лейтенанте. Не знаю почему, но мне кажется, что о вас. Вам приходилось выбираться с ней из завала? Она рассказывала об этом...

— Да, — сказал Ярков. — Нам тогда повезло.

— Ну вот видите — я угадала. Она часто говорила о вас. Очень часто. Ее забрали вскоре после того, когда она последний раз вернулась из каменоломен. Схватили на улице, недалеко от дома. Я приходила к ней в гестапо. Но фашисты не разрешали свиданий. Говорят, их всех пытали. Потом увезли за Керчь и расстреляли. Несколько дней гитлеровцы устраивали в доме засады, выслеживали подпольщиков. Им не удалось больше никого схватить. Меня они не тронули.

Он слушал рассказ матери. Она делилась с ним своим несчастьем, как с близким человеком. Ей надо было высказаться, отвести душу — и он понимал эту потребность, всем сердцем разделял тяжелое материнское горе.

— Вера любила рисовать, я покажу вам ее рисунки... — Мать встала, открыла сундук. — Вот посмотрите. — Она подала ему альбом в синем переплете.

Он принялся листать страницы. Здесь были наброски карандашом горы Митридат, зарисовки городских улиц, акварели с видами моря у Керчи, степные пейзажи.

— Вы смотрите, а я соберу на стол, покормлю вас...

Самые последние страницы альбома были заполнены карандашными рисунками. Вот ее автопортрет. Задумчивое лицо, в глазах пристальное внимание. Удивительные глаза. А это кто? Мужской профиль. Неужели она пыталась нарисовать его? Он долго не мог оторваться от альбома... Снова и снова листал страницы.

Вспомнились ее слова, сказанные, когда они сидели в заваленном с обеих сторон каменными глыбами подземном коридоре. «Море всегда разное, на него никогда не устанешь смотреть». Почему так запомнились эти слова?.. И лепесток огня на полу. Так получилось, что он никогда не видел Веру при солнечном свете. Она появлялась в каменоломнях ночью и

уходила тоже ночью. И он встречал и провожал девушку, и видел ее лицо, освещенное фонарем, плавающим кружком света в неподвижном мраке.

В последний свой приход в каменоломни Вера принесла два спелых яблока. Одно он разрезал ножом на небольшие дольки и резделил в штольне между бойцами, а второе отнес в соседнюю катакомбу Светланке. Девочка спала на ящике. Тлел костер, над углями закипал котелок с водой. Лейтенант Лунин сидел рядом, меркой (ею служила пустая гильза) отсыпал из мешка в котелок пшеницу. Ярков положил яблоко на ящик.

— Вот будет рада, когда проснется,— сказал Лунин.

Ярков ушел. Он проводил Веру потайным лазом до выхода. У них оставалось несколько минут перед последним расставанием. Но разве знали они, что расстаются навсегда?..

Мать Веры вернулась из кухни. Она принесла в чугунке вареной картошки, соль в деревянной солонке, пару очищенных луковиц.

— Угощенья-то, сынок, другого нет. Все-провсе,— она тяжело вздохнула.— Были в саду яблоки, да фашисты все до единого на днях отрясли. Я тебе с собой картошки нарою да лучку положу. Вера говорила мне, как в катакомбах люди бедствуют. Муки-то какие приходится терпеть. У нас соседка в катакомбы с двумя ребятишками еще в мае ушла. С тех пор ничего о ней не слышно. Так, наверное, там и сгинула. Да разве она одна?.. И в городе от фашистов спасенья нет. Чуть не каждый день угоняют народ в Германию.

Дождавшись ночи, лейтенант вернулся в каменоломни.

30

Защитники катакомб отомстили фашистам за разгром партизанской группы. В налете на вражеский гарнизон поселка Аджимушкай участвовали все, кто мог держать оружие. У гитлеровцев захватили большое количество боеприпасов. Трофеи доставили в штабную штольню. Здесь собрались командиры батальонов, руководители обороны. Полковник Ягунов был в приподнятом настроении и, как всегда в таких случаях, шутил.

Разбор боевой операции закончился знакомством с трофеями. Ягунов подошел к ящику с гранатами, взял одну в руки. Совершенно неожиданно в гранате сработало ударное устройство. Послышался щелчок. Через несколько секунд — взрыв. Что можно сделать в эти секунды? Бросить гранату дальше от себя... В дальний угол штольни. Этим спасти

себе жизнь... Оставались считанные мгновения. Он знал это с беспощадной ясностью. Решение надо было принимать без промедления. Сознание отмеряло доли секунды. Там, куда можно было бросить гранату, чтобы самому остаться в живых, сидели люди. Подполковник Бурмин. Данченков. Комиссар Парахин. Другие командиры.

Нет, нет... Туда бросать нельзя. Единственное, что он теперь мог сделать, обезопасить взрыв гранаты, прикрыть осколки своим телом. Ради тех, кто находился рядом. Ценой своей жизни спасти боевых товарищей. Другого выхода нет. Холодный металл гранаты обжигал руки. Успеть, успеть принять основную силу взрыва на себя. Он прижал гранату обеими руками к животу, резко согнулся, прикрывая ее собой.

Он никогда не мог представить себе, что придется умереть не в бою. Он знал только, что, когда потребуется умереть во имя родины, повинуясь солдатскому долгу, он выполнит этот долг. И теперь этот момент настал. Другого не будет никогда. Для него. Ничего нельзя изменить. Для него уже ничего нельзя изменить. У тех, кто останется в живых после него, возможно, все будет по-другому. И в жизни, и в смерти. Кто-то доживет до желанной победы. Главное в том, что эта победа будет. Он сделал для ее приближения все, что мог. Вернее, все, что успел. Сделать больше ему невозможно. Нельзя даже сказать тем, кто рядом, несколько слов. Просто он не успеет сказать их.

От резкого наклона пламя фитиля в гильзе, стоявшей рядом на краю стола, заколебалось. Оно колебалось последнюю секунду, еще не погашенное взрывом. Последнюю секунду. Он видел это пламя, небольшой трепетный огонек. Вот-вот он погаснет. Тогда... Все кончено. Но другие будут продолжать борьбу. Без него. Без него поднимутся на поверхность встретить своих. Сколько еще боев впереди...

Огромная и яркая волна света осветила его сознание. Он как бы увидел самого себя со стороны, согнутого, с прижатой к телу гранатой, у каменного, покрытого крупными известняковыми крошками пола. Увидел глазами своих боевых товарищей. Он ничего не успел им сказать. Они все поймут. На его месте, наверное, каждый из них поступил бы так же. Но это выпало на долю ему. По какой-то слепой случайности. Он не мог знать, что получится так. Сейчас граната взорвется.

Он закрыл ее грудью, коленями, руками. Кто-то из командиров рванулся к нему. Он не успел понять кто. Его толкнула страшная, обжигающая сила. Больше он ничего не чувствовал, не слышал. Все погрузилось в темноту...

Взрывной волной погасило светильник в снарядной гильзе. Жуткая тишина сменилась встревоженными голосами. Включили электрический фонарик, кто-то бежал из коридора с зажженным факелом. Полковник Ягунов лежал на каменном полу. Ярков сбросил шинель, накрыл обезображенное взрывом тело командира.

Похоронили полковника Ягунова в отсеке рядом со штабом. Саперы сделали командиру гроб из бортов разбитого грузовика, выдолбили в камне глубокую могилу. Подполковник Бурмин, комиссар подземного гарнизона Парахин, начштаба Сидоров, камнерез Данченков вынесли накрытый Красным знаменем гроб из штабной штольни. Впереди, освещая дорогу горящим факелом, шел Павлик. В скорбном молчании за гробом двигались боевые друзья полковника, бойцы подземного гарнизона.

В отсеке у могилы гроб с телом командира поставили на снарядные ящики. Наступили последние минуты прощания. Все обнажили головы. Багровые отблески факелов выхватывали из тьмы суровые лица подземных бойцов, в их свете горело и отливало кровью низко склоненное Красное знамя гарнизона.

Гроб опустили в могилу. Глухо застучали камни о крышку. Последние воинские почести. Отрывисто прозвучал скупой винтовочный залп — прощальный салют командиру.

Могильную яму засыпали вровень с полом, накрыли металлическим листом. На нем виднелась надпись, выбитая винтовочными пулями: «Полковник Ягунов». Сверху на лист положили тяжелую белую плиту — безмолвный каменный памятник.

Командование гарнизоном принял подполковник Бурмин.

31

С тяжелым настроением после похорон командира ушел на свой наблюдательный пункт камнерез Данченков. Сына с собой не взял.

Жаркий августовский день близился к концу. Сменились гитлеровские посты у каменоломен. Фашистские солдаты возвращались в поселок. Потные, в расстегнутых мундирах, саперы отдельного батальона «СС» проехали в грузовиках. Командир батальона Ганс Фрейлих сегодня рассчитывал на благодарность своего начальства. Его солдатам удалось взорвать каменные потолки в нескольких местах над центральным коридором. Фашисты добирались до каменного целика — подпоры, оставленного когда-то камнерезами для поддержки кровли подземных залов. В этот многогранный каменный столб

упирался центральный коридор. Отсюда в разных направлениях по всему подземелью расходились подземные галереи.

Последняя машина, въехав на окраину поселка, остановилась зачем-то возле дома, где на чердаке находился Данченков. Из кабины вылез кривоногий, как паук, унтер; что-то громко крикнув саперам в кузове, направился к двери. Спуститься вниз Данченкову было поздно. Камнерез затаился за печной трубой, наблюдая в щель за солдатами в грузовике. С запоздалым сожалением подумал, что не опустил половицу, оставил открытым лаз в подпол.

Унтер, стуча сапогами, остановился на крыльце. Еще с утра ему было дано задание проверить ближайшие к центральным каменоломням уцелевшие дома — нет ли в них партизан. Непроверенным оставался крайний каменный дом под красной черепицей. И теперь, на обратном пути, кривоногий унтер решил осмотреть его. Он распахнул дверь и, не закрывая ее, вошел внутрь, держа наготове автомат. Приподнятая у стены половица сразу насторожила гитлеровца. На пыльном полу ему бросились в глаза оставленные Данченковым следы. Унтер бегом вернулся к незатворенной двери, испуганно крикнул:

— Скорее сюда! Обыскать весь дом!

Солдаты попрыгали из машины. Унтер пропустил их вперед. Вначале в подпол выпустили несколько автоматных очередей. Саперы боялись лезть вниз, нерешительно топтались у стены.

— Лезьте, наконец, черт возьми! — ругнулся унтер на ефрейтора с лоснящимся угреватым лицом. Тот неохотно протиснулся сквозь промежуток между досками. Ему подали электрический карманный фонарик. Он обшарил подпол, в углу под стеной обнаружил лаз и на всякий случай прострочил из автомата в пугающую пустоту.

— Что там? — заорал унтер.

Над полом показалось лицо ефрейтора в пятнах липучей паутины:

— В подполе подземный ход...

Данченков не понимал, о чем разговаривают солдаты, старался ни звуком не обнаружить своего присутствия на чердаке. «Авось не догадаются подняться наверх. Принесла их нелегкая не вовремя. Только хотел возвращаться в каменоломни. Вот тебе на». Он вытащил из-за пояса пару гранат и положил их возле себя. Теперь Данченков глядел не в сторону машины, а не сводил глаз с чердачного люка. Под крышей стоял светлый полумрак, закатное солнце пробивалось сквозь щели в дощатом фронтоне. В его лучах роем золотились пылинки. Успокаивающе подумал: «Хорошо, не взял с собой Павлика.

Неизвестно, чем кончится эта история... Подземный ход, конечно, обнаружили. Недаром палили из автомата. Наблюдательный пункт теперь придется устраивать в другом месте».

Данченков прикинул — где. Получалось, что чуть ли не в центре поселка. Старая заброшенная штольня оканчивалась тупиком именно там. Если хорошо рассчитать, можно пробить лаз наверх где-нибудь во дворе или сарае. Правда, придется поработать. Зато овчинка стоит выделки...

Солдаты продолжали галдеть внизу под потолком. Кто их надоумил зайти сюда... Случайная проверка? Или что-нибудь заподозрили? Нет, заметить его никак не могли. Скорее всего зашли случайно. Время от времени фашисты устраивали в поселке прочесывание всех домов в поисках партизан. Если бы не открытый подпол, возможно, ничего бы и не заметили. Посмотрел бы тот кривоногий и ушел. Не стал остальных в грузовике булгачить. Ну да после драки кулаками не машут. Прикрой за собой доску — глядишь, никаких подозрений не было. Эх, голова садовая. Половица была все время, пока находился на чердаке, прикрыта. Спустился вниз, открыл — совсем уходить собрался. Вспомнил, как на грех, фляжку у слухового окна забыл. Полез за ней снова. А и не надо бы. Черт знает, откуда подвернулись эти саперы. Сиди теперь, жди... Ладно, когда все обойдется. В случае чего — так просто не возьмут... Если сунутся. Лучше бы, конечно, не совались. Этот кривоногий, Данченков про себя назвал его пауком, дотошный оказался. Так и влепил бы ему пулю в лоб, когда из машины вылазил.

Возня солдат и топот сапог послышались в коридоре. Визгливый голос унтера стоял в ушах. Данченков не понимал смысла слов. Ему показалось, что солдаты собираются уходить. Сколько их всего в доме? Кажется, человек семь. В машине осталось десять. Этих он успел пересчитать.

Зашаркали ноги. Данченков крепче сжал автомат. Крышка чердачного творила откинулась вверх. Показалась голова сапера в каске. Он тяжело сопел, шаря по чердаку взглядом. За кучкой полынковых веников у трубы ему не было видно Данченкова, а камнерез хорошо видел немца в щелку между печным боровом и связкой веников.

Несколько секунд солдат прислушивался, вертя головой из стороны в сторону, затем после повелительного окрика снизу перевалился всем телом на земляную насыпь чердака. Он встал на ноги, навел автомат в сторону Данченкова. Камнерез успел спрятать голову за трубу. Торопливо-резкие хлопки выстрелов почти слились в одно та-та-та. Брызнула кирпичная крошка. Данченков молчал, не выдавая себя. Фашист по-

стоял, втянул голову в плечи и пошел в противоположную от трубы сторону к слуховому окну.

«Не заметил,— мелькнула мысль.— Стрелял по веникам на всякий случай, из подозрительности». Немец выглянул в окно на улицу, сплюнул вниз и повернул назад к творилу. Он уже хотел спускаться, но почему-то в самый последний момент раздумал, видимо, решил осмотреть и за трубой. Данченков не стрелял, дожидаясь, когда гитлеровец подойдет совсем близко. Под ноги солдату попалось старое ведро. Он отбросил его ударом сапога. Ведро со звоном покатилось в темный угол. В отверстие просунулась голова еще одного сапера. Пугливо спросила:

— Никого нет?

Солдат, приближавшийся к Данченкову, ничего не сказал. Он был совсем рядом. Ближе его подпускать было нельзя. Камнерез, опередив врага, прошил его почти в упор короткой очередью. Второй сапер, так и не успев вылезти на чердак, успел спрыгнуть вниз. Данченков бросил вслед за ним гранату. Внизу раздался взрыв. Осколки смертельно ранили кривоногого унтера и двоих солдат. Четверо выбежали наружу. Из грузовика повыскакивали остальные, окружили дом со всех сторон. По черепичной крыше защелкали пули.

У Данченкова оставалась еще одна граната. Стало ясно: в каменоломни ему не вернуться. Он приподнялся и метнулся к слуховому окну. Грузовик отъехал далеко, не добросить. На чердак влетела граната. Сноп огня и дыма взметнулся под крышей. Взрывной волной его ударило о стропило. Осколком раздробило правую руку. Не зная, жив он или мертв, гитлеровцы кричали что-то, коверкая русские слова. Оглушенный взрывом, Данченков не мог разобрать что. Он молчал, сцепив зубы, с трудом сдерживаясь, чтобы не застонать. Он ждал, когда немцы попытаются сунуться к нему на чердак.

В слуховое окно бросили еще гранату. Она разорвалась у трубы, там, где он лежал раньше, не причинив ему вреда.

Данченков чувствовал, что слабеет. Кровь пропитала гимнастерку, рука висела неподвижно, как плеть. В нескольких местах черепицу сорвало с крыши, взрывом разметало по чердаку веники. Снизу немцы стреляли из автоматов через потолок. Пуля толкнула его в грудь, под ключицу. Боль завладела теперь не только рукой, но и всей правой половиной тела. Стало трудно дышать. Перед взором поплыли радужные круги. На какое-то время он смежил глаза — и все погрузилось в темноту.

«Нет, держаться, надо держаться,— пронзило его словно током.— Пока есть граната».

Он очнулся от мгновенного забытья. Граната лежала в левой руке, нагретая его теплом. С каждым вздохом в груди, где была рана, словно лопались пузыри. Казалось, что стоит откашляться и дышать станет легче, отойдет давящая тупая боль. Он попытался кашлянуть и приготовил силы для вздоха, но в груди что-то надорвалось, и во рту появился солоноватый привкус крови.

С трудом перевалился на бок, под самый скат крыши. В висках стучали и звенели молоточки, этот стук и звон заглушали все другие звуки: ругань и крики внизу, беспорядочную стрельбу. Длительная тишина на чердаке успокоила солдат, они перестали стрелять.

Когда в полумраке чердачного отверстия возник по плечи силуэт вражеского солдата, Данченков вырвал зубами из рукоятки кольцо чеки и левой здоровой рукой бросил гранату. Бросок получился слабый, но все же граната долетела до люка. Солдат от неожиданности потерял равновесие и провалился вниз, цепляясь за стену автоматом. Граната скатилась вниз и разорвалась на полу у двери.

Теперь у Данченкова оставался лишь автомат, трофейный немецкий автомат. Стрелять из него одной рукой он вряд ли бы смог, хотя и были патроны. И все-таки он вытащил его из-под себя, перекинул через голову ремень и положил автомат впереди. На счету Данченкова было три уничтоженных вражеских солдата, но он не знал этого. Он знал, что убил лишь одного, того, который первым влез на чердак и пытался подойти к нему. Этот убитый ткнулся ничком у трубы и лежал там неподвижно, не подавая признаков жизни.

«Что ж, мне тоже остается лежать и дожидаться смерти. Нет, нет...— не мирилось с бездействием его сознание.— Лишь бы хватило сил доползти до убитого.— Он вспомнил, что видел у него на поясе две гранаты.— Лишь бы доползти...»

Стрельба внизу через потолок возобновилась. Пули пробивали доски и раскалывали черепицу. Крошки камня и пыли дождем сыпались вниз. Фашисты боялись выходить в коридор, били очередями из комнаты. Те же, что были у дома, залегли кто под стенами, кто за каменной оградой палисадника. Врагу казалось, что на чердаке засела большая группа партизан. Беспокоил саперов и подземный ход в подполе. В любую минуту оттуда могла подоспеть помощь.

Данченков немного не дополз до убитого. Ему казалось, что полз слишком долго. Он потерял представление о времени. Сумерки еще не наступили, в слуховое окно и в тех местах крыши, где была сорвана и разбита черепица, виднелось небо. Он обессилел и лежал на боку, глядя на светло-золотой квад-

ратик неба перед собой. Пули почему-то больше не задевали его, словно щадили израненное, полное боли тело. Но он все равно не надеялся, что останется жив. Последний смысл его существования заключался в том, чтобы преодолеть те два метра, которые отделяли его от убитого, завладеть гранатами, одну истратить на врага, а другой... «Нет, взорвать самого себя, израсходовать на себя гранату — не выход. И последняя достанется врагу. А живым он все равно вряд ли достанется в руки фашистам».

Новое ранение пулей в левое плечо вывело его из оцепенения. Он подобрал ноги к животу и уперся в земляную насыпь потолка. Так, отталкиваясь ногами, помогая раненой рукой, Данченков преодолел пространство до убитого. Он еще нашел в себе силы отстегнуть гранаты и потерял сознание. Оно вернулось к нему сразу же и заработало с поспешливой четкостью. Горлом шла кровь. На высоком тоне в ушах звенел ровный неумолкающий звон, одна постоянная нота. Ему стало казаться, что он видит эту ноту и она голубого цвета. И он силился понять, почему именно голубого.

Брошенная в окно граната разорвалась возле него. Он не слышал разрыва, только остановилась внезапно, оборвалась звучащая нота, и видимое им голубое навсегда пропало, подернулось мраком.

В отсек к разведчикам, где находился Павлик, зашел начальник штаба Сидоров. В руке у него горела свечка, он держал ее в ладони между пальцами, прижимая опущенную руку к боку.

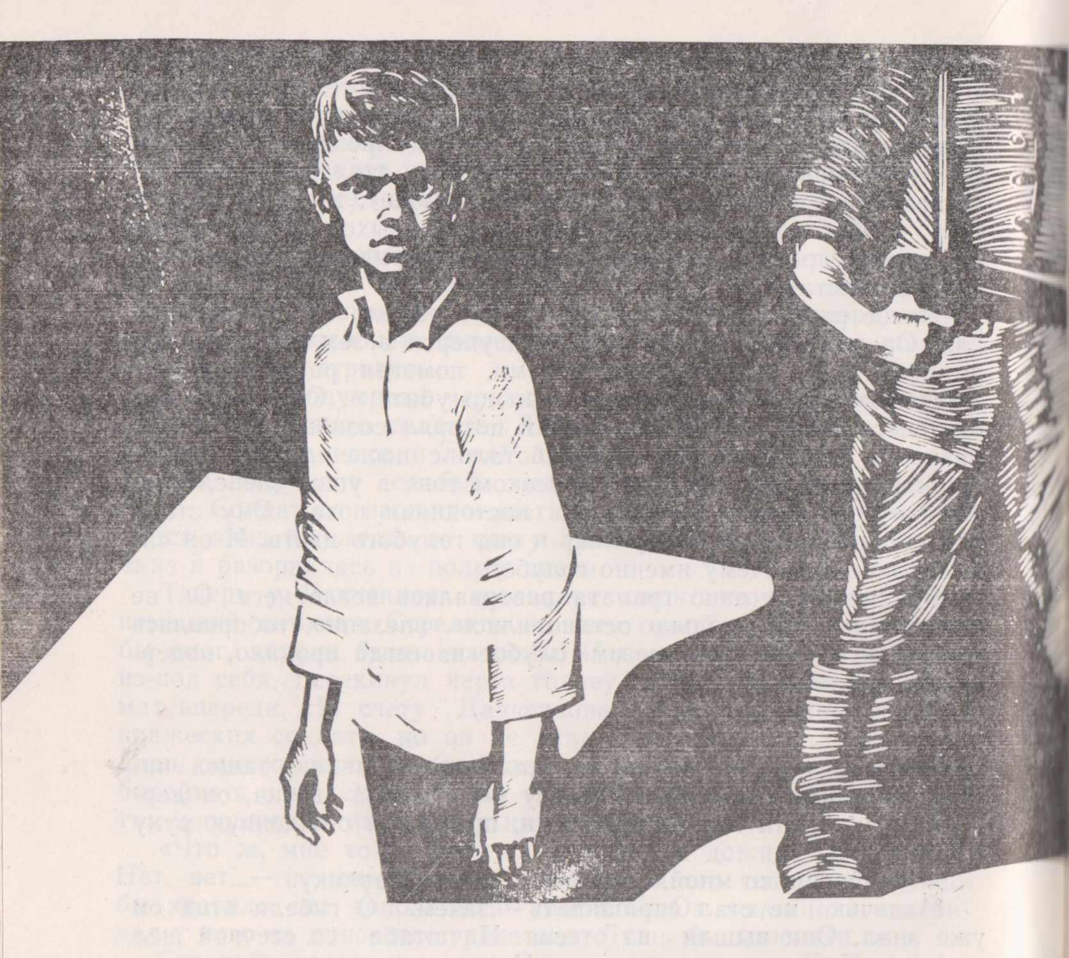
— Пойдешь со мной,— сказал Сидоров Павлику.

Мальчик не стал спрашивать — зачем. О гибели отца он уже знал. Они вышли из отсека. Начштаба со свечкой шел впереди. Павлик шагал за ним. Пламя свечи колебалось из стороны в сторону. Пришли в штабную штольню, просторную, словно зал, ту самую, в которой погиб полковник Ягунов. За столом сидел Бурмин — худой, узколицый. В штольне было еще несколько военных, и среди них Павлик узнал комиссара Парахина. Сидоров подвел Павлика к умывальнику, дал кусок мыла.

— Умойся как следует. И лицо, и шею, и руки отмой почище.

Павлик долго отмывал копоть и грязь. Потом его посадили за стол, накормили.

— Я слышал, Павлик,— сказал Бурмин, когда он окончил есть,— у тебя в Керчи живут родные: мать и сестренка. Они

вышли из каменоломен. Возвращайся к ним. Так будет лучше.

Павлик промолчал. Бурмин погладил мальчика по голове, тихо повторил:

— Так будет лучше...

Ночью начштаба проводил Павлика к выходу. На прощание крепко обнял его. И долго стоял, ждал, всматривался в темноту, в которой растворилась худенькая фигурка мальчика. Но все было спокойно, ни один выстрел не потревожил тишины.

У крайних домов поселка, когда основная опасность осталась позади, Павлик попался в руки патруля. До утра его продержали в сарае под замком. Утром привели во двор какого-то дома, где было много солдат. Они с любопытством

уставились на него, тыкали пальцами в грудь, дивились на худобу. Пожилой солдат с ефрейторскими нашивками вынес из дома тарелку супа и хотел отдать Павлику, но другой немец с черной повязкой на глазу выбил из его рук тарелку и злобно выругался.

Во двор въехал крытый фургон. Павлика увезли в Керчь. Он еле держался на ногах от слабости. Допрашивали его в тюремной комнате. За столом, развалясь, сидел гестаповец в черной форме. Сбоку за небольшим столиком стучала на машинке рыжая пышноволосая женщина. Гестаповец что-то сказал ей по-немецки. Она перестала печатать, повернулась к Павлику.

— Как твоя фамилия и как тебя зовут?— спросила она по-русски.

Павлик ответил.

— Что ты делал в каменоломнях? Ты должен говорить правду.

Он стал рассказывать, что сирота и потерял мать и отца в мае, когда в их дом попала бомба.

— Ты все врешь!— закричала рыжая.— Ты, ты... партизанский выкормыш...— Она вскочила из-за стола и больно ударила его по щеке.

— Я сказал правду,— упрямо повторил Павлик.

Больше от него на допросе ничего не добились.

На другой день Павлика отпустили из тюрьмы. Он вернулся домой, к матери и сестренке.

32

Изо дня в день фашисты методично взрывали каменоломни. Рота Яркова оказалась отрезанной завалами со всех сторон. От сильного взрыва обрушился потолок в штольне, где отдыхали от ночного дежурства бойцы. Под многотонными скальными глыбами пропало пятнадцать человек. Погибла и девочка, которую в роте называли Светлячком. Оставшиеся в живых бойцы решили пробиться наружу. Выход на поверхность расчищали трое суток. Без воды. Без пищи. В полной темноте долбили камень штыками. Кровоточили сбитые об острые обломки руки. Не хватало воздуха. От бессилия и усталости бойцы теряли сознание. А когда приходили в себя, подползали к завалу и снова принимались за работу. Глухо стучали камни, звенело железо да раздавалось тяжелое прерывистое дыхание полуживых солдат.

Ярков подбадривал товарищей в короткие минуты передышек. Несколько метров скалы отделяли обессилевших,

задыхающихся людей от солнца, свежего воздуха. И от врага. Снаружи гремели взрывы. Иногда казалось, что вот-вот стены и потолок каменного коридора обрушатся. И тогда конец.

У Яркова и политрука Лунина был один штык на двоих от трехлинейной винтовки. Они долбили скалу поочередно, сменяя друг друга. Штык передавали на ощупь, из рук в руки. Горячий, от кровоточащих ладоней. Когда его острие натыкалось на твердые слои камня, из-под штыка отлетали сверкающие искры и колючие мелкие осколки. Искры вспыхивали и угасали, на мгновение высвечивая из мрака часть каменной стены, лица и руки. Как будто огнивом били о кремень. Те, у кого не было штыков, долбили завал ножами. Всего на десятерых бойцов было четыре штыка и три армейских ножа. На десятерых... Несколько часов работали только семеро. Трое уже не приходили в сознание, перестали дышать и лежали у стены.

С каждым разом Яркову все труднее становилось проползать узкий промежуток под потолком штольни. Казалось, все перемешалось: действительность и забытье, забытье и действительность. Стоило закрыть глаза — и одна за другой в сознании возникали беспорядочные картины. Одна из них повторялась несколько раз. Это был родник в лесном овраге, заросшем молодым осинником. Видел ли он когда-нибудь в самом деле этот родник — Ярков не помнил. Наверное, видел. Иначе, как мог он видеться с такой реальностью? Он спускался к роднику по тропке среди высоких, просвеченных солнцем соцветий — зонтиков и резных листьев борщевника. Листья задевали лицо; рядом с тропкой в гуще зеленой травы журчал, переливался ручей. Место у родника было особенно уютным. Осинник стоял здесь реже, расступаясь и образуя небольшую поляну. Склон оврага некруто поднимался вверх, пестрел светом и тенями; верхушками осин пробегал ветер, и листья трепетно струились с чуть слышным легким лепетом. Замшелые, прозеленелые срубовины просели вровень с землей, чистая вода стояла на самом дне, протекая в щель в углу меж старым кособоким срубом.

Он опустился перед родником на колени, чувствуя холод и сырость земли, уперся руками в края срубовины и потянулся лицом к воде. И только он коснулся губами прозрачной студеной влаги — как все пропало... Перед глазами стояла непроницаемая темнота, вместо журчания родникового ручья слышался глухой стук камней. Он закрывал глаза — и увиденное повторялось с новыми подробностями. Он заметил, что вода, протекая наружу в треугольное отверстие меж сдвинутых срубовин, неслышно сочилась на липовый лубок, корытцем уложенный в неглубокую промывину. Заметил улитку на желтом

исподе лубка; сорванный и свернутый воронкой лист мать-мачехи, плавающий в воде...

— Саша!— кто-то настойчиво толкал его в плечо.— Да очнись, Саша.

Ярков узнал голос своего друга, лейтенанта Лунина.

— Что случилось?

— Посмотри! Ты разве не видишь?— шептал Лунин.

Ярков открыл глаза. Под потолком штольни брезжил свет. Он зажмурился. Неужели опять галлюцинация? Тыльной стороной ладони потер глаза и снова разомкнул веки. Свет голубовато мерцал сверху из-за камней. Он не верил своим глазам и пополз по камням ближе к тому месту, откуда проникал свет. Он дополз туда, жадно ловя ртом, глоток за глотком, свежий воздух, пахнувший землей и корнями трав. Прямо перед отверстием, пробитым наружу, Ярков увидал кустик полынка. Сухой, сизый кустик с узкими свернутыми листьями. Взгляд затуманили слезы. Над степью пламенел закат.

...Под покровом ночи бойцы Яркова пробились к своим.

Наступила осень. Штормовое море грозно грохотало у берегов. По ночам, в затишье, грохот доносился до каменоломен. Бойцы у входов в подземелье вслушивались в многоголосый шум бушующей стихии. Море шумело и грохотало, как далекий набат, как неумолкающая артиллерийская канонада. Тяжелые морские валы накатывались на каменистое побережье и разбивались о скалы, обдавали их пеной и брызгами. Холодный ветер гнал над каменоломнями бесприютные сухие шары перекати-поля, заносил их в провалы и воронки, врывался через трещины и бойницы в разрушенные подземные коридоры.

Все меньше бойцов оставалось в рядах защитников подземной крепости, все труднее становилось держать оборону. Обессиленные, они умирали от ран, голода и болезней, но не покидали боевых постов, не складывали оружия. Из всего гарнизона в живых осталась горстка людей.

На холодном октябрьском рассвете враг предпринял очередной штурм каменоломен. Подземные бойцы, поддерживая друг друга, заняли оборону у центрального входа. Страшные для фашистов в своей решимости погибнуть в неравном бою. Израненные, в лохмотьях истлевшей одежды, с изможденными лицами. И когда неприятельские солдаты приблизились к полузаваленному входу в подземелье, их встретили выстрелами из винтовок и автоматов.

Среди подземных бойцов, до конца защищавших каменоломни, оставался лейтенант Ярков. Раненый в голову, он очнулся от звенящей, как показалось, тишины. Блеклым пятном вдалеке виднелся проем в стене. «Неужели остался один?» Сознание этого мучительно прояснялось в нем. До того, когда осколок гранаты со звоном ударился в его каску, он помнил, что рядом за ручным пулеметом лежал с забинтованной головой комиссар Парахин и прицельно бил по вражеским солдатам, мелькавшим в светлом проеме входа. С гранатой в руке полз вдоль стены навстречу врагу подполковник Бурмин. Помнил, как помог подняться на ноги раненому в грудь начальнику штаба Сидорову, помог перезарядить ему пистолет, перевязал рану.

Теперь, сколько Ярков ни вглядывался в темноту, в обвалившейся штольне никого не было видно. Он нащупал под боком автомат, опираясь о каменные глыбы, с трудом поднялся и прислонился спиной к холодной стене. Кружилась голова. Из-под каски по лицу сочилась кровь. Шатаясь и волоча за собой автомат, пошел к выходу. Он не знал, сколько пробыл без сознания, не знал, что те, кто был рядом с ним, погибли в рукопашной схватке у входа, что раненый попал в руки фашистов его друг лейтенант Лунин.

Через несколько шагов Ярков остановился в изнеможении, тяжело переводя дыхание, привалился плечом к выступу в углу штольни. Силы покидали его. Он сполз вдоль стены и повалился на бок. До выхода было еще далеко. Он всматривался туда, в светлеющее пространство. «Куда же девались немцы?»

И, словно в ответ на вопрос, в светлом промежутке проема показались силуэты трех немецких солдат. Переговариваясь вполголоса, они остановились. Луч аккумуляторного фонаря разрезал темноту штольни, скользнул по потолку и уперся в стену, рядом с Ярковым. Не дожидаясь, пока его обнаружат, он приподнял автомат и нажал на спуск, целясь по яркому пятну света. Треск выстрелов разорвал тишину подземелья. Фонарь погас. Солдаты метнулись в проем наружу. Все трое... Он успел заметить это. И досада на самого себя завладела им. «Промазал»...

Злость придала ему сил. Вдоль стены, то и дело натыкаясь на камни, он отполз в правый угол штольни, под потолок, осевшей от взрыва почти до пола. Теперь он лежал в узком промежутке, защищенный от вражеских пуль осыпью камня. Вход в каменоломню хорошо просматривался, и это было на руку.

В штольне снова замерла тишина. Лишь снаружи доносились голоса немецких солдат. Обстрел из катакомбы явился

для них неожиданностью. Они рассчитывали, что каменоломни полностью очищены от подземных бойцов.

Яркова бил озноб от холода и потери крови. Немцы больше не показывались у входа. Боялись. Или выжидали.

Ему было томительно невыносимо ожидание. Он опасался снова потерять сознание. Тогда конец. Предельным напряжением воли ему удавалось преодолевать подступавшее забытье. В какие-то доли мгновения он чувствовал, что вот-вот все исчезнет, провалится вместе с ним в какую-то глубокую темную яму. И что-то помогло ему удержаться от этого провала, срыва в бездонную кошмарную пропасть с неровными краями. Надежда выжить теплилась в нем.

Голоса немецких солдат снаружи, удаляясь, смолкли. Было непонятно, почему они ушли... Не захотели лезть на рожон? Решили, что он никуда не денется, не уйдет от них?

Ярков и сам знал, что, израненный, полуживой, он не представляет почти никакой опасности. Одному ничего не сделать. Он отделил от автомата магазин и по его легкости догадался, что в нем ни патрона. Магазин был пуст. Он отбросил его в сторону как ненужную жестянку. Теперь, кроме ножа, у него не осталось другого оружия. И отчаяние одиночества и собственного бессилия завладело им. Забытье мутной тяжелой волной заволокло сознание. И та внешняя темнота, которая окружала его в подземелье, сомкнулась теперь с другой темнотой, подступавшей изнутри, вопреки его воле. И эти две сопредельные темноты захлестнули его и отбросили куда-то, где все пропало, где не было мучительных ощущений боли и холода.

Когда немецкие солдаты вернулись в каменоломню с овчаркой, он был еще жив. Его выволокли наружу и бросили у стены. Сознание снова возвратилось к нему. Холодный октябрьский ветер обдувал ему лицо. Он открыл глаза. Свет пасмурного дня стыл над каменоломнями. Последнее, что он увидел, было дуло автомата. Руки солдата, державшие оружие, дрожали. И этот страх врага перед ним, умирающим, дал ему возможность почувствовать себя в эти предсмертные мгновения, отпущенные жизнью, победителем, торжествующим свою последнюю победу.

ЭПИЛОГ

Каменоломни встретили Лунина тишиной и ярким весенним солнцем. В Магаданской области, где он работал бригадиром взрывников на золотых приисках, еще стояла суровая зима, а здесь во всем молодом великолепии цвела ранняя крымская весна.

«Вот здесь ты воевал,— сказал он самому себе.— Выше голову! Ты живешь и за тех, кто остался лежать в этой земле».

Юная трава зеленела над каменоломнями, и с места на место радостно перелетали скворцы. По петлистой тропе Лунин спустился в лощину и увидел колодец и черные провалы посреди нагромождений каменных глыб. Это было обнаженное лицо керченской земли со следами войны и тот самый наружный колодец, из которого в первые дни обороны брали воду и который взорвали фашисты.

«Ты теперь просто турист,— снова сказал себе Лунин, чувствуя, как сильными толчками бьется сердце,— и можешь спокойно осматривать каменоломни и все, что здесь осталось, как это делают все приезжие. Только ты не станешь задавать никаких вопросов экскурсоводам, потому что знаешь, как здесь было, и тебе не надо никаких экскурсоводов. Ты приехал сюда в отпуск и не видел этих мест с тех самых пор, когда каменоломни были адом, но ты ничего не забыл, хотя прошло много-много времени, и никогда, никогда не забудешь, потому что живешь и за тех, кто остался лежать в этой земле».

Он прошел дальше за колодец и остановился у щербатой слоистой стены перед обвалившимся входом в каменоломни. Лунин оглянулся. Отсюда были видны и колодец, и окраина поселка Аджимушкай, и высокий белый обелиск на той стороне лощины, у дороги. Когда здесь шли бои, обелиска не было, и на том месте стояла церковь. За ней укрепились фашисты, и оттуда вражеские минометы и пушки били по каменоломням.

Обнажив белую, как снег, голову, Лунин стоял перед заброшенным входом в каменоломни, перед тем самым входом, за которым в штольне располагалась рота, где он был полит-

руком, и только время отделяло его от того, что здесь было тогда, но оно мало изменило каменоломни с тех самых пор, и каменные стены снаружи еще сохранили следы разрывов снарядов и мин.

Ветер трепал его волосы, и где-то в глубине подземелья осыпался камень. Солнце освещало только небольшую площадку внутри, за входом, а дальше стоял мрак, неподвижный, холодный. Каменоломни молчали. Но если бы камни могли говорить! Лунин зашел в темноту подземелья, достал электрический фонарик и осветил под ногами.

Ржавые гильзы валялись вокруг, припорошенные известняковой пылью. Он поднял одну — и гильза рассыпалась в ладони, превратившись в прах. Пол подземелья отлого спускался вниз, но вскоре проход загородил завал и пришлось воротиться назад, к светлеющему небесной синевой проему.

Время отделяло Лунина от событий в каменоломнях, но оно не мешало ему увидеть все, как было. И он вспомнил свой последний бой здесь, ранение, плен, бегство из фашистского концлагеря, свои фронтовые дороги и штурм Берлина.

Он поднялся на поверхность. Невдалеке от обелиска был вход в каменоломни. Здесь начинался маршрут осмотра музея подземной борьбы. Широкая лестница, выпиленная в скале, вела вниз, к металлической решетчатой двери. Дверь оказалась на замке. Лунин остановился, достал пачку сигарет и закурил. К нему подошли два школьника: один круглолицый крепыш лет двенадцати, другой — худенький, большеглазый, лет десяти. В руках оба держали портфели.

— Вы каменоломни посмотреть?—спросил большеглазый.— Подождите, мы дядю Федю позовем.

— А кто этот дядя Федя?— поинтересовался Лунин.

— Сторож,— ответил мальчик постарше.— Вон через дорогу его дом.

Они убежали, размахивая портфелями, и скоро вернулись с дядей Федей, усатым высоким стариком. Он отомкнул замок, зажег фонарь «Летучая мышь».

— И мы пойдем,— попросились школьники.

— С уговором — не разбегаться,— разрешил сторож.

Маршрут, по которому водили экскурсантов, включал осмотр братских могил, подземного колодца и штабной штольни. Старик шел впереди, освещая дорогу фонарем. Каменный коридор то суживался, то расширялся, по сторонам на стенах виднелись надписи. Потолок местами поддерживали металлические крепления. Пригибаясь, они свернули в широкую галерею и в свете фонаря увидели квадратный деревянный сруб в середине галереи, на метр возвышавшийся над полом.

— Вот подземный колодец,— сторож поставил фонарь на верхнюю доску сруба и назвал глубину колодца.— Сруб сделали недавно.

Да, тогда сруба не было,— и это не забыл Лунин. Круглое отверстие колодца зияло бездонным провалом, уходя в слоистую твердь.

Сторож приподнял фонарь:

— Пройдемте дальше.

Миновали еще несколько поворотов и вышли к месту, где размещался штаб подземной обороны и была штольня Ягунова.

Маршрут осмотра каменоломен заканчивался у братских могил. Лунин остановился у массивной каменной плиты, на которой лежал букетик фиалок.

— Цветы здесь долго не вянут,— тихо проговорил сторож.

«Теперь ты увидел все, что хотел увидеть,— думал Лунин.— Ты ничего не забыл, хотя с тех пор, когда ты воевал здесь, прошло много-много времени, и никогда-никогда не забудешь, пока живешь и за тех, кто остался лежать в этой земле».

ОТ АВТОРА

Земля Керчи. Каменоломни. Цветами и травой заросли воронки от бомб. Кажется, наморщили лбы молчаливые плиты известняка в оспинах снарядных разрывов. Пустыми глазницами зияют черные каменные провалы. Повсюду под ногами множество винтовочных пуль и гильз. Ржавых остатков войны.

Здесь с мая по ноябрь 1942 года во вражеском окружении героически сражались бойцы под командованием полковника Ягунова, чье имя навсегда останется в истории Великой Отечественной войны как имя командира подземного гарнизона.

Сражались насмерть, до конца выполняя свой воинский долг.

В начале мая вражеские дивизии под командованием генерала Манштейна перешли в контрнаступление на Керченском полуострове против воинских частей Крымского фронта. События развивались стремительно. Враг планировал окружить и уничтожить 47-ю и 51-ю армии в районе села Батальное, а затем, потерпев неудачу, намеревался осуществить эту операцию в районе села Бранное Поле. Здесь разгорелись кровопролитные бои. Словно морские волны, вал за валом, накатывались на боевые подразделения наших войсковых соединений фашистская пехота, танки. Беспрерывно била вражеская артиллерия. Над полем боя кружились немецкие бомбардировщики, летчики не жалели смертоносного груза.

Жестокие бои с наступающим противником вела и 44-я армия. Потери были велики. Кончались боеприпасы, горючее. Воины частей Крымского фронта бились до последнего, стремясь удержать занятые позиции.

Враг использовал превосходство в танках, артиллерии и авиации. Прорвавшись через Турецкий вал на Керченском полуострове, фашистские войска 11-й армии Манштейна стали развивать наступление в сторону Керчи. Эта наступительная операция в штабе Манштейна носила условное название «Охота на дроф». Под дрофами, беззащитными степными птицами, подразумевались красноармейские части Крымского фронта.

Однако «охота» не получилась такой, как планировали гитлеровцы. Армия Манштейна натолкнулась на стойкое сопротивление.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Гальдер в докладе Гитлеру о боях под Керчью признал: «Я еще не видел такого отчаянного сопротивления...»

Близ города Керчи, на его окраине, фашисты не смогли сломить упорное сопротивление частей 44-й, 47-й, 51-й армий, матросов Черноморского флота, ополченцев. Бои шли за каждую улицу, каждый дом, каждый метр каменистой керченской земли. Но с каждым часом сдерживать превосходящие силы неприятеля становилось все труднее. Древний город пылал в огне. Защитники Керчи отходили к побережью, в район порта, нанося невосполнимый урон противнику. Через Керченский пролив шла переправа частей Крымского фронта, эвакуация гражданского населения. С 14 по 20 мая удалось эвакуировать на Тамань более 120 тысяч человек.

Не всем, кто держал оборону города, удалось переправиться на кавказский берег, соединиться с частями Крымского фронта. Прибежищем отрезанным от переправы подразделениям Красной Армии, не успевшим эвакуироваться мирным жителям стали Керченские каменоломни.

16 мая 1942 года полковник Ягунов, начальник отдела боевой подготовки Крымского фронта, составил донесение, в котором говорится о боях в районе Аджимушкайских каменоломен.

«Командующему войсками Крымского фронта (в его отсутствие командующему 51-й армией).

16 мая, 9.30, каменоломня. Противник силой до двух рот при поддержке 16 танков овладел селом Аджимушкай. В 8.30 16 мая мною была предпринята атака с целью выбить противника из села. Атака оказалась неудачной из-за отсутствия артогня. Имеются убитые и раненые. Потери подсчитываются. Связь с подразделениями и частями потеряна, за исключением подразделений, непосредственно охраняющих подступы в каменоломню...»

Командующий Крымским фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов в этот же день радировал: «9 час. 50 мин. 16.5.42 г. Командарму 44-й армией и полковнику Ягунову.

1. Ваша задача обеспечить направление на Капканы-Еникале, прочно удерживать рубежи 78, 8, зап. окраина Колонка.

2. В ваше подчинение передается отряд полковника Ягунова, действующий в районе Аджимушкай.

3. Уделите особое внимание правому флангу, где обстановка создается крайне тяжелая.

4. Отход и эвакуация вашего участка обороны по особому приказу».

В повести-хронике Леонида Мелкова «Керчь» ее автор пишет, что полковник Ягунов получил от командования фронтом приказ, который мог читаться и выполняться только однозначно: драться с врагом в его тылу. Об этом много лет спустя напишет бывший командующий Крымским фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов. «Полковник Ягунов честно выполнил приказ, обороняя район Аджимушкая. Он не имел приказа на отход, а на выход из окружения у него едва ли были силы, так как он не имел ни пушек, ни танков. Связь с Ягуновым была прервана, и восстановить ее не удалось, несмотря на попытки арьергарда 51-й армии прорваться к окруженным».

Немецкий военный журнал, описывая бои 18 и 19 мая 1942 года в районе поселка Аджимушкай и прилегающих к нему каменоломен, сообщал о каких-то крупных советских десантах в тылу — настолько сильных, что фашисты были вынуждены оставить захваченные перед этим позиции.

Разумеется, журнал был не прав. Командование Красной Армией в это время на Керченский полуостров никаких десантов не высаживало. Это подземный гарнизон во главе с полковником П. М. Ягуновым — несколько тысяч бойцов и командиров — продолжали самоотверженно сражаться во вражеском тылу. Сражаться в условиях полного окружения, защищая каменоломни Аджимушкая. Полк подземной обороны, который полковник Ягунов сумел превратить в сплоченную дисциплиной сильную боевую единицу, наносил противнику во время атак удар за ударом. Немецкое командование вынуждено было держать в этом районе большое количество войск и боевой техники, которых так не хватало фашистам.

Не будет преувеличением сказать, что полк, сформированный в каменоломнях, наводил на фашистов ужас. Знаменательно, что приказ о его создании, подписанный полковником Ягуновым, заканчивался словами:

«День и ночь блюсти строжайший революционный порядок, как зеницу ока беречь воинское товарищество.

Ни при каких условиях, даже перед лицом смерти, не помышлять о сдаче в плен.

Проявление малодушия командование рассматривает как измену Родине и будет карать трусов и паникеров по всей строгости революционных законов Советского социалистического государства.

Победа или смерть. Другого выхода у нас нет.

Да здравствует наша победа! Да здравствует наша Советская Родина! Смерть фашистским оккупантам!».

Ровно сто шестьдесят пять дней длилась оборона каменоломен под Керчью. Врагу удалось уничтожить подземный гарнизон. Уничтожить, но не победить. Подземные бойцы ушли в бессмертие непобежденными.

Даже враг признал, что приказ продержаться до возвращения Красной Армии в Крым бойцами Аджимушкайских каменоломен точно выполнялся. В донесении крымского оккупационного командования в Ставку гитлеровской армии «О советском движении сопротивления в каменоломнях Аджимушкая (Крым)» содержатся некоторые сведения, проливающие свет на героическую борьбу советских солдат и командиров. Вражеский документ, о котором идет речь, подтверждает, что, несмотря на казалось бы безнадежное положение, в котором оказались окруженные в каменоломнях бойцы Красной Армии, они до последнего вздоха продолжали мужественно сражаться против фашистских захватчиков.

Фашисты писали, что остатки гарнизона Центральных каменоломен в октябре готовили «насильственный выход из окружения» и что во время операции 28, 29 и 31 октября 1942 года были извлечены последние участники обороны и «катакомбы окончательно очищены».

Катакомбы, по признанию врага, «были превращены в сильные гнезда сопротивления». Донесение сообщает о том, что до середины июля гарнизон Центральных каменоломен, возглавляемый полковником Ягуновым, имел связь с керченскими патриотами, у которых была рация. Много раз вести из города защитникам подземелья приносила учительница, уроженка Керчи. При каждом возвращении в город она передавала радисту сведения, которые потом сообщались на Большую землю. Фашисты похвалялись, что им удалось уничтожить эту партизанскую группу. Четырнадцать советских патриотов были расстреляны.

Сборник «В катакомбах Аджимушкая» (Симферополь, 1970 год, издательство «Крым») сообщает, что неизвестной учительницей, державшей связь с подземным гарнизоном, могла быть Елена Федоровна Юнина. Ее хорошо знал военный разведчик Валентин Михайлович Молчанов, который и сообщил сведения о Юниной. С ней он был знаком еще до войны, когда служил в Керчи на флоте, а она работала учительницей в 10-й школе.

В начале июня 1942 года, выполняя задание командования, Молчанов с группой разведчиков пробрался в Керчь,

чтобы уточнить расположение и численность противника в городе и на побережье. На одной из улиц города он случайно встретился с Юниной.

«Встреча была короткой,— вспоминает Молчанов.— Лена спросила: «Дома или в гостях?» Ответил, что в гостях. Тогда Юнина предупредила: «Дальше идти опасно, можно напороться на немцев». И незаметно кивнула в сторону отдельно стоящего здания, где, очевидно, размещался штаб какой-то немецкой части. Я понял, что Лена патриотка, и спросил ее, была ли она в Аджимушкае. Она улыбнулась и ответила: «Осторожней, зачем доверяешь с первой встречи...»

Лена обещала быть на том же месте, где мы встретились, через два дня, предупредив меня, что в Керчи она не живет...»

В условленный день на встречу с Юниной ходил не сам Молчанов, а его товарищ по разведгруппе. Встреча состоялась. Лена рассказала, что доступ к Аджимушкайским каменоломням почти невозможен, но что их люди все же бывают там. Рассказала о том, как живут и борются воины гарнизона, какая им требуется помощь.

О дальнейшей судьбе Юниной Молчанов узнал от ее родственников лишь после войны. Они сообщили, что Лена была схвачена фашистами и вывезена вместе с другими патриотами под Керчь, на станцию Семь Колодезей, и там расстреляна.

В ноябре 1943 года части Советской Армии освободили пригород Керчи от немецко-фашистских захватчиков. Бойцы, командиры и политработники спустились в Аджимушкайские каменоломни и своими глазами увидели красноречивые следы борьбы воинов подземелья. Закопченные стены были испещрены надписями: «Да здравствует Красная Армия!», «Выстоим, товарищи!», «Смерть, но не плен. Прощайте».

Сквозняки подземелья шевелили обрывки каких-то бумаг, припорошенных белой пылью известняка. В штольнях находились останки защитников. В позах, в каких застала их смерть. Рядом с погибшими лежало оружие. Некоторые бойцы не выпустили его из рук и после смерти.

Поэт Илья Сельвинский, побывавший в каменоломнях вскоре после освобождения, в ноябре 1943 года написал стихотворение «Аджимушкай», посвященное памяти героев подземного гарнизона. Суровы и сдержаны, как приказ, строки:

Кто всхлипывает тут. Слеза
мужская
Здесь может стать кощунством.
Встать.
Страна велит нам почести воздать
Великим мертвецам Аджимушкая.

Воспрянь же, в мертвый
погруженный сон,
Подземной цитадели гарнизон...

При раскопках братских могил в январе 1944 года в каменоломнях была найдена записка, вложенная в партийный билет, обнаруженный в кармане полуистлевшей гимнастерки. Эта записка политрука подземного гарнизона Степана Петровича Чебаненко.

Записка написана им перед смертью, но какой бессмертной верой в победу проникнуты ее строки:

«К большевикам и всем народам СССР. Я небольшой важности человек. Я только коммунист-большевик и гражданин СССР. И если я умер, так пусть помнят и никогда не забывают дети, братья, сестры и родные, что эта смерть в борьбе за коммунизм, за дело рабочих и крестьян. Война жестока и еще не кончилась. Но все-таки мы победим...»

Каменоломни хранят под завалами известняка много свидетельств трудной и героической борьбы воинов полка подземной обороны. Участниками поисковых экспедиций, энтузиастами, школьниками-следопытами ведутся раскопки в районе каменоломен. Любая находка здесь является новым подтверждением беспримерного подвига советских людей. Пишутся новые и новые страницы героической летописи. Но многое еще таится под завалами многотонных каменных глыб глубоко под землей, в засыпанных, взорванных помещениях подземного лабиринта. До сих пор не обнаружена могила командира гарнизона и организатора обороны Центральных каменоломен полковника Павла Максимовича Ягунова.

Материалы о самоотверженной обороне катакомб собирают юные следопыты керченской школы № 22. Эта школа находится в поселке Аджимушкай, теперь входящем в черту города. На белой стене школьного здания, глядящего окнами в сторону каменоломен, надпись — «Школа имени героев обороны Аджимушкая».

Ребята в красных галстуках — пионеры этой школы хорошо знают каждый провал, каждый сохранившийся вход в катакомбы. Пионерами, учащимися и преподавателями школы оборудован небольшой школьный музей, повествующий о стойкости и верности родине бойцов и командиров подземного гарнизона. Среди его экспонатов — вещи, найденные ребятами среди осыпей и камней в мрачных галереях подземной крепости: ржавые, пробитые пулями и осколками солдатские каски, остатки противогазов, оружие.

На стенде, под стеклом,— письма с воспоминаниями, присланные ребятам героями обороны, их родными из разных

городов и сел нашей необъятной страны, книги с дарственными надписями.

В школьном коридоре со стен глядят портреты организаторов и руководителей обороны каменоломен: полковника Павла Максимовича Ягунова, старшего батальонного комиссара Ивана Павловича Парахина, подполковника Григория Максимовича Бурмина, репродукции с картин о борьбе воинов подземного гарнизона.

Пионерские отряды школы соревнуются между собой за высокую честь называться именами героев обороны. На двери, ведущей в седьмой класс, прикреплена табличка с надписью — пионерский отряд имени полковника П. М. Ягунова. Несколько лет пионерский отряд этого класса удерживает за собой право носить имя командира подземного гарнизона. Это право дается самым лучшим пионерам школьной дружины. Чтобы получить его, надо не только хорошо учиться, но активно участвовать во всех делах школы, показывать пример в труде и поведении.

В гостях у юных ленинцев и комсомольцев школы бывает дочь командира подземного гарнизона Центральных каменоломен — Клара Павловна Ягунова. Она рассказывает учащимся о том, каким человеком был ее отец, беззаветно любивший Родину и отдавший за нее свою жизнь. Клара Павловна живет много лет в Керчи, городе, защищая который, погиб полковник Ягунов.

Керчане свято чтут память защитников каменоломен. Одна из улиц города названа улицей полковника Ягунова. В городском историко-археологическом музее открыта галерея картин, рассказывающих о смертельной борьбе бойцов, командиров и политработников с немецко-фашистскими оккупантами под Керчью, в катакомбах Аджимушкая. Автор картин — заслуженный художник РСФСР Николай Бут. Вдохновленный бессмертным подвигом участников подземной обороны, он создал серию живописных полотен, воссоздающих в ярких сценах и запоминающихся образах героическую и драматическую эпопею борьбы и жизни непобежденного гарнизона.

Галерея картин Николая Бута — «Герои Аджимушкая» — открывается большим портретом командира крепости под землей полковника Ягунова. Сурово и озабоченно лицо командира. Непреклонная решимость в пристальном взгляде за стеклами пенсне, волевая складка пролегла между близко сдвинутыми густыми бровями. Это о нем, своем сослуживце, коммунисте с 1919 года, написал в характеристике начальник Бакинского пехотного училища полковник Козлов: «...Делу партии, социалистической Родине предан. Идейно выдержан,

организаторскими способностями обладает. Тактически полк — дивизия подготовлен. В вопросах использования технических средств борьбы ориентируется свободно». Эта характеристика дана Ягунову в связи с его рапортом об отправке на фронт в сентябре 1941 года. Вера в неизбежность разгрома врага никогда не оставляла полковника Ягунова.

В галерее портретов рядом с командиром подземного гарнизона его боевые товарищи. Посетители музея подолгу останавливаются у картин, правдиво запечатлевших отдельные эпизоды борьбы бойцов каменоломен. Экспозицию картин художника-баталиста предваряют слова: «Подвиг аджимушкайских героев останется в веках примером верности Родине, смелости, мужества советских людей, их решимости не покориться врагу, их умению не отступать ни перед какими трудностями. Пройдут десятилетия, но героическая оборона аджимушкайцев будет жить в памяти народа как одна из суровых и ярких страниц войны».

В самих каменоломнях создан музей подвига советских солдат, единственный в мире подземный музей Боевой славы. Сотни и тысячи людей, приезжающих в город-герой Керчь отдохнуть у моря, многочисленные туристы идут в каменоломни, чтобы увидеть этот уникальный музей.

Вход, выпиленный в толще каменной скалы, ведет вниз, в кромешную холодную тьму подземелья, этого «дантова ада». Свет электрических фонарей выхватывает из мрака закопченные мрачные стены и своды Центральной галереи. Боковые коридоры, отходящие в разные стороны, заложены до потолка глыбами белого камня. Без опытного проводника в темноте легко заблудиться в запутанных переходах каменного лабиринта, растянувшихся под землей на десятки километров.

Кругом немая давящая тишина склепа. Лишь изредка слышно, как где-то осыпаются камни да падают с потолка капли воды. Сырость, холод... Каменный коридор расширяется, образуя просторный грот. В центре большая плита из ракушечника. Букеты живых цветов. Под плитой братская могила, где погребены останки советских бойцов и командиров, сраженных в боях вражескими пулями и снарядами, задушенных газами, умерших от голода, жажды, болезней и ран, задавленных глыбами каменных обвалов.

Почтить их память, склонить головы пред их подвигом сюда идут люди, идут к безмолвной могиле непокоренных врагом защитников керченской земли. Осмотр каменоломен продолжается... И снова каменный зал. И еще одна братская могила. В ней погребены тысячи советских людей.

Украинскими скульпторами и архитекторами на территории каменоломен создан мемориальный комплекс героям Аджимушкая. История подземной обороны воплощена в камне и предстала въявь в образах бессмертных бойцов непобежденного подземного гарнизона. Этот памятник — дань всенародного признания подвига солдат и командиров, явивших образцы патриотизма и верности воинскому долгу в труднейших условиях вражеского окружения, сумевших превратить каменоломни в сражающуюся сто шестьдесят пять дней крепость.

Каждую весну, в мае, в годовщину начала обороны каменоломен, сюда, в Аджимушкай, собираются оставшиеся в живых защитники подземной крепости, их братья, сестры, жены, дети, родственники, жители Керчи. Собираются вспомнить о погибших боевых друзьях, о боях с врагом, о полных драматизма героических буднях обороны. О днях, ставших под землей ночью, об огневых ночах, когда с криками «ура!» вырывались на поверхность и шли в атаку. Сколько их было, таких атак...

Аджимушкайцы — частые гости на заводах и фабриках города, у строителей, рыбаков, среди учащихся. Они рассказывают о том, как стояли насмерть, защищая керченскую каменистую землю. Нашу советскую землю.

По-разному сложились их судьбы. Бывшему начальнику продовольствия подземного гарнизона майору Андрею Иоанникиевичу Пирогову выпала нелегкая доля. Больше трех месяцев сражался он в рядах защитников Центральных каменоломен против фашистов. Во время одной из ночных схваток с врагом был тяжело ранен и попал в плен. Гитлеровцы отправили советского майора в Германию, бросили в застенки концлагеря смерти Маутхаузен.

Допросы и пытки не сломили коммуниста и патриота, мужественного защитника каменоломен. Здесь, в жесточайших условиях бывший начпрод подземного гарнизона майор А. И. Пирогов стал одним из организаторов восстания узников в лагере смерти. Ему и другим участникам восстания удалось победить и выйти на свободу.

Андрей Иоанникиевич Пирогов хорошо знал полковника Ягунова, это ему приходилось выполнять его задания, брать на строгий учет запасы продовольствия в каменоломнях. В своих воспоминаниях, изданных отдельной книгой в Симферополе, бывший начпрод рассказал о героической обороне Аджимушкайских каменоломен, о несгибаемом организаторе сопротивления полковнике Павле Максимовиче Ягунове.

«Вы можете гордиться своим отцом,— пишут дочери Ягунова Кларе Павловне ветераны войны, те, кому довелось

служить с ним, сражаться под его командованием с врагом, высаживаться с десантом под Керчью в декабре сорок первого. Громить неприятеля в сорок втором в горах Крыма. Держать оборону в каменоломнях Аджимушкая. Героическую смертельную оборону.— Он погиб за правое дело,— пишут они.— Погиб как герой. А герои не умирают, они остаются жить вечно в памяти поколений».

Вырезки из газет, журналов. Книги. Письма. Особенно много у Клары Павловны писем. Ей пишут со всех концов нашей необъятной страны. Из Москвы и Волгограда, Ростова и Ташкента, Баку и Одессы, с Урала и Дальнего Востока. И во всех письмах теплые, проникновенные слова о ее отце — Павле Максимовиче, «бате», полковнике Ягунове, командире бессмертного подземного гарнизона каменоломен Аджимушкая.

Юношей добровольно вступил Павел Ягунов в 1918 году в Туркестанский отдельный коммунистический полк. На гражданской войне его приняли в ряды большевистской партии.

Полковник Ягунов в 1923 году окончил Ташкентское военное училище имени В. И. Ленина. В списке выпускников училища за тот год его фамилия стоит третьей, т. е. он был одним из лучших курсантов выпуска. Дорожа честью учебного заведения, давшего ему военное образование, Павел Максимович на протяжении всей своей службы в рядах Красной Армии продолжал учиться, много работал над повышением своих знаний. Он самостоятельно изучил немецкий язык и свободно владел им, хорошо знал литературу, искусство, историю.

Строгий, но справедливый, требовательный и добрый, умный собеседник и глубоко эрудированный военный специалист, замечательный педагог и воспитатель — так характеризуют полковника Ягунова все, кто знал его.

С 1923 по 1938 год П. М. Ягунов служил в прославленной 22-й Краснознаменной Краснодарской дивизии. Бойцы этой дивизии, защищая молодую Советскую Республику, прошли, громя белогвардейцев, от Урала до Черного моря. Здесь, на побережье, она дислоцировалась семнадцать лет. В 195-й полк дивизии почетным красноармейцем был зачислен Владимир Ильич Ленин.

В самом начале службы П. М. Ягунов обнаружил высокие боевые и моральные качества курсанта, а затем командира Красной Армии. Живой, находчивый, энергичный, он прославился среди своих товарищей храбростью и выдержкой в борьбе с басмачами на территории Средней Азии и с контрреволюционными бандитами в горах Кавказа. Сослуживцем Ягунова в эти годы был С. С. Бирюзов, впоследствии известный советский военачальник, Маршал Советского Союза. Оба

командовали взводами, а затем ротами в 65-м стрелковом полку 22-й Краснознаменной Краснодарской дивизии.

Вот один из эпизодов того времени, характеризующий умение П. М. Ягунова увлечь бойцов на выполнение поставленной задачи. Стояло жаркое южное лето 1924 года. Недалеко от Новороссийска шло строительство летнего лагеря для расквартировки подразделений дивизии. Выделенная от 65-го полка команда выполняла различные строительные работы. Красноармейцы устали, сморенные жарой. Приказ командования о завершении задания не был выполнен. Но вот на строительной площадке появился молодой, стройный, подчеркнуто опрятно одетый в ладно сидевшую на нем форму командир, недавний выпускник Ташкентского военного училища. Это был Павел Ягунов.

— Подразделение, слушай мою команду,— раздался голос Ягунова.— Равняйсь. Смирно.

Красноармейцы сразу почувствовали, что прибыл волевой, решительный командир. Обойдя строй с правого фланга на левый, Ягунов четко скомандовал:

— Кто не желает идти на строительство — три шага вперед.

Ни один красноармеец не вышел из строя. В этот день подразделение перевыполнило задание по строительству. С работы солдаты шли с песнями, и сам командир подпевал своим подчиненным. За неделю строительство летнего лагеря было завершено. К назначенному сроку.

Какую бы воинскую должность ни занимал П. М. Ягунов — везде он оставался командиром, образцово выполняющим возложенные на него обязанности. За годы службы в 22-й стрелковой дивизии он прошел путь от командира взвода до командира 65-го стрелкового полка.

В августе 1938 года полковник Ягунов получает назначение в Бакинское пехотное училище имени Серго Орджоникидзе на должность начальника кафедры тактики. С присущей ему страстностью отдался новой работе в качестве преподавателя военной науки. На практических занятиях он любил усложнять обстановку и добивался от курсантов и командиров умения преодолевать любые трудности. Павел Максимович любил повторять поговорку великого русского полководца Суворова: «Тяжело в учении — легко в бою». Иногда случалось, что на практических занятиях по тактике будущие командиры принимали решение отступить на запасные позиции. Начальник кафедры Ягунов спрашивал, чем обосновано такое решение, и, сам проанализировав обстановку, умел доказать его несостоятельность. А «любителям» отступать приходилось краснеть перед авторитетным полковником, признававшим одну

воинскую науку — науку побеждать. Павел Максимович учил курсантов и командиров умению вести бой в самых трудных условиях. Уже шла война. И полковник Ягунов рвался на фронт, писал командованию рапорт за рапортом об отправке на передовую.

Командование удовлетворило просьбу Ягунова о посылке на фронт и назначило командиром 138-й горнострелковой дивизии. Дивизия под его командованием принимала активное участие в боях за Крым, решительно громила фашистских захватчиков. А в 1942 году руководство Крымским фронтом назначает полковника Ягунова на должность начальника отдела боевой подготовки фронта. Был на исходе год войны — трудный суровый год. Новые кровопролитные бои и жестокие сражения предстояло выдержать нашей Армии до победы. Вера в неизбежность разгрома врага не оставляла полковника Ягунова даже в самые тяжелые дни.

На родине Ягунова в селе Чеберчине Дубенского района Мордовской АССР, том самом селе, где прошли детские годы фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, в центре сельской площади воздвигнут обелиск в память чеберчинцев, погибших в годы Великой Отечественной войны в боях за свободу и независимость нашей Родины. А в далекой от Чеберчина Керчи, у Аджимушкайских каменоломнях, белеет обелиск героям «Керченского Бреста» — защитникам подземного гарнизона, чьим командиром был чеберчинец, начальник отдела боевой подготовки Крымского фронта полковник Павел Максимович Ягунов.

Над городом-героем Керчью возвышается гора Митридат. День и ночь горит на вершине горы негасимое пламя, трепещет на вольном морском ветру. Вечный огонь зажжен в память погибших защитников и освободителей Керчи, города, для которого подвиг подземного гарнизона стал символом непобедимости, символом героизма.

РАССКАЗ ДОЧЕРИ

Я тогда радисткой в воинской части работала. Комната у меня была в коммунальной квартире — кухня на троих. Стираю в ванной, день воскресный, летний, а соседка Зоя Ивановна, гардеробщица из театра, выбежала в коридор, кричит мне:

— Бросай стирку, иди радио слушай. Про твоего отца из Москвы передают.

Меня словно кипятком ошпарило, кинулась в комнату, второпях включила радио: какой-то мужчина (потом я узнала, что это писатель Сергей Смирнов выступал) про оборону Керченских каменоломен рассказывал и фамилию полковника Ягунова, моего отца, несколько раз назвал. Слушаю передачу, а сердце так и бьется, и слезы на глазах, вижу все, как в тумане. Мне еще в войну сообщили, что отец в Крыму без вести пропал, и с тех пор о нем ничего не известно было. Оказывается, погиб он в каменоломнях на посту командира подземного гарнизона, а не без вести пропал. В полном окружении сражался гарнизон за Родину и не сдался врагу. Последнее письмо отец прислал из Керчи весной сорок второго года. Он уже не дивизией командовал, а начальником отдела боевой подготовки Крымского фронта был.

Слушаю я радио, и сама не могу объяснить, что со мной: и радость, и горе — все вместе. Кончилась передача, я от репродуктора отойти не могу, стою — на руках мыло засохло, про стирку свою забыла. Зоя Ивановна в комнату вошла, другие соседи. Спрашивать стали, правда ли, что про моего отца рассказывали или об однофамильце. На другой день на работе об этом же спрашивали. Один из офицеров, карьерист, каких отец терпеть не мог, доказательств даже потребовал, что я дочь того самого полковника Ягунова, о котором по радио передавали. Так и сказал ехидненько: чем, говорит, вы докажете?

Доказать я тогда ничем не могла, да и не собиралась никому ничего доказывать. Писем от отца, когда он в Крыму

воевал, не сохранилось: часто приходилось переезжать с места на место. Одно лишь осталось, с фронта, небольшое, карандашом писаное. Несколько фотографий сберегла; на одной я с отцом, перед самой войной снимались, в Баку. Он там в пехотном училище заместителем начальника служил и тактику преподавал, а я в школе училась, совсем глупая девчонка. За папиной спиной я тогда спокойно жила, а потом другую жизнь узнала, ох как узнала... На той фотографии у меня губы пухлые, полуоткрытые, улыбаюсь, счастливая. Теперь я так не умею улыбаться. У отца губы сжатые, строгие, а взгляд грустный, близорукий: пенсне он всегда носил. Я с ним без мамы с тридцать седьмого осталась.

До Баку мы на Северном Кавказе жили, где отец командовал полком. Я видела его очень редко и скучала. Возвращался он обычно поздно — я уже спала, а утром уходил рано.

Какое счастье было для меня, когда отец вдруг брал выходной и мы отправлялись на рыбалку на мол, который тянулся почти до середины бухты, или отчаливали в море на лодке! Вот когда я могла наговориться с ним досыта, наглядеться на него, просто приласкаться, прижаться к его щеке. Больше всего я бывала с ним, когда мы жили в военных лагерях... Дощатые строения штаба, клуба, столовой, за ними среди зелени ряды белых палаток, дорожки, посапынные желтым песком: сигналы горна, строгий порядок во всем и чистота, прохладные ночи, воздух, пахнущий морем и кипарисами, шум прибоя, солнце, встающее из-за гор, капли дождя, стучащие по брезенту туго натянутой палатки. Мне казалось, что это прыгали лягушки, которых я очень боялась. Отец нашел ежика и сказал, что теперь мне нечего бояться: ежик уничтожает мышей, змей и лягушек. И я больше не боялась.

Торжественно, необычно было все в лагере, когда готовились и проводились маневры, и отец был полон этим важным событием. Сосредоточенный, он лишь изредка мог подойти ко мне. Бывало, застенчиво улыбнется, спросит:

— Не скучно, дочка?..

В зависимости от того, как проходили учения, бывал отец то задумчив, то весел, а то и сердит.

Случилось, что за какую-то провинность отец не взял меня с собой в лагерь. Позже, когда прошел срок наказания, за мной зашел шофер дядя Миша, мимоходом, как он сказал, и привез меня в лагерь. Я вбежала к отцу в кабинет, бросилась к нему, а он притворился удивленным, спросил, как я сюда попала. Дядя Миша, говорю, привез. «Вот я вас накажу вместе с твоим дядей Мишей»,— брови строго сдвинуты, а глаза добрые, смеются.

Иногда проснусь ночью, а у отца в углу палатки на походном столике лампа под абажуром горит, он над книгой сидит, читает, записи делает. Иностранные языки самостоятельно изучал и свободно немецким владел.

Я не понимала, почему солдаты и офицеры между собой отца «батей» звали. В конце сорок первого, когда он дивизией командовал, мне удалось последний раз с ним повидаться. В сопровождении адъютанта вхожу в штаб и слышу: «К бате дочка приехала». Оказывается, и на фронте его «батей» называли. У отца шло совещание, и пришлось ждать, пока оно окончится. Адъютант Михайлов говорит мне: «Батя всем нам, как родной отец, и мы будем беречь его». Но Михайлов и шофер первыми погибли в боях...

На фронт отец с первых дней войны рвался, да не отпускали его из училища, он несколько рапортов командованию подавал и своего добился. Когда мне извещение прислали, что он без вести пропал, всякие мысли в голову шли. И, что жив отец, надеяться хотелось. Каждый день ему письма на фронт писала. Приду из школы, уроки сделаю — и письмо сажусь писать. Письма все назад возвращались. Иногда долго обратно не приходили, и я ждала, надеялась. Верила, что ответа дождусь. Потом отсылать перестала.

Наговорюсь с ним так — и легче станет. Квартиру, которую мы с отцом занимали, другой семье отдали, а меня в детдом хотели устроить. Я в детдом не пошла, большая, говорю. Меня к себе библиотекарша из училища взяла, Лариса Николаевна, хорошая женщина, у самой двое детей было и муж на фронте. Вместо родной дочери у нее жила. Когда я десять классов окончила — замполит училища, папин сослуживец подполковник Брагин, на курсы радисток меня зачислил, а после учебы при училище устроил. Память о себе здесь отец добрую оставил, поэтому и ко мне с уважением относились. Садовник в училище был, Степан Лукич, рассудительный такой старик, как увидит меня, на дежурство иду или домой, а он всегда возле клумб что-нибудь делал, срежет несколько роз или других каких цветов — и мне. И об отце что-нибудь хорошее скажет. Отец очень цветы любил.

«Подойдет, бывало,— это Степан Лукич так рассказывал,— а я копаю что-нибудь, подрезаю или рассаду пикирую, руки у меня в земле, а он руку протягивает, здоровается... А мне неудобно свою подать, извините, скажу, Павел Максимович, руки грязные. Нет, поправит, не грязные, Лукич, а в земле,— а сам улыбнется. Земля, она чистая, и ты не чурайся мне руку свою дать. Я в своем деле полковник, а ты в своем — вот мы и ровня».

Я и представить тогда не могла, сколько людей отца знало. Возвращаюсь раз после дежурства, из училища, тороплюсь. Гимнастерка на мне, сапоги, одним словом, обмундирование военное. Навстречу у Дворца горняков попадается старший лейтенант, высокий, чернявый, рука на перевязи. Останавливает:

— Здравствуйте! Не узнаете? А я вас сразу узнал, как увидел, хоть вы с тех пор и изменились. Совсем невеста...

«Боже мой,— думаю,— кто же это?» Смотрю на лейтенанта, неудобно даже стало.

— Нет,— головой качаю,— не узнаю.

— Хотите напомню? Курсантом я дневалил в казарме. Батя заходит в помещение, и вы с ним, бантики в косичках, на щеке царапина. Увидел полковник на полу окурок, попросил у меня веник. Я удивился, веник подал, а сам не пойму, что к чему. Он взял веник, подмел и сказал:

— Вот теперь чисто.

Я покраснел, от стыда готов был сквозь землю провалиться. Лучше бы отругал или на «губу» посадил. Чистота после этого у нас была идеальная.

Спросил лейтенант, где теперь отец, потом до дома меня пошел провожать. Я возражать не стала.

— Завтра увидимся?— спрашивает.

Назначил свидание, да только я не пошла. Хоть мне и восемнадцать исполнилось, я ни с кем еще не встречалась. На танцы в училище по субботам ходила, танцевала с ребятами, а дружить — ни с кем не дружила. Не пошла на свидание, сижу книгу читаю, а чтение в голову не идет. Ловлю себя на мысли, что о лейтенанте думаю. Слышу: стучит кто-то в дверь. Лариса Николаевна пошла открывать:

— К тебе, Клара, молодой человек.

Вышла я в коридорчик — он. Билеты в кино купил. Я скоренько собралась. Стала с ним встречаться: он последние дни в госпитале долечивался после ранения, и на фронт уезжать ему время было. Выписался из госпиталя, я его на вокзал провожать поехала. Дождь, слякоть, ветер сильный, косынку с головы рвет, неуютно как-то. Стоим на перроне, до отправления несколько минут осталось. Спрашивает меня: «Будешь ждать?» И поцеловал при всех, при народе. У вагона провожающие стояли, девчонка в разношенных туфлях под гармонь плясала, припевала отчаянно: «Ты, война, ты, война, ты меня обидела...»

Убили его в конце войны под Берлином, и не судьба была мне его дождаться.

После той передачи по радио, где об отце рассказывалось,

в Керчь меня пригласили. Журналист керченский, Володя Биршерт, дотошный такой, энергичный, многое сделал, чтобы участников обороны каменоломен и их родственников разыскать. Так и меня нашел. В общем, пригласили меня на встречу с бойцами подземной крепости, с теми, кто в живых остался. Из разных городов люди съехались. Жены, матери, дети погибших. Сколько я об отце на той встрече узнала, о беззаветной верности Родине бойцов и командиров бессмертного гарнизона! И захотелось мне жить на той горькой, обдутой солеными ветрами земле, где отец погиб.

СОДЕРЖАНИЕ

Соболевский Александр.

54 Командир подземного гарнизона: Повесть.—2-е изд., доп.—Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983.—248 с.

Эта повесть не документальна. Но в ее основу положены действительные события Великой Отечественной войны — героическая оборона советскими войсковыми подразделениями Аджимушкайских каменоломен под Керчью в мае — октябре 1942 года.

Повесть «Командир подземного гарнизона» — об организаторе обороны Керченских каменоломен, уроженце Мордовии полковнике Павле Максимовиче Ягунове,— была выпущена издательством в 1975 году. Подвиг героев Керчи в годы Великой Отечественной войны воссоздан на страницах книги правдиво и художественно убедительно. Для нового издания автор дополнил повесть новыми материалами о беззаветном героизме бойцов и командиров подземного гарнизона.

С $\frac{4702400000-060}{М\ 130(03)-83}$ 61—83

ББК 84 Р 7

Александр Александрович Соболевский

КОМАНДИР
ПОДЗЕМНОГО ГАРНИЗОНА

Повесть

Редактор
Н. М. Мирская
Оформление
П. А. Алексеева
Художественный редактор
Л. В. Попов
Технический редактор
Е. И. Синяева
Корректор
Е. П. Бельдяева

ИБ № 1142

Сдано в набор 15.02.83. Подписано к печати 13.05.83. Ю00516. Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.-печ. л. 14,42. Усл. кр.-отт. 14,92. Уч.-изд. л. 15,52. Тираж 50 000 экз. Заказ № 976. Цена 65 коп.

Мордовское книжное издательство Государственного комитета Мордовской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 430000, г. Саранск, Советская, 55.

Республиканская типография «Красный Октябрь» Государственного комитета Мордовской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 430000, г. Саранск, Советская, 55-а.

...большевиков

...всем народам

Я небольшой человек — я комму-

нист — большевик — вечный...

...нин Советского союза. И если

я умер, то кто-нибудь помнят и ни-

когда не забывают, брать,

семь... родине, чтоб эта смерть

была борьбой за коммунизм, за

явно борьбы и крови. Война те-

таки и еще не кончилась. А все-

Мы победим!

Смерть

Мы победим!

Мы

Отсто...

А я за

Ро...

С...

К...

Да здравствует наша [illegible]

Родина!

Лучше смерть

Помните

нас!

Прошу после моей смерти считать меня коммунистом

Смерть врагу.

Да здравствует

Красная Армия!

Родные прощайте

Прощайте!

Наше дело право, смерть фашистским гадам.

Умрем за родину!

Смерть врагам

Да здравствует коммунизм!

65 коп.